

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

НАГОВИЦЫНА Наталья Валерьевна

**СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА
«ПАТРИОТИЗМ» И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ
ОБЪЕКТИВАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ РЕЧИ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент **Ручина Людмила Ивановна**

Нижний Новгород — 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Теоретические основы анализа концептов в современном гуманитарном знании	15
1.1. <i>Основные термины и понятия антропоориентированного лингвокогнитивного подхода в лингвокультурологических исследованиях</i>	15
1.1.1. Антропоцентрический подход и современная отечественная лингвокультурология.....	15
1.1.2. «Языковая концептуализация мира» как научное понятие.....	19
1.1.3. Языковая картина мира.....	23
1.2. «Концепт» и «концептосфера» в современной науке о языке.....	26
1.2.1. Проблема определения концепта.....	26
1.2.2. Структурная организация концепта и его языковая объективация.....	33
1.2.3. Проблема классификации концептов.....	38
1.2.4. Научное понятие «концептосфера».....	41
1.3. <i>Комплексное описание концептов национальной культуры: проблема метода</i>	44
1.3.1. Современные методы и методики концептуального анализа: общая характеристика.....	44
1.3.2. Проблема комплексного описания концептов в современной концептологии.....	52
1.3.3. Обоснование концепции исследования и последовательных этапов ее реализации.....	56
<i>Выводы по главе I</i>	59
ГЛАВА II. Когнитивные признаки и семантический объем концепта ПАТРИОТИЗМ в национальной концептосфере и его воплощение в русском языке	62
2.1. <i>Экстралингвистическое содержание концепта ПАТРИОТИЗМ и его семантическое наполнение в лексико-семантической системе языка</i>	62
2.1.1. Категория патриотизма в русской культуре: общая характеристика экстралингвистического содержания понятия.....	62
2.1.2. Концептуальное содержание и смысловой объем концепта ПАТРИОТИЗМ по данным лексикографических источников.....	73
2.1.3. Фразеологическая и паремиологическая репрезентация концепта ПАТРИОТИЗМ.....	79
2.2. <i>Языковая объективация концепта ПАТРИОТИЗМ</i>	87
2.2.1. Деривационные связи и отношения в языковой объективации концепта ПАТРИОТИЗМ.....	87
2.2.2. Парадигматические связи и отношения в языковой объективации концепта ПАТРИОТИЗМ.....	96

2.2.3. Синтагматические связи и отношения в языковой объективации концепта ПАТРИОТИЗМ	105
2.2.4. Совокупное концептуальное содержание, смысловый объем и семантическая структура концепта ПАТРИОТИЗМ в русской языковой картине мира	119
<i>Выводы по главе II</i>	128
ГЛАВА III. Концепт ПАТРИОТИЗМ в речевой практике носителей современного русского языка и в современном русском языковом сознании	131
3.1. <i>Дискурсная актуализация концепта ПАТРИОТИЗМ в современной русской речи</i>	131
3.1.1. Когнитивные признаки концепта ПАТРИОТИЗМ по данным Национального корпуса русского языка и интернет-мониторинга	131
3.1.2. Новые явления в языковой экспликации концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи новейшего периода	141
3.2. <i>Концепт ПАТРИОТИЗМ в языковом сознании носителей современного русского языка</i>	160
3.2.1. Психолингвистический ассоциативный цепочечный эксперимент: описание процедуры исследования	160
3.2.2. Верификация концептуального содержания и смыслового объема концепта ПАТРИОТИЗМ по результатам ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента.....	163
<i>Выводы по главе III</i>	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	183
ПРИЛОЖЕНИЕ	210

ВВЕДЕНИЕ

В диссертационном исследовании осуществлено комплексное лингвокультурологическое описание концептуального содержания, смыслового объема и семантической структуры концепта ПАТРИОТИЗМ в русской языковой картине мира, его языковой репрезентации в речевой практике носителей языка и в русском языковом сознании.

В научных стратегиях современного гуманитарного знания все активнее заявляет о себе интерес лингвистов к изучению языкового воплощения национального своеобразия взгляда на мир этноса. Это нашло свое отражение в формировании в отечественной науке о языке такого междисциплинарного научного направления, как лингвокультурология. Одним из главных механизмов познания закономерностей экспликации и функционирования культурно-значимой информации в естественном языке является анализ концептов культуры. Не случайно в последнее время для лингвокультурологических исследований в области концептуального анализа появился даже свой обобщающий термин (пока еще не ставший общепринятым) — «лингвоконцептология».

Одним из наиболее значимых ключевых концептов в пространстве русской культуры является концепт ПАТРИОТИЗМ. Вообще говоря, представление о патриотизме выступает в качестве знаковой культурной доминанты для всего человечества, для всех государственных институтов и этических образований. В этом плане в восприятии патриотизма имеется существенный инвариантный компонент универсального, общечеловеческого содержания. Однако, несмотря на свое иноязычное происхождение, концепт ПАТРИОТИЗМ обладает особой культурной и ценностной маркированностью именно в русском мире.

С самых истоков этногенеза русских идея любви к родной земле, к мету обитания рода, племени, народности имеет определяющее значение в духовной эволюции русской культуры, в становлении этнического самоопределения

и обретении национальной идентичности. Также с самого начала национально-специфичному представлению о патриотизме была присуща определенная неоднозначность, ценностная двойственность, которая была заложена еще в культуuroобразующей для русского мира антиномии язычества и христианства и сохранилась вплоть до наших дней.

При этом содержание концепта и его оценочный фон сильно варьируются в разные исторические периоды, зависят от принадлежности говорящего к тем или иным общественно-политическим силам, от социально-политической обстановки, от идеологических установок и ценностных приоритетов, наконец, от типа дискурса (официальный или неофициальный). Указанные соображения обуславливают необходимость предпринятого нами комплексного лингвокультурологического описания концепта ПАТРИОТИЗМ в синхронно-диахронном аспекте.

Актуальность данного исследования состоит в научной и общекультурной значимости всестороннего изучения концептуального содержания и ценностного потенциала концепта «патриотизм» в контексте лингвокогнитивного и лингвокультурологического направлений, востребованных в современной антропоцентрически ориентированной науке о языке.

Объект данного исследования — русская национальная концептосфера как иерархически структурированная и системно организованная совокупность всех концептов национальной культуры.

Непосредственный предмет данного исследования — семантическое наполнение и смысловой объем концепта ПАТРИОТИЗМ в его языковом и речевом воплощении.

Объект и предмет исследования позволяют определить **цель данного исследования** — осуществить комплексное лингвокультурологическое синхронно-диахронное описание концептуального содержания и языковой объективации концепта ПАТРИОТИЗМ в русской языковой картине мира, в речевой практике носителей русского языка и в русском языковом сознании.

Поставленная цель обуславливает необходимость в решении следующих **задач исследования:**

1) охарактеризовать теоретические основы анализа концептов в современном гуманитарном знании, существующие принципы, методы и методики концептуального анализа, посредством чего обосновать принятую в работе концепцию комплексного описания концепта ПАТРИОТИЗМ и процедуру его поэтапного анализа;

2) определить экстралингвистическое содержание и понятийный объем категории патриотизма в русской культуре;

3) описать концептуальное содержание и смысловой объем концепта ПАТРИОТИЗМ по данным лексикографических источников;

4) охарактеризовать особенности фразеологической и паремиологической репрезентации концепта ПАТРИОТИЗМ;

5) выявить и содержательно интерпретировать словообразовательные, парадигматические и синтагматические связи и отношения слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ в языковой объективации концепта;

6) проанализировать рефлексы дискурсной актуализации слов, воплощающих концепт ПАТРИОТИЗМ, в речевой практике носителей русского языка для верификации и уточнения его когнитивных признаков, выявленных на предыдущих стадиях анализа;

7) исследовать новые явления в речевой реализации слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ в лексике и словообразовании;

8) провести психолингвистический ненаправленный ассоциативный цепочечный эксперимент и на этой основе уточнить особенности восприятия концепта ПАТРИОТИЗМ в современном русском языковом сознании.

Материалами данного исследования являются:

1) материал энциклопедических источников, философских, психологических и социологических словарей, научных и публицистических трудов на тему патриотизма;

2) содержательный и иллюстративный материал лексикографических источников — основных русских толковых, фразеологических и словообразовательных словарей, словарей синонимов и антонимов, пословиц и поговорок, словарей инотсранных слов;

3) языковой и текстовый материал Национального корпуса русского языка;

4) языковые и текстовые данные собственного Интернет-мониторинга автора;

5) данные психолингвистического ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента.

Объем обследованного материала. Общий объем проанализированных словоупотреблений составил около 900 единиц (лексемы *патриот*, патриотизм и другие производные слова в составе словообразовательного гнезда с вершиной *патриот*, неогериваты с корнем *патриот-*, синонимы, антонимы, фразеологизмы и т.д.). Из Национального корпуса русского языка методом сплошной выборки было извлечено более 700 контекстов употребления слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ, из русскоязычного сегмента сети интернет — около 200 слов.

Степень изученности вопроса. Разные аспекты понятия о патриотизме интенсивно обсуждались в философских, религиозных, общественно-политических, публицистических и художественных трудах примерно с начала XIX в. Собственно научное изучение патриотизма, прежде всего в общественных науках зародилось примерно с конца XIX — начала XX в., когда необходимо было осмыслить уроки периода самоопределения наций, бурного роста этнического самоопределения и поиска путей национальной идентичности.

В настоящее время в отечественном гуманитарном знании патриотизм также находится в зоне исследовательского внимания прежде всего философов [Макаров 1988; Криворученко 2008; Сафонова 2012 и др.], этиков [Лутовинов 2003; Иванова 2004; Лукова, Курганская 2012 и др.], политологов [Герасимова 2007; Ручкин 2015 и др.], социологов [Гаврилюк, Маленков 2007;

Томилина, Манецкая 2015; Селиверстова, Курганская 2017 и др.], историков [Одесский, Фельдман 2012; Капицын 2014 и др.], культурологов [Фан 2013; Пономарев 2016; Мурзина 2017 и др.], педагогов [Лыкова 2013; Кашапова 2014; Багрецов, Швецов 2016 и др.]. В отечественной филологии разные составляющие представления о любви к родной земле, правда, без активного использования самого слова *патриотизм*, широко освещаются в культовой работе академика Д.С. Лихачева «Заметки о русском» [Лихачев 1987].

При этом собственно лингвистическое изучение концепта ПАТРИОТИЗМ начинается сравнительно недавно. Так, в словаре Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» *патриотизм* специально не выделяется, но имеется такой компонент концептосферы, как 'родная земля': он определяется через элементы *Русь / Россия, природа, дом, близкие / родные люди, родное слово / язык* и пр. [КСКТ 1997: 150–181].

В последнее время идея патриотизма все чаще попадает в сферу интересов именно лингвистов. Исследуются самые разные грани представления о патриотизме в самых разных типах дискурса (в общественно-политическом, медийном, новостном, историческом, спортивном, экстремистском и пр.) и тематических областях русского языка [Мальшева 2010а и 2010б; Коршунова, Шульмин 2013; Лебедев 2016; Коростелева 2017 и др.].

Но при этом, в рамках именно предлагаемой нами методики комплексного синхронно-диахронного, лингвокультурологического и лингвокогнитивного описания, основанной на разработках Нижегородской школы концептуального анализа, причем на материале Национального корпуса русского языка и психолингвистического эксперимента, исследования концепта в современной отечественной науке о языке еще не осуществлялись. Кроме этого, назрела необходимость осмыслить новые явления в бытовании концепта ПАТРИОТИЗМ в социокультурном пространстве сегодняшней России, в контексте полемики о путях духовного возрождения России, обсуждения проблемы национальной идентичности, уникальности национальных ценностей и поиска

национальной идеи, заметно активизировавшихся в общественном сознании последних лет.

Таким образом, **новизна данного исследования** определяется введением в научный оборот нового предмета — смыслового наполнения и языковой объективации концепта ПАТРИОТИЗМ через призму лингвокультурологического когнитивно-ориентированного подхода, нового материала для исследования — контекстов употребления из Национального корпуса русского языка, а также в экспериментальном исследовании ассоциатов на слово-стимул *патриотизм*, что раньше не осуществлялось. Также еще не изучались в современной науке о языке лексические и словообразовательные инновации в речевой актуализации слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ, впервые описанные в данном диссертационном исследовании.

Теоретическая значимость данного исследования прежде всего заключается в уточнении основных принципов и конкретной методики комплексного лингвокультурологического описания концептуального содержания и языковой объективации концепта и апробировании ее на новом исследовательском материале — на примере концепта, по происхождению иноязычного, но имеющего повышенную социальную значимость именно в русской культуре.

Практическая значимость данного исследования определяется тем, что его основные результаты могут быть использованы в написании учебно-методических разработок и в преподавании вузовских общих курсов по лексикологии и фразеологии, по когнитивной лингвистике, курсов по выбору по прикладной лингвистике, лингвокультурологии и концептуальному анализу, в практике составления словарей нового типа — словарей концептов и лингвокультурологических тезаурусов, а также в судебных и внесудебных лингвоэкспертных исследованиях спорных медийных, политических и юридических текстов, в том числе экстремистской направленности в духе работ [Радбиль 2014; Радбиль, Юматов 2014].

Методологическую базу данного исследования составили идеи лингвистического антропоцентризма, сформулированные в исследованиях В. фон Гумбольдта, Й.-Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б.Л. Уорфа, Э. Бенвениста, А. Вежбицкой, Р.А. Будагова, В.М. Алпатова, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, Ю.Н. Караулова, Е.В. Рахилиной и др.; положения теории языковой концептуализации мира и языковой картины мира, обоснованные в трудах Ю.Д. Апресяна, Е.С. Кубряковой, В.И. Постоваловой, Т.В. Цивьян, Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова, О.Г. Почепцова, О.А. Корнилова, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева и др.; принципы лингвокультурологического подхода к анализу языка, изложенные в работах В.Н. Телия, В.В. Воробьева, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.В. Красных, В.А. Масловой, В.И. Карасика, и др., методологические основы и конкретные методы концептуального анализа, представленные в разработках В.В. Колесова, А.П. Бабушкина, Л.О. Чернейко, Р.М. Фрумкиной, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Г.Г. Слышкина, С.Г. Воркачева и др.

Методы и методики данного исследования. В работе использована методика анализа концептов культуры, разработанная учеными ННГУ им. Н.И. Лобачевского, метод традиционного лингвистического описания, метод компонентного анализа, структурно-семантический метод словообразовательного анализа, метод контекстуального анализа, метод дискурс-анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Наиболее полно и точно описать смысловое наполнение такого специфического, идеологизированного и иноязычного, концепта ПАТРИОТИЗМ можно с использованием специально разработанной методики комплексного синхронно-диахронного анализа энциклопедических и лексикографических источников, фразеологического и паремиологического фонда, особенностей словообразовательной, парадигматической и синтагматической репрезентации воплощающих концепт слов, текстовых данных и новых явлений в лексике и словообразовании; полученные результаты необходимо верифицировать посредством проведения психолингвистического эксперимента.

2. Концепт ПАТРИОТИЗМ, несмотря на его иноязычное происхождение, имеет значительную национальную обусловленность, культурную разработанность и социальную значимость именно в русской языковой картине мира, о чем свидетельствуют выявленные в результате комплексного анализа 25 когнитивных признаков, разветвленное и объемное словообразовательное гнездо с вершиной *патриот*, а также постоянно пополняемый массив лексических и словообразовательных инноваций в современном употреблении слов — репрезентантов концепта.

3. Концепт ПАТРИОТИЗМ в русской культуре имеет ценностную двойственность, реализуя в своем содержании как положительную, так и отрицательную оценочность; мена полюсов оценки в восприятии патриотизма зависит от хронологического периода, от приверженности говорящих к определенной идеологии, от социально-политической обстановки и пр. В то же время в обыденном, неофициализированном языковом сознании сохраняет свою актуальность положительно окрашенное представление о важности, значимости родной земли, родной страны, которое определяет национальную и культурную идентичность русского человека.

4 Слово *патриотизм* в контекстах нестандартной сочетаемости демонстрирует рефлекс овеществления и / или одушевления абстрактного понятия по моделям концептуальной метафоризации Дж. Лакоффа — М. Джонсона. В результате этого в концептуальном содержании патриотизма образуются новые, ассоциативно семантические когнитивные признаки: 'мифологизованный конкретно-чувственный объект'; 'мифологизованное вещество с магическими свойствами'; 'мифологизованное воображаемое пространство (среда)', 'сверхъестественная одушевленная сущность'.

5. Новые явления в речевой реализации концепта ПАТРИОТИЗМ на уровне лексики обнаруживают признаки существенного семантического расширения слов *патриот* и *патриотизм*, связанного с распространением возможности их употребления на тематические области, ранее им несвойствен-

ные (патриотизм финансовый, экономический, корпоративный, потребительский, рублевый и даже IT-патриотизм). Также расширяются возможности позитивно- и негативно-оценочной квалификации патриотизма (патриотизм чистый, здравый и т.п. — патриотизм мелочный, пошлый, навязчивый, истеричный и т.п.).

6. Новые явления в речевой реализации концепта ПАТРИОТИЗМ на уровне словообразования — неогериваты на базе корня *патриот*- обычно выражают негативную оценку, для которой возможны три варианта: (1) отрицательная оценочная реакция носителей языка на проявление враждебного чувства к Родине (*контрпатриотизм, антипатриот*); (2) отрицательная оценочная реакция носителей языка на выражение показного, неискреннего (т.е. фальшивого) чувства любви к Родине (*квазипатриотизм, лжепатриот, патриотишка*); (3) отрицательная оценочная реакция носителей языка на чрезмерное, аффектированное выражение чувства любви к Родине (*мегапатриот, сверхпатриот, патриотище*).

7. Результаты психолингвистического ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента подтверждают психологическую реальность когнитивных признаков концепта ПАТРИОТИЗМ, выявленных на предыдущих стадиях анализа, в современном русском языковом сознании и обнаруживают некоторые новые черты в бытовании данного концепта в наши дни: возвращение к доминированию его позитивно-оценочного восприятия над восприятием негативно-оценочным; развитие тенденции к определенной милитаризованности в восприятии концепта, его политизации и идеологизации, акцентированию роли внешней атрибутики.

Апробация результатов данного исследования. Основные положения диссертационного исследования представлены в статьях, докладах и материалах конференций. Диссертация прошла апробацию на международных и российских научных конференциях: Международная научно-практическая конференция «Активные процессы в русском языке: национальное и интернацио-

нальное» (Нижний Новгород ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020); II Всемирный конгресс «Восток-Запад: пересечения культур» (Киото, Япония, 2019); XIV Конгресс МАПРЯЛ «Русское слово в многоязычном мире» (Нур-Султан, Казахстан, 2019); V Международная конференция «Дни славистики в Андалузии» (Гранада, Испания, 2019), IX Международный конгресс по когнитивной лингвистике «Интегративные процессы в когнитивной лингвистике» (Нижний Новгород, ВШЭ-НН, 2019); Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019); Международная научно-практическая конференция «Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно-историческое достояние народа» (Нижний Новгород ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019); Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти С.Г. Стерлигова (Нижний Новгород ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019); III Международный симпозиум «Русский язык в поликультурном мире» (Симферополь–Ялта, КФУ им. В.И. Вернадского, 2019); Международная конференция русистов в Барселонском университете (Барселона, Испания, 2018); II Международный симпозиум «Русский язык в поликультурном мире» (Симферополь–Ялта, КФУ им. В.И. Вернадского, 2018). Диссертация прошла обсуждение на заседании кафедры преподавания русского языка в других языковых средах Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Структура работы. Диссертация содержит введение, три главы, заключение, библиографический список и приложение. Общий объем диссертации составляет 207 с.

Во **введении** обозначены актуальность, объект, предмет и материал исследования, формулируются его цель и задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, представлены методологическая база и методы исследования, приводятся положения, вынесенные на защиту.

В первой главе освещаются основные теоретические проблемы исследования, его базовые термины и понятия, а также обосновывается принятая концепция исследования.

Во второй главе анализируется концептуальное содержание концепта ПАТРИОТИЗМ по материалам энциклопедических и лексикографических источников, по данным фразеологии и паремиологии и языковая репрезентация концепта.

В третьей главе рассматривается дискурсивное варьирование слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ и обсуждаются результаты ассоциативного цепочечного эксперимента.

В заключении содержатся основные результаты и обосновываются перспективы исследования.

Библиографический список состоит из трех разделов: источники, научная и учебно-методическая литература, словари и энциклопедии — и включает в себя 264 позиции.

В приложении приводится образец анкеты для проведения психолингвистического ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента.

ГЛАВА I. Теоретические основы анализа концептов в современном гуманитарном знании

В главе рассматриваются основные термины и понятия антропоориентированного лингвокогнитивного подхода в лингвокультурологических исследованиях (раздел 1.1), освещаются научные понятия «концепт» и «концептосфера» (раздел 1.2), характеризуются существующие методы и методики концептологических исследований и обосновывается концепция работы (раздел 1.3).

1.1. Основные термины и понятия антропоориентированного лингвокогнитивного подхода в лингвокультурологических исследованиях

1.1.1. Антропоцентрический подход и современная отечественная лингвокультурология

Наше исследование основано на идеях лингвистического антропоцентризма, который предполагает анализ языка, сознания и культуры в их взаимообусловленном единстве в контексте представления об определяющей роли языка в человеческой духовной активности, в деятельности по осмыслению окружающего мира.

Антропоцентрический подход сформировал установку ученых на исследование сложных и многообразных отношений человека с внешней средой, на понимание места человека в культурном пространстве и его познавательной активности, направленной на постижение физической, психической и социальной реальности, что так или иначе воплощается в его языке. Это позволяет считать данный подход **когнитивно-ориентированным**. В его основе лежит

всеобъемлющее понятие «**когниции**» — совокупной деятельности человека по осмыслению мира посредством единого комплекса языка, сознания, поведения [КСКТ 1996]

Именно в силу этого для современного гуманитарного знания характерно становление **интердисциплинарности**, которая в данном случае заключается в тяготении лингвистов к объединению усилий с философами, психологами, антропологами, культурологами, социологами и пр. на исследовательском поле комплексного изучения человека, его духовной и социальной деятельности в мире. Это позволило расширить понимание языка, включить в его научное осмысление когнитивные, ценностные и поведенческие модели, стоящие за языковыми употреблениями. Язык в этой связи рассматривается как своего рода тезаурус, который постоянно предоставляет исследователю значимую информацию о мироощущении народа и его национальном характере, о культурных установках, традициях, нравах и обычаях его носителей, о духовной эволюции народа и его актуальном знании о мире.

Опираясь на указанные выше научные принципы, в 90-е гг. XX в. в отечественном гуманитарном знании формируется интегративное **лингвокультурологическое направление** в науке о языке [Телия 1996; Воробьев 1997; Верещагин, Костомаров 2000; Маслова 2001; Алефиренко 2011 и др.]. Обычно лингвокультурологию определяют как «взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия как единой системной целостности» [Воробьев 1997: 32]. Широко известна «химическая» научная метафора С.Г. Воркачева, согласно которой лингвокультурология проявляет себя как «новейшее молекулярное соединение..., отличное от всех прочих своим «атомарным составом» и валентностными связями: соотношением «долей» лингвистики и культурологии и их иерархией» [Воркачев 2001: 65].

В задачи современной отечественной лингвокультурологии входит исследование того, как взаимоотражаются друг в друге культура этноса и язык,

ментальность этноса и язык. Через эту систему взаимоотражений, как в зеркале, можно обнаружить этническое и культурное своеобразие народа, отраженное в его языке [Ручина 2000]. В качестве объекта лингвокультурологии принято рассматривать культурно-значимую информацию, представленную в национальных кодах культуры и тем или иным образом объективированную в национальном языке, как пишет В.Н. Телия, в виде таких специфических единиц, как «культурные концепты, культурные семы, культурные коннотации и культурный фон» [Телия 1996].

По мнению В.И. Карасика, лингвокультурология в наши дни, несмотря на свою юность, постепенно становится одной из ведущих отечественных научных дисциплин гуманитарного цикла, чему способствуют следующие факторы:

(1) современная культурная парадигма человечества характеризуется тенденцией к глобализации, и на этом фоне люди мира начинают отчетливо осознавать мысль о важности сохранения уникальности и самобытности каждой национальной культуры, каждого этнического языка, о необходимости создания культуросберегающих технологий, которые позволят народам транслировать свои культурные ценности и не смешиваться в «плавильном котле» цивилизации; при этом при надлежащих принципах кросс-культурной коммуникации, ничто не мешает им добиться взаимопонимания, не смешиваясь, не растворяясь в иной культуре;

(2) все лучшее в наше время в науке делается на «стыке наук», и лингвокультурология, в силу изначальной комплексности своего объекта — человека во всех его культурных связях, благодаря своим истокам, идущим от В. фон Гумбольдта и гумбольдтианства, может выступить естественной платформой для интеграции отечественных гуманитарных наук;

(3) лингвокультурологические исследования являются сегодня «прикладной стороной лингвистического знания, понимания языка как средства

концентрированного осмысления коллективного опыта, закодированного в семантике лексем, его фразеологических единицах, в текстах, языковых ситуациях и пр.» [Карасик 2001: 8].

По мнению В.И. Карасика, «язык понимается как неотъемлемый компонент, входящий в наиболее общие феномены бытия:

- как важнейшее средство общения язык рассматривается в качестве компонента коммуникативной деятельности;

- как важнейший способ преобразования мира, информационного обеспечения и межличностной регуляции язык анализируется в качестве средства воздействия, побуждения людей к тем или иным действиям, к фиксации социальных отношений;

- как важнейшее хранилище коллективного опыта язык является составной частью культуры» [Карасик 2001: 6].

В рамках современных лингвокультурологических штудий складывается представление о новом феномене, который, пока нетерминологически, обозначается как «язык культуры»: это совокупность разноуровневых и разноприродных носителей культурно-значимой информации, объединяющая в себе сущности и экстралингвистические (ритуалы и обряды, традиции и суеверия, природные символы, народный узор и пр.), и внутриязыковые (ключевые слова, в том числе — безэквивалентную лексику, прецедентные феномены, в том числе — фразеологизмы и паремии, словообразовательные модели, грамматические категории и синтаксические схемы) [Радбиль 2016]. В собственно языковом плане «язык культуры» реализуется в дискурсах разного типа (в дискурсе религиозном, художественном, публицистическом, рекламном, бытовом и пр.).

В силу установки на изучение путей и способов, посредством которых язык участвует в процессах межпоколенной передачи опыта народа и ретрансляции его духовных ценностей, так понимаемая лингвокультурологическая парадигма современного отечественного гуманитарного знания имеет не

только научную, но и общественную важность: ведь именно она дает надежный научный инструментарий для осмысления проблемы национальной и культурной идентичности личности.

1.1.2. «Языковая концептуализация мира» как научное понятие

Основным инструментом создания, сохранения и передачи трансляции культурных ценностей является национально-обусловленный *способ концептуализации мира*. Основы представления о языковой обусловленности видения мира этносом заложена еще В. фон Гумбольдтом: «Язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга и последовательно один за другой, а составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальной способности» [Гумбольдт 1984: 68]. В. фон Гумбольдту принадлежит и знаменитый тезис: «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [там же: 68], из которого и «выросла» современная лингвокультурология.

Далее эти идеи своеобразно преломляются в «**теорию лингвистической относительности**» Э. Сепира и Б.Л. Уорфа. Изучая языки американских индейцев, американские ученые пришли к выводу, что нам только кажется, что мы воспринимаем мир непосредственно: на самом деле, мы мыслим вещи так, как нам преподносит их язык. Иными словами, язык каждого народа по своему членит мир, очерчивая некий круг, за который нельзя выбраться, не познав другой язык. Именно формы нашего языка предписывают нам не только формы нашего мышления, но и формы нашего поведения. «Суть дела в том, что «реальный мир» в значительной степени формируется на основе языковых навыков социальной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем действительность так, а не иначе, потому что языковые навыки общества определяют возможность интерпретации действительности» [Сепир 1993: 231].

Б.Л. Уорф утверждает главенствующую роль языка в формировании понятий. Язык автоматически навязывает нам форму восприятия реальности. Таким образом, мы «имеем дело с новым принципом относительности, согласно которому действительность воспринимается наблюдателями на основании физических свойств одинаковым образом только в том случае, если их языковые навыки схожи или могут быть сопоставлены» [Уорф 1960: 64].

Таким образом, еще в работах Э. Сепира и Б.Л. Уорфа явственно прослеживается мысль о приоритетной роли языка в познавательно-ориентационной деятельности человека. Формы мышления отнюдь не универсальны, они в каком-то смысле предписаны категориями родного языка, которые, по сути, представляют собой некие шаблоны, паттерны, рамки, в которых человек усваивает информацию о внешней среде, поступающую к нему через органы чувств. В отечественной лингвистике эти положения были усвоены и творчески восприняты еще в 70-е гг. XX в. [Иванов 1978].

Позднее, благодаря успешному использованию положений когнитивной лингвистики, эти основополагающие идеи развились и трансформировались в научное понятие «**языковая концептуализация мира**». Сегодня языковая концептуализация мира рассматривается как основная разновидность такой главной составляющей человеческой когниции, как «концептуализация» — «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [КСКТ 1996: 93].

«Концептуализация есть предельно общее понятие, предполагающая направленность познания как на разные стороны объекта познания, так и на объект познания в целом, каким бы максимально широким этот объект ни был. Если объектом концептуализации выступает все Вселенная, весь универсум с разнообразными связями и отношениями между его фрагментами, включая и человека как важную составную часть универсума, мы говорим о *концептуализации мира*» [Радбиль 2016: 129].

Концептуализация — это ментальная деятельность по смыслообразованию, в результате которой на материале поступающих извне данных, полученных посредством органов чувств, происходит так называемое «членение мира» в мысли о мире, т.е. формируются мыслительные образы и формы, «ментальные репрезентации» [КСКТ 1996], «форматы знания о мире» [Кубрякова 1992 и 2004], «новые кванты знания». Это своего рода «упаковка» хаотичной информации о внешней среде, придание этой информации оформленности и структурированности.

Познавательная деятельность обязательно осуществляется в знаковых формах [Мечковская 2004]. Каждый вид концептуализации представляет собой особую знаковую модель действительности. В ряду таких моделей важнейшее место занимает языковое моделирование мира. Если остальные концептуальные системы отображают какую-либо одну область действительности, то язык — это универсальная знаковая система, предназначенная в принципе для концептуализации любых сфер и всех возможных ситуаций в мире. Языковая концептуализация мира является первоосновой других разновидностей концептуализации (научной, религиозной, художественной и пр.). «Именно в языке прежде всего откладываются все достижения в сфере духовной деятельности человека и этноса в целом. Язык как бы «прививает» нам определенный взгляд на вещи, определяет характер и направление умственной активности» [Радбиль 2016: 129].

Ср. также точку зрения В.А. Масловой: «Язык служит средством накопления и хранения культурно-значимой информации. В некоторых единицах эта информация для современного носителя языка имплицитна, скрыта вековыми трансформациями, может быть извлечена лишь опосредованно. Но она есть и «работает» на уровне подсознания (например, на слово-стимул СОЛНЦЕ испытуемые дают ответы, среди которых есть идущие от семантики мифа — *луна, небо, глаз, Бог, голова* и др.)» [Маслова 2001: 11].

В книге [Зализняк и др. 2005], вслед за работами А. Вежбицкой, акцентируется внимание на том, что в процессе языкового освоения действительности говорящие на том или ином языке формируют определенные представления, отраженные в средствах родного языка. «Эти представления находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сживается с этими представлениями, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком» [Зализняк и др. 2005: 17].

В единицах родного языка содержатся определенные «конфигурации смыслов» [Зализняк и др. 2005], которые именно в таком виде в других языках не присутствуют, даже если у этих единиц имеются словарные соответствия в иных языковых системах. Когда люди с детства усваивают родной язык, вместе с языком они воспринимают и некоторые категории и схемы национально обусловленного мышления, некоторые привычки смотреть на мир именно так, а не иначе. Говорящие на том или ином языке изначально воспринимают эти «конфигурации смысла» как единственно возможный способ концептуализировать и понимать данное явление именно таким образом, как нечто само собой разумеющееся, как нечто полностью соответствующее действительности, истинное, достоверное. В этом можно видеть главенствующее значение языковой концептуализации мира в формировании национального мироощущения носителей языка.

Таким образом, в современном когнитивно-ориентированном лингвокультурологическом направлении языковая концептуализация мира понимается как особым образом организованный процесс когнитивного моделирования реальности. Главным результатом этого процесса, в свою очередь, выступает феномен «языковой картины мира», который будет рассмотрен в следующем подразделе данного раздела 1.1.

1.1.3. Языковая картина мира

В современной гуманитаристике появление терминосочетания «языковая картина мира» (Weltbild der Sprache) обычно связывают с книгой выдающегося немецкого лингвиста-неогумбольдтианца Й.-Л. Вайсгербер «Родной язык и формирование духа» (1929): «Словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое общество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определённую картину мира и передаёт её всем членам языкового сообщества» [Вайсгербер 1993: 153].

В отечественном научно-гуманитарном пространстве языковую картину мира начали активно изучать примерно с конца 80-х гг. XX в., когда увидела свет знаменитая коллективная монография «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» (1988), в которой языковая картина мира определялась как «определённый способ видения мира, охватывающий значительную часть его восприятия вообще» [Роль человеческого фактора 1988: 114]. «Её важнейшее качество в отношении человеческого сознания — **наследственность**. Вслед за усвоением языка как системы и принципов её функционирования у человека складывается тот образ мира, который подразумевает усвоенная им информация, поэтому часто употребляемое понятие «реальность» является уже не онтологической реальностью, а фактически только тем, что человек может выразить через язык: классы существующих и несуществующих, фиктивных и воображаемых объектов, понятий, представлений, которые человек вычленил при помощи языка из природы или творчески создал и дал им имя...» [там же: 114].

Несколько ранее в работах Ю.Д. Апресяна предлагалась формулировка «*наивная*» картина мира, названная так потому, что она отражает обыденный тип сознания носителя естественного языка и в базовых своих принципах противостоит картине мира научной: «В каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка. При этом образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира» [Апресян 1986: 5-33]. При этом «наивная» модель мира не проще, не примитивнее, чем модель научная, просто структурируется по принципиально иным основаниям.

Согласно В.И. Постоваловой, языковая картина мира — это «целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны» [Постовалова 1988: 19]. В концепции ученого языковая картина мира имеет две формы бытования: (1) собственно языковую, которая не осознается на рациональном уровне и стихийно, спонтанно реализуется в естественном языке и в дискурсе; (2) метаязыковую, которая выступает как рефлекс рационализации в исследовательской мысли [Постовалова 1988: 56].

В дальнейшем это научное понятие прочно вошло в научный обиход и разрабатывалось многими учеными [Караулов, 1987; Апресян, 1995а и 1995б; Булыгина, Шмелев, 1997; Кубрякова, 1999; Радбиль, 1999 и 2018; Маслова, 2001; Картина мира, 2002; Попова, Стернин, 2002; Корнилов, 2003; Зализняк и др., 2005; Цивьян, 2006; Ковшова, 2013 и др.].

Так, например, в работе «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» (2003) ЯКМ определяется как «*вербализованная система «матриц»*, в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» [Корнилов 2003: 80].

А.А. Зализняк в книге «Многозначность в языке и способы ее представления» (2006) предлагает такое определение: ««Языковой картиной мира» принято называть совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, «дискурсивных» слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний — по выражению А. Вежбицкой, «культурных сценариев» (таких как, например: *хорошо, если другие люди знают, что человек чувствует...*)» [Зализняк 2006: 206-207].

Итак, ЯКМ — продукт языковой концептуализации мира, общая для всех членов языкового коллектива модель мира, которая представлена в разноразличных средствах родного языка и реализуется в речевой практике носителей языка. Языковая картина мира является сложно-структурированным и иерархически организованным триединым целым: (1) феномен ментальной деятельности по освоению мира (когниции), т.е. феномен общественного сознания; (2) феномен культурного пространства, т.е. культурной памяти и опыта интроспекции этноса; (3) феномен жизни языка, т.е. моделируется языком, бытует в языке и транслируется посредством языка.

В целях нашего исследования важно, что в коллективной монографии [Зализняк и др. 2005] языковая картина мира характеризуется как совокупность ключевых концептов этноса и связывающих их ключевых идей, выступающих в качестве некоего инварианта: «Так, например, ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость* (сами эти слова тоже могут быть названы ключевыми для русской языковой картины мира). Такие слова являются *лингвоспецифичными (language-specific)* — в том смысле, что для них трудно найти лексические аналоги в других языках.

Наряду с такими культурно-значимыми словами-концептами к числу лингвоспецифичных относятся также любые слова, в значение которых входит какая-то важная именно для данного языка (т. е. ключевая) идея. Таковы, в

частности, слова *собираться, добираться* (куда-то), *постараться* (что-то сделать); *служилось, довелось*; *обида, вопреки*; *заодно* и др. То, что некоторая идея является для данного языка ключевой, подтверждается, с одной стороны, тем, что эта же идея повторяется в значении других слов и выражений, а также иногда синтаксических конструкций и даже словообразовательных моделей, а с другой стороны — тем, что именно эти слова хуже других переводятся на иностранные языки» [Зализняк и др. 2005: 18].

Данная интерпретация состава и структуры языковой картины мира позволяет нам поставить проблему концепта как одного из основных структурных элементов национальной языковой картины мира, которая будет освещена в следующем разделе данной главы I.

1.2. «Концепт» и «концептосфера» в современной науке о языке

1.2.1. Проблема определения концепта

В наше время термин «концепт» очень активно используется в самых разных отраслях современной гуманитаристики, исповедующих идеи антропоцентризма: в философии, в психологии, в политологии, в социологии, в антропологии, в культурологии, в семиотике, в литературоведении и пр. При всем разнообразии трактовок концепт в этих разных научных направлениях все же имеет и определенный общий содержательный компонент — это некий инвариант смысла, элементарная единица информации разного типа, в известном смысле противопоставленная общепринятым формам логического мышления — понятию, суждению и умозаключению.

В лингвистике использование научного понятия «концепт» в основном характерно для лингвокогнитивных и лингвокультурологических стратегий научного поиска [Рахилина 1989; Арутюнова 1991; Никитина 1991; Фрумкина

1992; Бабушкин 1996а и 1996б; Токарев 2000 и 2003; Воркачев 2001; Залевская 2001; Карасик 2002; Ручина, Горшкова 2003 и 2011; Болдырев 2004; Никитин 2004; Слышкин 2004; Карасик, Слышкин 2005; Крючкова 2005; Стернин 2005; Антология концептов 2007; Гусева 2008; Нерознак 2008; Прохоров 2008; Пименова 2011; Радбиль 2018 и др.]. Важность исследования концептов в современной науке о языке подчеркивается тем, что примерно с начала 2000-ых гг. начали говорить о становлении такой особой области междисциплинарных научных исследований, как «лингвистическая концептология» («лингвоконцептология») [Воркачев 2005].

Объем и содержание понятия «концепт»: история и современность.

Первое упоминание о концепте в отечественном научном и культурном пространстве датируется 1928 годом и принадлежит С.А. Аскольдову-Алексееву: «Концепт — неуловимое мелькание чего-то в умственном кругозоре, происходящем при быстром произнесении и понимании таких слов как «Тысячеугольник», «справедливость», «закон», «право» и т.п. <...> Это «нечто», не вызывая никаких художественных «образов», создает художественное впечатление, имеющее своим результатом какие-то духовные обогащения. <...> Концепт — мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997: 267-269].

Интерес к концепту возрождается в 60-е гг. XX в. в знаменитой работе Д.С. Лихачева: «Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Рассматривая, как воспринимается слово, значение и концепт, мы не должны исключать человека. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека. И слово, и его значения, и концепты этих значений существуют не сами по себе в некоей независимой невесомости, а в определенной человеческой “идеосфере”» [Лихачев 1997: 281].

Концепт как бы «прорастает» из словарного значения слова, «замещает» его в речи отдельного человека как представителя этноса и выступает как результат семантического расширения словарного значения за счет индивидуального опыта говорящего и культурно-значимых смыслов, стоящих за этим словом в народном мироощущении. Концепты являются открытыми семантическими образованиями, прирастающими смыслами. Каждый может воспринимать их по-разному, но всегда есть и некое инвариантное представление. Именно благодаря содержательному резервуару концепта у человека возникает возможность для словесного творчества, для открывания в слове новых смыслов и для актуализации «эмоциональной ауры слова» [там же: 282].

С внедрением в отечественную научную среду лингвокогнитивного и лингвокультурологического исследовательского инструментария связан следующий этап развития и углубления научного понятия «концепт», который можно условно датировать концом 80-х–90-ми гг. XX в. Независимо друг от друга складываются два понимания концепта — когнитивное и лингвокультурологическое.

Когнитивное понимание концепта связано с работами [Рахилина 1989 и 1998; Фрумкина 1991 и 1992; Кубрякова 1992, 1994, 1999 и 2004; Демьянков 1994 и 1995; Чернейко 1995 и 1997 и др.]. Концепт воспринимается в качестве формата знания о мире, инструмента когниции — познания мира, воплощенного в языке. Ср., например, позицию Е.С. Кубряковой: «Концепт — это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [Кубрякова 1994: 90].

В этом контексте концепт понимают как элементарную ментальную схему, отражающую работу нашего сознания по отображению действительности; как информационную структуру, которая репрезентирует опыт восприятия мира и знание о мире индивидуума; как оперативную и содержательную единицу памяти. Концепт — это квант знания о мире, «сгусток смысла», посредством которого человек структурирует действительность в «ментальном

лексиконе», «языке мысли» (*lingua mentalis*) и организует и направляет свою когнитивную деятельность по освоению физической, психической и социальной реальности [КСКТ 1996: 90].

Аналогично понимает концепт и Л.О. Чернейко, которая связывает концепт с мыслительной структурой, в которой посредством «схватывания» языковым именем как бы собираются в единое разные типы знания о некоем объекте или субстанции — «знание эмпирическое, знание по мнению, знание по доверию, знание по вере, то есть всё то, что подведено под один знак и предопределяет бытие знака как известной когнитивной структуры, а также составляет объем и содержание языкового знания» [Чернейко 1997: 287].

Концепт в когнитивной интерпретации является видовым коррелятом более общего, родового феномена, который А. Пайвио назвал «ментальная репрезентация». Ментальная репрезентация — это любая разновидность единиц и явлений ментального, психического плана, таких как символы, образы, схемы, пропозиции, скрипты, фреймы и под. Ментальные репрезентации, согласно А. Пайвио, подразделяются на два класса — имагены (образные), которые представляют что-либо посредством картинок, рисунков, схем и т.п., и логогены (вербальные), которые выступают как отражение в «ментальном лексиконе» языковых феноменов — слов, выражений, предложений и пр. Концепт, в этом плане, имеет двустороннюю сущность: «Концепт как единица концептосферы может иметь словесное выражение, а может и не иметь» [Попова, Стернин 2003: 36].

Тем не менее, в свое время еще А. Вежбицкая обратила внимание на то, что самые значимые в культуре концепты кодируются именно в естественном языке [Вежбицкая 1997]. Также и Л.О. Чернейко, вслед за Д.С. Лихачевым и В.В. Колесовым, говорит о концепте как о своего рода «памяти слова», которая актуализируется в необходимый момент оперирования в дискурсе каким-либо значимостями и погашается в ситуации обыденного каждодневного употребления слова [Чернейко 1997: 203].

Таким образом, в когнитивной интерпретации концепт определяется как элементарное психическое представление, выделяющее в сознании какой-либо отрезок внешней среды или внутреннего мира. Нетрудно видеть, что так понимаемый концепт в известном смысле противопоставляется такой стандартной и общепринятой форме мышления, как «логическое понятие». Будучи представлением, а не понятием, концепт не обязательно является продуктом логического, рационального мышления. Он включает в себя и внелогический, иррациональный момент, он может иметь образные, оценочные, субъективно-экспрессивные смысловые составляющие, что для понятия немислимо.

Лингвокультурологическое понимание концепта отражено в исследованиях [Арутюнова 1991 и 1999; Колесов 1993, 1995, 2002 и 2006; КСРК 1997; Токарев 2000; Воркачев 2001; Маслова 2001; Карасик 2002; Ручина, Горшкова 2003 и 2011; Слышкин 2004; Прохоров 2008; Пименова 2011; Радбиль 2016 и др.]. Данное понимание опирается на идею изоморфизма языка и культуры как взаимопересекающихся семиотических систем, моделирующих в принципе одну и ту же реальность.

Еще в трудах А. Вежбицкой прослеживались отдельные высказывания, в которых упоминается термин «концепт»: концепт понимается как некая единица идеального мира, мира сознания, в которой воплощено культурно-обусловленное представление о мире того или иного этноса и которая, благодаря имени, словесному обозначению закреплена в языковой системе [Вежбицкая 1997].

Концепт вписан в систему духовных ценностей этноса, его ментальность, сферу поведения, он воплощает отношение членов языкового сообщества к тем или иным фрагментам действительности. Концепт является ключевой единицей национальной ЯКМ [Зализняк и др. 2005], национальной культуры [Арутюнова 1991; Маслова 2001]. Ср., например, характеристику концепта в исследованиях А.П. Бабушкина: «Концепт — любая дискретная еди-

ница коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин 1999: 11].

Ю.С. Степанов также рассматривает концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [КСРК 1997: 43]. Не случайно во многих трудах представителей этого направления концепт именуется как «культурный концепт» [Логический анализ языка 1991; Радбиль 2016 и 2017] или даже «лингвокультурный концепт» [Слышкин 2004; Карасик, Слышкин 2005; Воркачев 2007].

Мы можем заключить, что лингвокультурологическая интерпретация концепта связывает его с выражением культурно обусловленных смыслов. Важнейшей характеристикой так понимаемого концепта является диалектическое противостояние инвариантности и вариативности в его бытовании — как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах.

В диахроническом плане концепт меняется со временем, обогащая свое концептуальное содержание применительно к изменениям культурной среды обитания народа, но при этом в его ядре какие-то вещи остаются неизменными, что и обеспечивает «культурную память» концепта, поддерживает единство во времени «общерусского языкового типа» [Караулов 1987]. В синхроническом плане концепт также меняется от индивидуума к индивидууму, от одной референтной группы к другой, от одной дискурсивной практики к другой, сохраняя некую стабильную ассоциативно-смысловую основу, «психоглоссу» [Караулов 1987], что является залогом взаимопонимания людей в процессе коммуникации на родном языке.

Как пишет Н.В. Крючкова: «Содержание концепта, а также его взаимосвязи с другими концептами зависят от изменений в массовом сознании, кото-

рые в свою очередь определяются изменениями в общественной жизни, сменной приоритетов и ценностей» [Крючкова 2005: 23]. Все это полностью справедливо и для рассматриваемого нами концепта «патриотизм».

В целях нашего исследования важно, что когнитивный и лингвокультурологический подходы к интерпретации концепта не противоречат друг другу, а взаимно дополняют друг друга. Это обусловлено тем обстоятельством, что естественно-языковой тип познавательной деятельности, в отличие от логического, научного типа, обязательно осуществляется в национально и культурно обусловленных формах.

На этой основе многие ученые совмещают в своих исследованиях оба этих понимания, придерживаясь **комплексного подхода** к описанию концептов [Радбиль 1996 и 1999; Ручина 2000 и 2012; Методические указания 2002; Попова, Стернин 2002, 2003, 2005, 2006–2007 и 2007; Маслова 2006; Пименова 2011 и др.].

Если суммировать все изложенные выше трактовки концепта, то можно увидеть следующее: с одной стороны, практически все ученые подчеркивают, что концепт — это рефлекс познавательной деятельности людей, ментальное образование, формат знания о мире и структура сознания; с другой стороны, указывается, что концепт является единицей культуры, выразителем национально обусловленных представлений о действительности. При этом и то и другое в равной мере находит свое воплощение в фактах и языка, и речи.

Пример такого понимания находим, например, в определении М.В. Пименовой: «Концепты — это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Концепт — это представление о фрагменте мира. Концепт — это национальный образ, идея, символ, осложненный признаками индивидуального представления» [Пименова 2011: 59].

Аналогичным образом интерпретируют концепт З.Д. Попова и И.А. Стернин: «Концепт — дискретное ментальное образование, являющееся

базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2003: 258].

В нашей работе, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, мы также опираемся на комплексное понимание концепта, интегрирующее лингвокогнитивный и лингвокультурологический взгляд на природу и свойства концепта, и предлагаем следующее рабочее определение концепта:

— иерархически координированный и сложно-структурированный феномен сознания, культуры и языка, который совмещает в себе экстралингвистическое и внутриязыковое содержание, репрезентирует относительно дискретный сегмент языковой картины мира этноса, характеризуется национальной и культурной обусловленностью и объективируется посредством совокупности разноуровневых и разнотипных средств национального языка эксплицитного и имплицитного характера.

1.2.2. Структурная организация концепта и его языковая объективация

Если мы постулируем наличие какого-либо явления в ментальной области, то мы должны сделать следующий логический шаг и предположить, что данное явление состоит из каких-то частей, т.е. имеет определенную структуру. На настоящий момент в концептологии нет однозначного ответа на вопрос, каково же внутреннее устройство концепта?

В данном исследовании мы придерживаемся точки зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина. В качестве минимального структурного элемента концепту-

ального содержания выступает **когнитивный, или концептуальный, признак**, который представляет собой некий отдельно взятый смысл, выявленный в результате компонентного или дистрибутивного анализа, анализа словарных толкований, контекстуального анализа, психолингвистического эксперимента и пр. Главное, чтобы этот смысл воспринимался как дискретный, т.е. отдельный, отличный от других (подробнее об этом — см. следующий раздел 1.3).

Совокупность выявленных когнитивных признаков составляют **концептуальное содержание** (или, в другой терминологии, «**семантическое наполнение**» [Ручина 2000 и 2012; Ручина, Горшкова 2003 и 2011]) концепта. Общее количество выявленных когнитивных признаков составляет **смысловой объем** концепта. Разнообразные связи и отношения между когнитивными признаками и их комбинациями образуют семантическую структуру концепта.

Когнитивные признаки не рядоположны (одни более значимы, более характерны для основного содержания концепта, более близки к прототипу, другие — менее), они воплощают определенную иерархию. Одноуровневые когнитивные признаки составляют **концептуальный слой**. В силу полевой организации концептуального содержания, слои являются концентрическими и различаются по мере их близости к центру или периферии (выделяются ядро концепта, базовый слой и периферийные слои — ближняя и дальняя периферия).

В ядро концепта войдут исходные, первичные значения слов — имен концепта и значения, близкие к значениям имен, которые наиболее общепотребительны и имеют минимальную контекстуальную обусловленность. **Базовый слой** образуют вторичные значения как результат семантической или словообразовательной производности синхронного и диахронного типов, а также значения синонимов, антонимов, гипонимов или гиперонимов и под. **Периферийные слои** структурируют «интерпретационное поле концепта» и формируются коннотативными значениями, значениями фразеологизмов и па-

режий, неузуальными смысловыми или эмоционально-оценочными преобразованиями, «прецедентными феноменами», ассоциатами и пр. [Попова, Стернин, 2003: 60–64].

Языковая объективация концепта. Вопрос о том, что в концепте принадлежит мышлению, а что — языку, в современной науке остается открытым. С одной стороны, бытует мнение, что в концепте нет вообще ничего языкового. Концепты формируются в мышлении, до языка и независимо от языка, это универсальные единицы мысли, а разные языки просто по-разному именуют одно и то же мыслительное содержание [Павиленис, 1983]. С другой стороны, существует так называемая «вербалистская» точка зрения [Уорф 1960а и 1960б; Сепир 1993], согласно которой мысль о мире целиком и полностью формируется в языке и поэтому не может не быть обусловленной свойствами национального языка. Таким образом, концепт является явлением исключительно языковым по своей природе.

Истину, очевидно, следует искать посередине. Согласно компромиссному подходу к решению этого вопроса, концепт является сложной, комплексной речемыслительной единицей. Его содержание, разумеется, принадлежит сфере мышления, но способ представления этого концептуального содержания, который во многом и обуславливает наше восприятие того или иного явления, «схваченного» нашей мыслью, принадлежит уже языку. По этой причине нельзя ограничить описание концепта, оставаясь в пределах лингвистической семантики: в концепте всегда будет невербализуемый компонент смысла, представленный в мышлении, но не имеющий языкового воплощения.

«Концепт — единица концептосферы, значение — единица семантической системы, семантического пространства языка. Значение своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит — их значения» [Попова, Стернин 2003: 59].

С другой стороны, концепт выражает не рациональное, отвлеченное знание о мире, получаемое посредством логических операций. Концепт воплощает обыденные представления носителей языка о вещах и явлениях окружающего мира, так называемую «наивную» модель мира [Апресян, 1986], которая в свою очередь во многом является «знанием языковым» [Чернейко 1997: 287]. Отсюда следует, что семантика языковых средств не в малой степени ответственна за формирование целостного содержания концепта. Это, кстати, и объясняет тот известный в современной науке факт, что логические понятия не зависят от конкретного языка, универсальны и имеют общечеловеческий характер, а концепты могут существенно отличаться от культуры к культуре, от языка к языку.

Итак, в содержании концепта, помимо экстралингвистических сведений о природной и социальной среде, о быте и культуре, о нравственных и эстетических ценностях, незримо присутствует и «смысловая аура» [Вежбицкая 1997], обусловленная тем, что В. фон Гумбольдт называл «внутренняя форма языка», или, проще говоря, «дух языка» [Гумбольдт 1984]. В этой связи А. Вежбицкая замечает, что самые главные концепты этноса кодируются в языке и посредством языка, и не могут иметь других, столь же полноценных инструментов объективации [Вежбицкая 1997]. Видимо, это же самое имеет в виду и С.Г. Воркачев, характеризуя концепт как «культурно отмеченный вербализованный смысл» [Воркачев 2001: 45].

Отсюда закономерно возникает вопрос, какие же средства языка непосредственно участвуют в вербализации концептуального содержания? Вполне ожидаемо, что главной единицей языка, воплощающей концепт, должно считаться **слово** как естественный языковой инструмент номинации и сигнификации («означивания») информации о мире [Бабушкин, 1998; Нерознак, 1998 и др.]. Но, разумеется, не все слова в языке имеют одинаковую значимость для решения задачи объективации концепта в языке.

Имеются в виду главным образом так называемые «ключевые слова» [Вежбицкая, 1997; Зализняк и др. 2005 и др.]. Так, в одной из работ, посвященных этой проблеме, авторы выделяют следующие группы слов и выражений, играющих ключевую роль для языковой картины мира:

(1) слова и выражения, которые, предположительно, соотносятся с универсальными общечеловеческими константами — философскими категориями и понятиями (жизнь и смерть, человек и Бог и пр.) — выражающие «когнитивно (концептуально) универсальные концепты» [Радбиль 2016: 235];

(2) слова и выражения, которые, предположительно, соответствуют аналогичным словам и выражениям в другой культуре, но именно в русской культуре имеющими повышенную ценностную значимость и специфическую «конфигурацию смыслов», отсутствующих у их эквивалентов в других языках и культурах — выражающие «когнитивно (концептуально) уникальные концепты» [там же: 235];

(3) слова и выражения, которые, предположительно, не имеют эквивалентов не только на концептуальном, но и на вербальном уровне («безэквивалентная лексика и фразеология»): *тоска, удаль, соборность* и пр. — выражающие «вербально уникальные концепты» [там же: 235];

(4) класс национально специфических «дискурсных слов» (модальных слов, частиц, междометий и под.) — типа *авось, заодно, на всякий случай, если что* и пр., которые выражают неосознанные «жизненные установки» носителей языка [Зализняк и др. 2005: 25–36].

З.Д. Попова и И.А. Стернин говорят о следующих типах единиц, так или иначе ответственных за выражение содержания концепта: исконные или заимствованные знаменательные лексемы (не только существительные); имена собственные; другие «прецедентные феномены», в том числе фразеологизмы и поговорки; служебные слова (вводные конструкции и частицы); морфемы; отдельные словоформы; словосочетания, предложения и даже целые тексты, значимые для культуры (в том числе — произведения народного творчества).

В качестве особых единиц авторы также рассматривают слова и сочетания, искусственно созданные в качестве элементов метаязыка науки («безделушечность» [Радбиль 2016]), чтобы схватить некий важный комплекс культурно значимых смыслов, не получивших готовой номинации в обычном языке [Попова, Стернин 2003: 38].

Т.Б. Радбиль указывает на возможность выражать концептуальное содержание также и словообразовательными и грамматическими способами: это некоторые национально специфичные словообразовательные модели и средства, грамматические категории морфологии и отдельные граммы [Радбиль 2017].

В целом можно заключить, что, согласно современным лингвокультурологическим представлениям, в языковой экспликации концепта может принимать участие абсолютно любое, содержательное или формальное, средство языка (даже особенности интонации и просодии, графические средства и под.), если оно имеет какое-либо отношение к выражению культурно-значимой информации.

1.2.3. Проблема классификации концептов

В современной концептологии представлены разнообразные классификации концептов по самым разным основаниям. Наиболее простой является тематическая классификация концептов, которая предполагает деление концептов по той области реальности, которую они репрезентируют: бытийные (экзистенциальные, философские [Арутюнова 1991; Апресян 1995а]), природные, антропологические, психологические, нравственные, эстетические и пр. Однако в работе Т.Б. Радбиля справедливо указано на то, что подобная «горизонтальная» классификация не является релевантной, потому что любой концепт в принципе отражает не одну, а несколько сфер бытия, причем зачастую — в синкретичном, нерасчлененном виде [Радбиль 2016].

Более значимой в научном плане представляется «вертикальная» классификация концептов по уровню бытования в общественном сознании: это деление на общечеловеческие концепты, присущие всем людям без исключения; национально-специфические (идиоэтнические) концепты, значимые только в пределах той или иной национальной культуры; социальные (социокультурные, социально-групповые), которые значимы только для той или иной социальной или культурной референтной группы; индивидуальные (в том числе – индивидуально-авторские) [там же: 234-236].

Широко известны также типологии концептов, основанные на разновидности общественного сознания, в которой функционируют те или иные концепты: научные, религиозные, мифологические, художественные, обыденные и пр. [Бабушкин, 1999; Рудакова, 2004 и др.].

Релевантной представляется и классификация концептов по форме концептуализации («упаковки») информации о мире в мысли. Так, в концепции З.Д. Поповой и И.А. Стернина информация может оформляться: посредством *представления* — чувственно воспринимаемого образа предмета или явления; посредством *схемы* — пространственного (в том числе — графического) отображения объекта; посредством *гештальта* — наложения схемы более простого явления на аналогичную структуру более сложного явления для объяснения последнего (спор как война, любовь как болезнь и пр.); посредством *фрейма* — иерархически организованной разветвленной многомерной репрезентации сложно организованного объекта или агрегата объектов; посредством *скрипта (сценария)* — развернутого во времени динамического поэтапного структурирования ситуации, события, элементарного действия или сложной деятельности (в основном типизированной) через последовательность операций или эпизодов [Попова, Стернин, 2003].

По степени национальной обусловленности концепты бывают когнитивно (концептуально) универсальные, когнитивно (концептуально) уникальные и вербально уникальные [Радбиль 2016: 235] — подробнее об этой классификации см. выше, в подразделе 1.2.2.

В работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина приводится еще ряд классификаций концептов, которые отражают разные стороны реального бытования концепта в языковом сознании:

- классификация по регулярности вербального воспроизведения предполагает деление концептов на регулярно вербализуемые (устойчивые) и пассивно вербализуемые (неустойчивые);

- классификация по типу вербального воспроизведения предполагает деление концептов на отвлеченные (абстрактные) и конкретные;

- классификация по наличию / отсутствию вербальной экспликации предполагает деление концептов на эксплицитные, вербализованные (представленные узуальными или незузальными средствами языкового выражения) и имплицитные, невербализованные, скрытые (представленные косвенными средствами выражения или искусственно вербализуемые посредством метаязыковых операций);

- классификация по способам и средствам вербализации концептов предполагает деление концептов на концепты: воплощаемые лексико-фразеологическими средствами; воплощаемые синтаксическими средствами, воплощаемые паремиологическими средствами (в пословицах, поговорках, загадках и под.); воплощаемые исключительно в текстах [Попова, Стернин, 2003].

К последней типологии примыкает и классификация по единицам языка, принимающим участие в вербализации концепта, которая предложена учеными Воронежской школы: концепты, выражаемые посредством лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний и предложений и пр. Отметим также, что концепты могут выражаться также морфемами (например, уменьшительно-ласкательные суффиксы в ряде контекстов могут выражать концепт «нежность») или отдельными словоформами (неправильная форма глагола **ложить* может выражать концепт «безграмотность») [Бабушкин 1996а и 1996б; Слышкин, 2000; Карасик, 2001].

Как видим, существует значительное разнообразие типов и видов концептов, выделяемых по самым разным основаниям. Еще в работах ведущих

когнитивистов мира была высказана гипотеза о существовании особого уровня в сознании, на который стекается вся информация, полученная посредством разных органов чувств и разных типов операций, и на котором она как бы приводится к одному знаменателю [Langacker 1987; Jackendoff 2002 etc.]. Это выводит нас на проблему системной организации концептов в национальной концептосфере, которая будет рассмотрена ниже.

1.2.4. Научное понятие «концептосфера»

Сама необходимость возникновения концептосферы, по мнению З.Д. Поповой и А.И. Стернина, диктуется онтологическими характеристиками человеческого мышления — способностью к абстрагированию и последующей категоризации объектов мышления с целью их упорядочивания. Человеку как мыслящему существу вообще присуще свойство «все раскладывать по полочкам» [Попова, Стернин 2003: 19].

Впервые о концептосфере как о специфической области бытования концептов в отечественном гуманитарном знании стали говорить еще в конце 60-х гг. XX в. после работы Д.С. Лихачева «концептосфера русского языка». Д.С. Лихачев под концептосферой понимал совокупность всех концептов, реализованных в национальном языке. Благодаря концептосфере, по мнению ученого, язык из простого средства общения становится неким «концентратом культуры», который является ее проводником как для всей нации в целом, так и для отдельного ее представителя [Лихачев 1997].

Академик Д.С. Лихачев доказывает, что концептосферу как результат духовной эволюции этноса формируют исторический опыт народа, его религия и наука, литература и искусство, фольклор. Все эти факторы обогащают концептосферу значимыми культурными смыслами и через концептосферу тем или иным способом откладываются в национальном языке. Именно поэтому можно утверждать, что концептосфера русского языка одновременно

является и концептосферой русской культуры. Концептосфера в этом смысле представляет собой некий потенциал русского языка, который актуализуется при обращении к нему в творчестве писателей, общественных деятелей и т.д.

Концептосфера представлена в разных вариантах — территориальных, социальных, культурных и пр. Но в них во всех есть и нечто общее, что позволяет представителям разных слоев обмениваться при коммуникации культурными смыслами и адекватно понимать друг друга. Концептосфера — это то, что благодаря языку держит культуру в единстве и не дает членам языкового сообщества утратить культурную память [там же: 287].

Следующий этап развития и углубления научного понятия «концептосфера» приходится уже на 90-е гг. XX в. — 2000-е гг. Так, например, в работах В.А. Масловой под концептосферой понимается совокупность концептов, которые формируют целостное мироощущение народа [Маслова 2001: 17]. В лингвокогнитивном подходе, который представляет, например, Е.С. Кубрякова, концептосфера рассматривается в одном ряду с синонимичными научными понятиями «концептуальная система», «концептуальная структура» и определяется как «тот ментальный уровень или та ментальная (психическая) организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [КСКТ 1996: 94].

Итак, в современном понимании концептосфера представляет собой иерархически организованную совокупность концептов национальной культуры, которые образуются в результате познавательной активности и ценностно-ориентационной деятельности этноса по духовному освоению мира и воплощают информацию об окружающей действительности. Для концептосферы присуща системная организация: концепты вступают в разнообразные парадигматические отношения включения, пересечения, сходства и различия и синтагматические связи конъюнкции, импликации, временной последовательности и пр.

По сути дела, так понимаемая концептосфера — это то, что нетерминологически именуют «мир культуры», или «культурный мир». См. примечательное в этом плане сближение этих двух понятий в работе В.Г. Зусмана и З.И. Кирнозе: культурный мир (концептосфера) — смысловой универсум системы «культура» [Зусман, Кирнозе, 2003: 85]. Концептосфера национальной культуры в целом есть инвариантное образование для разнообразных проявлений индивидуальных, социальных, гендерных, возрастных и иных «миров» в пределах единого миропонимания этноса на том или ином этапе его духовной эволюции.

З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что концептосфера представляет собой чисто мыслительный, невербальный феномен, который служит для системной организации содержания наших знаний о мире и нашего опыта освоения действительности и который в принципе не зависит от языка, существует автономно от способов и средств языковой экспликации [Попова, Стернин 2003: 36]. В этом смысле понятие концептосферы коррелирует с введенным Н.И. Жинкиным научным концептом «универсальный предметный код» (УПК) — «язык мысли» в диалектическом противостоянии с «внутренней речью» как его конкретной реализацией [Жинкин 1982 и 1998].

В качестве иерархически координированного набора концептов концептосфера может иметь разную степень общности. Мы можем говорить о концептосфере как атрибуте всего этнического сообщества, о концептосфере разных общественных или культурных групп, слоев населения и о концептосфере индивидуума [Слышкин 2000: 19]. О последних двух типах концептосферы можно говорить как о конкретизации, видовой корреляции концептосферы национальной, которая, в целях нашего исследования, является непосредственным его объектом.

Вся национальная концептосфера, как уже было сказано выше, в целом имеет невербальный характер, но какая-то ее значимая часть подлежит обязательной вербализации средствами национального языка. Вербализованную, эксплицированную в языке часть концептосферы З.Д. Попова и И.А. Стернин

предлагают именовать «семантическое пространство языка» — «та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков. Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, образует семантическое пространство данного языка» [Попова, Стернин 2003: 89].

Разумеется, вербализованной частью концептосферы все ее содержание не исчерпывается. Но существенный культурно значимый ее компонент, самые важные для этноса концепты все же тем или иным образом объективированы в языке. И самое главное — доступ к совокупному содержанию концептосферы мы можем получить главным образом через ее языковленный аспект, т.е. через язык.

Отсюда возникает проблема метода исследования концепта и концептосферы, которая будет рассмотрена далее, в следующем разделе 1.3 настоящей главы I.

1.3. Комплексное описание концептов национальной культуры: проблема метода

1.3.1. Современные методы и методики концептуального анализа: общая характеристика

Анализ научной литературы по проблематике концептологических исследований позволяет обобщенно выделить некоторые основные принципы методологии и методики анализа концептов в современной науке о языке.

Вполне естественно, что, в силу сложности самого объекта исследования и разнообразия подходов к его изучению, сегодня мы не можем говорить о существовании какой-то единой и общепринятой исследовательской техно-

логии анализа концептов. В современной парадигме гуманитарного знания существует великое множество принципов, методов, методик и процедур синхронического, диахронического или экспериментального описания содержания концепта и его языковой репрезентации.

Условно мы можем выделить несколько научных стратегий, по преимуществу делающих акцент на тот или иной аспект концептологических исследований лингвокультурологической направленности: этнолингвистический подход, когнитивно ориентированный подход и экспериментальный подход.

Этнолингвистический подход в анализе концептов первоначально зарождался в русле диахронических, историко-лингвистических исследований. Большую роль в становлении этого направления сыграла школа этнолингвистики академика Н.И. Толстого, которая базируется на исходных принципах Московско-Тартусской семиотической школы [Толстой 1995]. Несмотря на то, что понятие «концепт» представители этой школы не использовали, сами идеи и методы семиотического анализа разноуровневых и разноприродных элементов «языка народной культуры» дали значительный импульс для последующего развития лингвистической концептологии. Особенно этому способствовала мысль о том, что разные коды (зоонимический, фитонимический, гастрономический, астрономический, вестиментарный и др.) суть разные модели воплощения одного и того же содержания и переводятся с одного на другой. Соответственно, разные единицы разных культурных сфер — обряда, танца и пения, изобразительного искусства, ритуала, верований и примет и пр. — символически выражают одну и ту же семантику и могут быть парадигматически сопоставлены, как бы «синонимизируются», варьируясь на основе общего межкодового семиотического инварианта [приводится по: Мечковская 2004: 89-93].

Образцом такого подхода можно считать и пионерские труды В.В. Колесова (которые, конечно же, к «этнолингвистическим» мы можем отнести лишь условно) [Колесов 1993, 1995, 2002 и 2006]. Сам ученый настаивал на

том, что «о ментальности народа можно говорить только в исторической перспективе. Тогда она не конструируется, а воссоздается в действительных своих различиях» [Колесов 2006: 3]. Реконструкция концептов как «национально-культурных генов» народной «речемысли» осуществляется посредством фронтальных этимологических и историко-лингвистических исследований лексики значимых тематических групп (цвет, пространственная ориентация, семья и народ, закон и пр.), а также изучения особенностей формирования и развития грамматических категорий и структур (особенности выражения субъекта и предиката, судьба категории одушевленности и образование словообразовательных моделей отвлеченности, специфика грамматического времени и пр.). Именно В.В. Колесов одним из первых выделил ряд исходных принципов языковой концептуализации мира, значимых на всем протяжении исторического развития русского языка как отражения духовной эволюции русской культуры: преобладание веры над логическим познанием; доминирование чувственно-воспринимаемого начала над началом отвлеченно-рациональным; приоритет синтетичности над аналитичностью; символический синкретизм языкового мышления и пр. Все это вместе служит выражением общей направленности русского духа на предпочтение духовного начала утилитарным прагматическим установкам [Колесов 1999].

Сравнительно-исторический подход в широкой полилингвальной перспективе (кроме русского языка, характерно использование данных праиндоевропейского языка, древних языков и живых западных языков) исповедует Ю.С. Степанов в словаре «Константы: Словарь русской культуры» (1997). Концепты понимаются ученым как некие культурные доминанты — «мир», «истина», «знание», «вера», «закон» и пр., которые зародились еще в праиндоевропейской общности тысячелетия назад и все еще активные и в современном мировосприятии. Ими непосредственно руководствуется человек в своей культурной активности и в повседневной деятельности: «вся совокупная духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в опера-

циях с этими концептами, при этом дописьменная история культуры запечатлена не в археологических памятниках (не в «костях»), а в самом значении слов, представляющих собой развитие индоевропейского культурного наследия. Исконный словарный состав — вот первое оригинальное достояние русской культуры» [КСРК, 1997].

В рамках этнолингвистического направления особую значимость имеют и примеры концептуального анализа в диалектологических исследованиях. Так, например, в работах Т.А. Сидоровой на обширном материале говоров анализируются специфические концепты, связанные с местом обитания и трудовой деятельностью поморов, и на этой основе реконструируется языковая картина мира поморов [Сидорова 2010]. В работе Л.А. Климковой исследуются такие специфичные виды концептов, как топонимические концепты в диалектах юга Нижегородского региона [Климкова 2007]. Важность исследований подобного рода заключается в моделировании концептосфер традиционной культуры за счет выявления ключевых концептов в таких традиционных культурных кодах, как антропоморфный, зооморфный, соматический, бытовой, пространственный, временной и др., в контексте реконструкции этнического сознания в целом.

К данному направлению примыкают и исследования В.Н Телия и ее последователей в рамках московской школы лингвокультурологического анализа фразеологизмов: «результаты контрастивного описания фразеологизмов проливают свет на этническую логику, предопределяющую различия “наивных” культурно-языковых картин мира» [Телия 1999: 16]. Не употребляя сам термин «концепт», исследователи, по сути, предлагали программу именно концептуального анализа «языка культуры», который основан на методе реконструкции внутренней формы фразеологизма, т.е. описания его образной основы. Данный метод опирается на буквальное прочтение фразеологизма, результаты которого позволяют увидеть так называемую «национально-культурную коннотацию» фразеологизма. По словам М.Л. Ковшовой, «в основе

концептуализации, приводящей к когнитивно-семантическому синтезу (к идиоматичности), лежит метафора (а также метонимия, синекдоха и другие тропы), явленная в буквальном прочтении фразеологизма» [Ковшова 2013: 17]. Это и есть элемент искомой культурно-значимой информации, т.е. в нашем понимании — концептуального содержания.

Лингвокогнитивный подход в анализе концептов характеризуется установкой на исключительно синхроническое описание концептуального содержания. Многие научные стратегии лингвокогнитивного описания концептов так или иначе опираются на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004].

Образец подобного подхода продемонстрирован в работах Л.О. Чернейко, посвященных концептуальному анализу абстрактного имени. Автор показывает, что абстракция в народном мироощущении, в «языковом знании» представлена не так, как в научной картине мира. Абстрактные понятия подлежат обязательному овеществлению по модели концептуальной метафоры. Суть предлагаемой Л.О. Чернейко аналитической процедуры состоит в том, что рассматриваются «те содержательные фрагменты абстрактного имени, о которых знает интуиция и которые она выводит на поверхность сознания через языковое знание, то есть через сочетаемость имени» [Чернейко, 1997: 284]. Анализируется буквальное прочтение сочетаний абстрактного имени с глаголами конкретного, физического действия или состояния и агентивными глаголами («время тянется», «время бежит») и с конкретными существительными по модели генитивной метафоры («панцирь отчужденности») [Чернейко, 1997: 276–277]. Абстрактное имя существительное выступает в этой концепции как формат знания о мире этноса, как модель специфического представления отвлеченных сущностей в языковой картине мира.

В этом контексте необходимо упомянуть и опыты концептуального анализа, предложенные в научном наследии А. Вежбицкой. Сама А. Вежбицкая не относит себя к ведомству когнитивной лингвистики, но пафос ее научных исследований в области этнопсихологии (например, изучение «ключевых слов

культуры», «культурных сценариев» («культурных скриптов») и пр.) направлен именно на выявление моделей языковой концептуализации мира и их сходств и различий в разных языках и, следовательно, в разных культурах. А. Вежбицкая, опираясь на созданный ею метаязык «семантических примитивов», предложила много блестящих образцов семантического описания форматов знания, жизненных установок и моделей поведения, которые стоят за определенными единицами языка. В этой связи важно, что само наличие в языке той или иной номинации истолковывается А. Вежбицкой как наличие в данной культуре соответствующего концепта (если в языке имеется отдельное слово для обозначения какого-либо явления — значит, носители языка сочли это явление культурно-значимым и словесно обозначили его, тем самым выделив, отличив его в ряду других) [Вежбицкая 1997].

Опираясь на научные идеи А. Вежбицкой, Ю.Д. Апресяна и др., А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев в книге «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (2005) разработали оригинальный метод концептуального анализа базовых понятий русской культуры на основе выявления так называемых «пресуппозитивных» компонентов в значениях слов и выражений русского языка, которые, по замыслу авторов, чтобы считаться «ключевыми», должны воспроизводиться в других, семантически не связанных с анализируемыми, словах и выражениях, а также в языковых средствах других уровней — в служебных частях речи, в словообразовательных моделях и синтаксических конструкциях. Специфика неассертивной семантики заключается в ее облигаторном характере: будучи не осознаваемой носителями языка, она незаметно для них, но обязательно репродуцируется при порождении высказываний. Значения же, которые входят в эксплицитную зону, могут быть оспорены, отрицаться, в них можно сомневаться, и потому они не составляют фонд представлений о мире, формирующих русскую ЯКМ [Зализняк и др., 2005: 9 и далее].

Экспериментальный подход к анализу концептов находит свое применение сравнительно недавно, хотя сами традиции эксперимента в лингвистике

заложены уже более ста лет назад. Серьезный импульс экспериментальная методика получила благодаря экспериментальным исследованиям в области когнитивной психологии, обстоятельный обзор которых приводится в книге [Лаккофф 2004]. В современной концептологии в основном используются разные виды психолингвистических ассоциативных экспериментов [Клименко 1970 и 1978; Фрумкина 1991 и 1992; Леонтьев 1997; Залевская 2001 и 2003; Ягунова 2005; Ручина 2012 и др.].

В современной концептологии считается, что благодаря ассоциативному эксперименту можно установить психологическую реальность тех или иных когнитивных признаков концепта в языковом сознании членов языкового сообщества: «Материал ассоциативных экспериментов дает возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного состояния сознания когнитивных признаков концепта» [Ручина 2012: 102].

Указанный эксперимент основывается на теоретических представлениях о том, что в словах и выражениях языка заложен некий ассоциативный потенциал, который можно выявить при актуализации тех или иных слов-стимулов в ходе эксперимента. Участникам эксперимента обычно предлагают одно или несколько слов-стимулов, и они должны продемонстрировать определенную словесную реакцию на этот стимул. Причем условиями эксперимента оговаривается, что реакция должна быть спонтанной. Нельзя обдумывать ответы, нет необходимости в каких-либо размышлениях, нужно отвечать первым словом, пришедшим в голову, иначе нарушится чистота эксперимента. Важны именно бессознательные реакции на словесные стимулы.

Реакции получили название **ассоциатов**, потому что они вызваны именно возникшими у респондентов ассоциациями на предложенное ему слово в качестве стимула. Понятно, что характер ассоциатов будет существенно различаться в зависимости от возрастных, гендерных, образовательных, социальных, профессиональных, культурных и пр. особенностей респондентов.

Испытуемый может давать различные типы словесных реакций, что обусловлено тем, на какой аспект стимула реагирует респондент. Возможны реакции, обусловленные индивидуальными жизненными факторами: образованием, культурным уровнем, образом жизни, пристрастиями. Этот тип ассоциатов можно условно назвать экстралингвистическими. Возможны реакции, обусловленные семантическими связями слов — синонимией, антонимией, гипо-гиперонимией и пр. Такие ассоциаты можно именовать парадигматическими. Бывают и синтагматические ассоциаты, когда, например, отвечающий дает определение к стимулу-существительному. Иногда респондент реагирует на звуковой облик слова — тогда мы имеем дело с явлениями паронимии, или «паронимической аттракции», а ассоциаты будут именоваться фонетическими.

Определяющую роль в реализации экспериментальной методики имеет финальная обработка результатов эксперимента. В частности, на этой стадии важно отсеять ассоциаты, которые носят сугубо индивидуальный характер, случайные, обусловленные нетривиальными жизненными обстоятельствами. Прежде всего при экспериментальном описании концепта нас интересуют типовые, стандартные ассоциации, которые как бы навязаны узусом, речевой практикой и в которых более-менее единодушны многие носители языка. При этом некоторые субъективно-личностные смыслы испытуемого также могут быть интересны при определенных условиях эксперимента.

В целях нашего исследования интерес представляет методика эксперимента, изложенная в трудах [Попова, Стернин, 2003, 2005, 2006–2007 и 2007]. В данной методике эксперимент, как правило, проводится в конце комплексного описания концепта и служит целям последующей верификации и уточнения когнитивных признаков концепта, выявленных на предыдущих стадиях анализа. Учеными описываются такие разновидности психолингвистических ассоциативных экспериментов:

(1) **свободный ненаправленный ассоциативный эксперимент** — согласно условиям эксперимента, испытуемый должен дать первую попавшуюся словесную реакцию, сказать или написать первое, что пришло в голову;

(2) **цепной (цепочечный) ненаправленный ассоциативный эксперимент** — в отличие от свободного эксперимента, испытуемый реагирует не одним ассоциатом, а их определенным количеством по степени убывания значимости (от трех до пяти), т.е. актуализовать в ответе целую ассоциативную «цепочку»;

(3) **направленный ассоциативный эксперимент** — согласно условиям эксперимента, выбор ассоциатов так или иначе ограничен экспериментатором (например, просят в ответе давать только существительные, не употреблять имена собственные и пр.) [Попова, Стернин, 2007].

Кром этих базовых видов, выделяются также метод шкалирования («шкала Ч. Осгуда»), когда надо оценивать значимость какого-либо элемента по какому-то параметру по шкале, и некоторые другие.

Нетрудно видеть, что три перечисленных выше групп направлений в анализе концептов не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Поэтому можно говорить об объединении указанных направлений для создания единой комплексной методики концептуального анализа, совмещающей этнолингвистическую, лингвокогнитивную и экспериментальную составляющие, что будет рассмотрено в следующем подразделе данного раздела.

1.3.2. Проблема комплексного описания концептов в современной концептологии

В настоящее время в современной концептологии сложились и успешно функционируют следующие научные школы комплексного лингвокультурологического анализа концептов на лингвокогнитивной основе: Тамбовская научная школа [Болдырев 1998, 2001 и 2004]; Волгоградская научная школа [Карасик 1996, 2001 и 2002; Карасик, Слышкин, 2005; Карасик, Прохвачева и

др. 2007; Слышкин 2004]; Воронежская научная школа [Бабушкин 1996а и 1996б; Попова, Стернин, 2002, 2003, 2005, 2006-2007 и 2007]; Нижегородская научная школа [Горшкова, Ручина, 2001 и 2011; Ручина, 2012; Русский язык, 2014; Радбиль, 2016, 2017 и 2018; Радбиль, Рацибурская, 2017].

Комплексность указанных подходов достигается: (1) установкой на синхронно-диахронный анализ; (2) совмещением лингвокультурологических, лингвокогнитивных и экспериментальных стратегий научного поиска; (3) интеграцией экстралингвистического и собственно языкового содержания в процедуре исследования; (4) дополнением описания лексико-семантической системы описанием рефлексов ее дискурсивного варьирования и текстовой актуализации; (5) моделированием полевой структуры концепта.

Комплексное синхронно-диахронное лингвокультурологическое описание концепта на лингвокогнитивной основе отвечает следующим исходным принципам. Поскольку концепт — это феномен, совмещающий в себе невербализованный и вербализованный компоненты [Попова, Стернин 2007: 164], необходимо исследовать его экстралингвистическое содержание и собственно языковую семантику в единстве. «Концепт — единица концептосферы, значение — единица семантической системы, семантического пространства языка. Значение своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит — их значения» [Попова, Стернин 2003: 59].

Совокупное концептуальное содержание (в Нижегородской научной школе иногда называемое «семантическое наполнение» [Методические указания 2002]) представляет собой объединение экстралингвистического и собственно языкового компонентов. Концептуальное содержание (или смысловое наполнение концепта) представляет собой набор определяемых особым образом смысловых компонентов, которые упорядочены в некую системную целостность. Данные смысловые компоненты определяются через обобщение словарных толкований по разным лексикографическим и фразеографическим

источникам, а также через анализ парадигматических, синтагматических и деривационных связей и отношений между словами — репрезентантами анализируемого концепта.

Указанные семантические элементы в традициях Воронежской (а позднее — и Нижегородской) школы концептуального анализа получили наименование **когнитивных (концептуальных) признаков**: «концепт имеет нежесткую структуру и состоит из *компонентов (концептуальных признаков, или когнитивных признаков)*, образующих различные концептуальные слои. Концептуальные признаки в условиях вербализации концепта предстают как семы» [Попова, Стернин 2003]. Такое наименование призвано акцентировать их принадлежность именно к мыслительной, концептуальной области смыслов, к «языку мысли», получающему языковое выражение.

Количественный состав когнитивных признаков, выявленных посредством исследования семантики всех слов — репрезентантов концепта во всех возможных условиях употребления, в том числе в составе коллокаций, фразеологизмов и паремий, а также свободных сочетаний слов, формирует **смысловый объем концепта**. Содержание концепта не задается простым списочным набором выявленных когнитивных признаков. Учитывается также характер связей и отношений семантической производности [Кустова 2004], на основании чего моделируется **семантическая структура концепта** (для удобства восприятия обычно представляется в графическом виде — в виде диаграмм, схем, графов и пр.).

Семантическое наполнение концепта выступает как его «план содержания». В качестве «плана выражения» в комплексном описании концептов выступает **языковая объективация концепта** (в других терминах — экспликация, репрезентация). Базовым (ядерным) языковым репрезентантом концепта является слово и выражение, номинирующая изучаемое понятие [Нерознак 1998; Попова, Стернин 2003 и др.]. Это элемент «языка культуры», который иногда называют ключевым словом национальной культуры [Вежбицкая 1997; Зализняк и др. 2005]. Кроме того, в языковую объективацию концепта войдут

рефлексы парадигматических, синтагматических и деривационных связей и отношений между словами, воплощающими его концептуальное содержание.

Анализируются несущие культурно-значимую информацию единицы, средства и категории разных уровней системы языка (лексические, фразеологические, словообразовательные, грамматические): «готовые лексемы и фразеосочетания из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющие «подходящие к случаю» семемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, периферийные (потенциальные, скрытые)); свободные словосочетания; структурные и позиционные схемы предложений, несущие типовые пропозиции (синтаксические концепты); тексты и совокупности текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов)» [Попова, Стернин 2003: 38].

Также комплексное описание концепта предполагает изучение дискурсивного варьирования и текстовой реализации слов — репрезентантов анализируемого концепта в речевой практике носителей языка. На завершающем этапе предполагается верификация полученных данных посредством проведения ассоциативного эксперимента.

Таким образом, в целом комплексный анализ концепта включает:

- этимологический анализ;
- описание словарных толкований;
- описание антонимических, синонимических, гипо-гиперонимических, партитивных, посессивных и пр. связей слов — репрезентантов концептов, в том числе их неузальных семантических преобразований в контекстах расширенной сочетаемости;
- анализ дериватов в составе словообразовательных гнезд и словообразовательных окказионализмов;
- анализ типовых моделей сочетаемости (устойчивой — в коллокациях, фразеологизмах и поговорках; свободной — по словарям сочетаемости и корпусам);

- изучение синтаксических моделей и морфологических преобразований слов — репрезентантов концептов;
- анализ текстовой реализации концептов;
- анализ результатов психолингвистического ассоциативного эксперимента.

Учитывая изложенные выше принципы комплексного лингвокультурологического описания концептов национальной культуры, мы можем обосновать принятую в настоящей работе концепцию исследования в целом и определить адекватную последовательность его этапов.

1.3.3. Обоснование концепции исследования и последовательных этапов ее реализации

Концепция комплексного лингвокультурологического описания концепта ПАТРИОТИЗМ на лингвокогнитивной основе должна учитывать специфический характер данного концепта, который, с одной стороны, выражает чисто русские культурные смыслы, являясь одним из определяющих понятий в отечественном культурном пространстве, но, с другой стороны, по происхождению данный концепт не является исконным, и его имя представлено заимствованным словом.

В работах В.И. Карасика такая ситуация обозначается как «импорт концепта», который рассматривается ученым как «внедрение в иную культуру концепта — ментального образования, опирающегося на многослойный культурный опыт, сконцентрированный в индивидуальном и коллективном языковом сознании» [Карасик 1996: 253].

В.И. Карасик показывает, что импорт концепта обычно бывает двух типов. Часто, особенно в наше время, импортированные концепты попадают в отечественное социокультурное пространство немотивированно, без семантической или коммуникативно-прагматической необходимости, просто как дань

моде. Однако есть и альтернативный вариант, когда инокультурные по генезису концепты заполняют определенную лакуну в национальной языковой картине мира, воплощая некоторые востребованные культурой смыслы, для которых по тем или иным причинам ранее не существовало исконного обозначения [Карасик 1996: 253]. Слова, репрезентирующие такие «импортные» концепты, органично внедряются в исконно русскую культурную среду, осваиваются и присваиваются отечественным культурным сознанием и становятся «своими», «родными».

Подобное характерно и для концепта ПАТРИОТИЗМ, который обозначен словом иноязычного происхождения, входящим в фонд интернациональной лексики. В связи с этим стандартную процедуру комплексного описания концепта необходимо несколько скорректировать. В частности, стадия этимологического анализа, релевантная для концептов исконного происхождения, в нашем случае замещается сопоставительным анализом лексемы в языке-источнике (древнегреческий + латинский) и в языках-посредниках (современных западных языках) в современных западных языках. Соответственно, этимологический словарь русского языка как лексикографический источник заменяется словарями иностранных слов.

С учетом соображений, изложенных выше, уточненная методика комплексного описания концепта ПАТРИОТИЗМ в настоящей работе выглядит следующим образом.

Подготовительная стадия исследования предполагает сбор и первичную обработку языкового материала по данным энциклопедических источников, словарей, Национального корпуса русского языка и собственного интернет-мониторинга автора.

Первый этап предпринятого исследования заключается в описании экстралингвистического содержания представлений о патриотизме на материале философских и энциклопедических словарей, философских, научных, публицистических и художественных трудов.

На этом этапе также анализируется смысловое наполнение концепта ПАТРИОТИЗМ в лексико-семантической системе русского языка: используются данные словарных толкований слов, репрезентирующих концепт, на материале лексикографических источников — основных русских толковых словарей и словарей иностранных слов. Полученные данные дополняются результатами анализа фразеологической и паремиологической репрезентации указанного концепта.

Второй этап включает рассмотрение особенностей актуализации парадигматических связей и отношений между словами — репрезентантами концепта (концептуальная, языковая и контекстуальная синонимия и антонимия слов) по словарям синонимов и антонимов; синтагматических связей и отношений между словами — репрезентантами концепта (типовые модели сочетаемости слов, воплощающих концепт) по словарям сочетаемости, по фразеологическим и паремиологическим словарям; словообразовательных связей и отношений между словами — репрезентантами концепта (словообразовательное гнездо с вершиной *патриот*) по словообразовательным словарям русского языка.

По итогам первого и второго этапов определяется совокупное концептуальное содержание (набор когнитивных признаков), смысловый объем концепта ПАТРИОТИЗМ и моделируется его семантическая структура. Также анализируется позитивно-оценочный и негативно-оценочный потенциал указанного концепта и его возможное эволюционирование.

На третьем этапе производится уточнение выявленных ранее когнитивных признаков посредством анализа контекстов употребления слов, воплощающих концепт, по текстовым данным Национального корпуса русского языка и собственного Интернет-мониторинга автора, а также исследуются новые явления в бытовании слов — репрезентантов концепта в речевой практике носителей русского языка. На завершающей стадии третьего этапа осуществляется верификация полученных ранее данных посредством проведения ассоциативного ненаправленного цепочечного эксперимента.

Выводы по главе I

В настоящее время активно развивается антропоцентрическая парадигма гуманитарного знания, в рамках которой в отечественном языкознании формируется междисциплинарное научное направление лингвокультурологических исследований.

Современная лингвокультурология во многом базируется на теоретических положениях лингвистического когнитивизма, разрабатывая теорию языковой концептуализации мира и языковой картины мира. Это способствует разработке принципов изучения ментальности и национальной культуры по данным языка.

Одним из наиболее перспективных направлений в лингвокультурологии сегодня является концептология — пока необщепринятое наименование разнообразных стратегий научного поиска, направленных на анализ концептов национальной культуры.

На основе изучения существующих научных источников в настоящей главе было выработано рабочее определение концепта:

— иерархически координированный и сложно-структурированный феномен сознания, культуры и языка, который совмещает в себе экстралингвистическое и внутриязыковое содержание, репрезентирует относительно дискретный сегмент языковой картины мира этноса, характеризуется национальной и культурной обусловленностью и объективируется посредством совокупности разноуровневых и разнотипных средств национального языка эксплицитного и имплицитного характера.

В качестве минимального структурного элемента концептуального содержания выступает когнитивный, или концептуальный, признак, который представляет собой некий отдельно взятый смысл, выявляемый посредством процедуры концептуального анализа. Совокупность выявленных когнитивных

признаков составляют концептуальное содержание (или семантическое наполнение) концепта. Количество выявленных признаков формирует смысловой объем концепта, а закономерные связи и отношения между ними моделируют его семантическую структуру.

Концепт имеет полевую организацию. Одноуровневые когнитивные признаки составляют концептуальный слой. Слои являются концентрическими и различаются по мере их близости к центру или периферии: выделяются ядро концепта, базовый слой и периферийные слои — ближняя и дальняя периферия.

Концептуальное содержание объективируется в национальном языке посредством ключевых слов, их синонимов, гипонимов, гиперонимов и пр., производных слов на базе имени концепта, словообразовательных моделей, словоформ, имен собственных, прецедентных феноменов (в том числе фразеологизмов и паремий), грамматических категорий и грамем, свободных словосочетаний и предложений и даже целых текстов.

Концепты могут классифицироваться по разнообразным основаниям. В целях нашего исследования важно деление концептов на исконные и заимствованные. Системно организованная совокупность концептов составляет национальную концептосферу.

В главе также рассмотрены основные группы методов и методик концептуального анализа, условно обозначенные как этнолингвистические, лингвокогнитивные и экспериментальные методы.

По итогам рассмотрения была обоснована принятая в настоящей работе концепция комплексного лингвокультурологического описания концепта ПАТРИОТИЗМ и определена последовательность этапов исследования: описание экстралингвистического содержания и когнитивных признаков концепта на материале энциклопедий и словарей; анализ фразеологической и паремиологической экспликации концепта; рассмотрение языковой репрезентации концепта в контексте его парадигматики, синтагматики и деривации; верификация полученных данных посредством анализа текстовой реализации

слов — репрезентантов концепта и данных ассоциативного цепочечного эксперимента.

Сформулированная концепция исследования последовательно реализуется далее, в главах II и II настоящей работы.

ГЛАВА II. Когнитивные признаки и семантический объем концепта ПАТРИОТИЗМ в национальной концептосфере и его воплощение в русском языке

В главе последовательно рассматриваются: экстралингвистическое содержание представления о патриотизме в русской культуре и семантическое наполнение концепта ПАТРИОТИЗМ в лексико-семантической системе русского языка (раздел 2.1); репрезентация концепта ПАТРИОТИЗМ по данным русской фразеологии и паремиологии (раздел 2.2); словообразовательные, парадигматические и синтагматические особенности языковой объективации концепта (раздел 2.3..

2.1. Экстралингвистическое содержание концепта ПАТРИОТИЗМ и его семантическое наполнение в лексико-семантической системе языка

2.1.1. Категория патриотизма в русской культуре: общая характеристика экстралингвистического содержания понятия

Патриотизм как социально-значимая категория в мировой и отечественной культуре. За всю историю мировой цивилизации и культуры человечеством было выработано совсем немного понятий, имеющих высокую степень универсальной, общечеловеческой значимости. И одним из таких понятий является патриотизм. Возникшее еще в период античности, представление о патриотизме существенно видоизменялось в разные исторические периоды и в разных типах государствах. На восприятие патриотизма также суще-

ственно влияли религиозные установления и модели экономического устройства общества. Но при этом ядро данной категории оставалось неизменным — это общее для всех людей ощущение любви к родной земле.

«Исторический источник патриотизма — веками и тысячелетиями закреплённое существование обособленных государств, формирующее привязанность к родной земле, языку, традициям. В XVIII веке, в условиях образования наций и образования национальных государств, патриотизм становится составной частью общественного сознания, воплощающего переживание и осмысление в социуме идеи общенационального единства» [Википедия, <https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

Наиболее распространённое понимание патриотизма связано исключительно с любовью к Отчеству. Имеется в виду по умолчанию, что патриотизм — это обязательно патриотизм этнический. Однако в источниках встречаются и толкования этого общекультурного понятия, которые значительно варьируют как объём, так и тематическую направленность в интерпретации данной категории. В.М. Капицын пишет: «Так возникли такие разновидности этой категории, как государственный (этатический) патриотизм, имперский патриотизм, квасной патриотизм (ура-патриотизм), полисный патриотизм, ультрапатриотизм, этнический патриотизм, городской патриотизм и т.д.» [Капицын 2014: 20–34].

В разные хронологические периоды категория «патриотизм» воспринималась по-разному. Например, в Древней Греции и Древнем Риме слово *patria* ‘Отечество, Родина’ употреблялось только по отношению к родному для гражданина полису (городу-государству) и не могло относиться к областям более широкой степени общности (например, к Древней Греции (Элладе) или к Италии в целом). В свою очередь, и понятие *patriota* было приложимо только к обозначению человека, деятельно любящего свой полис.

В эпоху Средневековья и Возрождения, когда шел постоянный передел территорий и власти из-за феодальной раздробленности, идея преданности мо-

нарху и церкви была более востребованной, чем представление о любви к родной земле и людям, которые живут рядом. В этом контексте понятие о патриотизме было неактуальным. Патриотизм получил второе рождение только в Новое время, особенно в период буржуазных революций в Америке и Франции. Именно тогда формируется не этническое, а идеологическое, политическое понимание нации как надклассового единения людей: «патриотизм» в этой ситуации приравнивался «национализму». И слово *патриот* в то время значило одно и то же, что и *революционер*, — т.е. тот, кто разделяет прогрессивные идеалы борьбы за новое общественное устройство [Википедия, <https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

В новейший период истории, который продолжается и в наши дни, представление о патриотизме оформилось окончательно и приобрело привязку к идее государства. Для категории патриотизма в современном мире возникают новые смысловые сближения и расхождения.

Во-первых, патриотизм сегодня противопоставлен космополитизму, интернационализму, глобализму, т.е. блоку понятий, в которых акцентируется преобладание так называемых «общечеловеческих», единых для всех людей ценностей над приверженностью какому-либо одному государству, какой-либо одной стране, нации.

Во-вторых, патриотизм противопоставляется и религиозным, христианским воззрениям и идеалам, проповедующим надэтническую, сверхнациональную общность людей в Боге, независимо от их национальной принадлежности. Иными словами, патриотизм трактуется как исключительно светское понятие. С позиции церкви идея патриотизма является языческой, дохристианской: она не объединяет, а, напротив, разъединяет людей по этническому параметру и во многом обуславливает напряжение в межнациональных и межличностных отношениях и даже конфликты на этнической почве (так называемую «национальную рознь»).

В русском мире также представление о патриотизме, возникшее с момента зарождения отечественной государственности, проделало сложную эволюцию. Важно отметить, что если сам концепт «патриотизм» в его инокультурном словесном обозначении приходит в национальную концептосферу достаточно поздно, только в конце XVII века, то вообще представления о важности, значимости для человека любви к своей родине, к родной земле были активны в пространстве русской культуры всегда, так как они являются неотъемлемой частью этногенеза.

Исследователи отмечают, что своеобразие русской культуры во многом формируется посредством взаимопритяжения и взаимоотталкивания на протяжении всей нашей истории двух типов мироощущения — мифологического, языческого и религиозного, православно-христианского [Толстой 1995; Трубачев 2005; Радбиль 2017]. Эти два духовных вектора сталкиваются и в эволюции представлений о патриотизме, которые тем самым обретают двойственную природу.

С одной стороны, приверженность к кругу «своих», к пространству своего обитания является древнейшей архетипической установкой людей, укорененных в племенном, родовом сознании мифологизованного типа. Пришедшее на Русь гораздо позднее, православие изначально не могло однозначно воспринять сугубо земное, внерелигиозное чувство любви к родной земле в качестве безусловной положительной ценности, потому что оно, по сути, противоречило христианской идее единения в Боге всех людей, любого рода и племени («несть ни эллина, ни иудея»).

С другой стороны, в русском мире исторически сложилась нерасторжимая связь между представлением о необходимости защищать землю русскую и представлением о долге защищать веру православную: эти две идеи для русского человека как бы сливались в одно чувство. Тем самым русский патриотизм был освящен православно-христианскими идеалами и ценностями. Не случайно носителями и выразителями идеи русского патриотизма были мно-

гие священнослужители, например, о. Сергей Радонежский, и, напротив, многие воины — защитники земли русской, которые воспринимались как символы русского патриотизма, были впоследствии канонизированы, как Александр Невский.

Зарождение и эволюция категории «патриотизм» в пространстве русской культуры. Как уже было сказано раньше, культурно-значимые представления о любви к родной земле изначально были присущи русским людям. Но четкую категориальную оформленность эти представления обрели только в конце XVIII в., когда в русское ментальное пространство вошло слово *патриотизм* и соответствующий ему комплекс идей.

С самого своего появления категория «патриотизм» была идеологически маркированной, и в силу этого ее содержание и ценностный фон в разные периоды российской истории отличались изменчивостью, будучи в значительной степени зависимыми от социально-политических и культурно-исторических факторов [Фан 2013; Мурзина 2016].

По данным М. Одесского и Д. Фельдмана, появление слова *патриотизм* в текстах образованных людей вплоть до конца XVIII в. не было распространеным и маркировало знакомство с идеалами Французского Просвещения [Одесский, Фельдман 2012]. Таким образом, «патриотизм» связывался с идеями революционной борьбы, освобождения народа от гнета самодержавия.

В начале XIX в. это понятие прочно ассоциируется в России с якобинским террором времени Французской революции и приобретает негативную окраску. Только в идеологии декабризма патриотизм впервые приобрел внутреннюю ценностную поляризацию, т.е. оценочную двойственность; эта категория могла одновременно содержать: (1) негативную окраску патриотизма как верноподданничества; (2) позитивную окраску патриотизма как истинного служения интересам народа, идеям демократизма и освобождения.

В 20-е — 50-е гг. XIX в. (что связано с эпохой Николая I) понятие «патриотизм» становится идеологемой официального курса правительства, так

называемой теории «официальной народности», которая основана на верно-подданности и складывается из сформулированного графом Уваровым триединства: «самодержавие, православие, народность». В то же время в кругах либеральной и оппозиционной интеллигенции официальный патриотизм противопоставлялся истинному народолюбию, т.е. «народности». Так, впервые понятия «патриотизм» и «народность» становятся антиномичными понятиями на концептуальном и ценностном уровнях. Именно тогда возникает иронически-сниженное устойчивое выражение *квасной патриотизм* для характеристики поверхностного, показного восхваления национальной самобытности в среде революционно-демократической мысли в России [Мурзина 2013].

Во второй половине XIX в. (обычно это связывают с эпохой правления Александра II и Александра III) растет отрицательное отношение к патриотизму в народно-демократических кругах. В этот период возникает устойчивое выражение *казенный патриотизм* с явной иронически-сниженной окраской — эта коллокация «с последней трети XIX века означала крайне агрессивную, ксенофобскую риторику, направленную против любого инакомыслия» [Одесский, Фельдман 2012]. Отметим также, что возникают новые коннотативно-ассоциативные связи, ранее не присущие данному понятию: категория «патриотизм» (в его официальной версии) связана с понятиями антисемитизма и черносотенства.

Традиция негативно-оценочной коннотированности патриотизма была своеобразно продолжена в XX в. В 10-е гг. XX в. подъем национально-патриотических настроений в российском обществе в связи с Первой Мировой войной и сопутствовавшей ей антигерманской риторикой позитивная оценочность слова *патриотизм* временно характерна для большинства слоев населения. Однако именно тогда родился и неологизм *ура-патриотизм*, ассоциировавшийся с поверхностным, шапкозакидательским взглядом на происходящее.

В то же время оппозиционные силы, в том числе большевики, в борьбе против официальной власти используют негативно-сниженное толкование **патриотизма** как синонима охранительных действий реакции «*Большевики,*

разоблачая роль **социал-патриотов** в войне 1914-1918 гг., указывали, что они, **социал-патриоты**, социалисты на словах и **патриоты** империалистического отечества на деле» [НКРЯ — иллюстративный материал из первых изданий словаря под ред. Д.Н. Ушакова]. — Также именно в это время зародилось противопоставление **патриотизма** как символа консерватизма и реакции — и **интернационализма** как выразителя ценностей прогресса, демократии и освобождения угнетенных.

Как пишут М. Одесский и Д. Фельдман: «Во время Гражданской войны большевистской пропагандой использовался видоизмененный лозунг Великой французской революции: «Социалистическое отечество в опасности!». Прибавка слова «социалистическое» означала скрытый риторический маневр: рожденное Октябрьской революцией «отечество» мирового социалистического движения находится в прямой опасности военной интервенции» [Одесский, Фельдман 2012]. Так «реакционное» негативно-окрашенное содержание патриотизма причудливо соединилось с идеалами социализма, по сути, интернационалистическими, леворадикальными, — и тем самым обрело позитивную оценочность.

В 30–50-е гг. XX в. в силу политико-идеологических причин патриотизм становится «**советским**», т.е. теряет изначальную этническую окрашенность. Исконно патриотические взгляды, связанные с патриотизмом национальным, рассматривались как идеологически враждебные, потому что они шли вразрез с мировой революцией, с революционной борьбой за установление диктатуры пролетариата во всем мире. В этот период считается, что истинным патриотизмом является **классовый (пролетарский)** или даже **интернациональный патриотизм** (это последнее внутренне противоречивое словосочетание представляется даже оксюмороном). А традиционный патриотизм снова приобрел негативную окрашенность посредством создания клише *национал-патриотизм*, который рассматривался как пережиток капитализма, идеологически враждебный социалистическому государству.

Однако где-то с конца 40-х гг. XX в. официальной идеологии в Советском Союзе вновь понадобился позитивный культурный потенциал, исторически заложенный в дореволюционном «консервативном патриотизме», включавшем и элементы русского национализма. Именно в эти годы был создан слоган «*безродные космополиты*», а борьба с космополитизмом считалась одной из важнейших политических задач государства: «Термин «патриотизм» в контексте советской журналистики 1970-80-х годов обретает ярко выраженную шовинистическую, этнонационалистическую окраску» [Одесский, Фельдман 2012].

Как пишет И.Я. Мурзина, для советской эпохи было характерно идеологизованное понимание патриотизма, в котором такие традиционные понятийные составляющие, как 'любовь к родине', 'преданность своему отечеству, своему народу' совмещаются с требованиями идеологии: в понимание патриотизма включаются такие смыслы, как 'борьба за лучшее для народа и социальный прогресс, за социализм и коммунизм'. Трактовка патриотизма приобретает социально-политическую окраску, и в этом контексте подлинный, «советский» патриотизм «несовместим с буржуазным национализмом и космополитизмом и нераздельно связан с пролетарским интернационализмом» [Мурзина 2017: 40].

После непродолжительной «оттепели» наступил период, получивший метафорическое наименование «застой». Именно в это время в среде отечественной интеллигенции возникло противостояние «национально-патриотического» и «либерального» направлений. Таким образом, в эпоху «застоя» и позже — в перестроечную и постперестроечную эпоху — в среде интеллигенции мы снова наблюдаем концептуальное и ценностное противопоставление консервативных сил, которые используют понятия «патриотизм», «национал-патриотизм», и западных движений, которые в противовес консервативно трактуемому «патриотизму» используют понятия «*либерализм*» или даже «демократизм» .

В эпоху 2000–2020-х в отечественном социокультурном пространстве давно забыты идеологически маркированные категории классового подхода к патриотизму через призму идей пролетарского интернационализма. «Вместо этого укореняются такие характеристики, как ложный и настоящий, подлинный и мнимый патриотизм, которые в зависимости от идеологии и социально-политических интересов легко меняют свое значение» [Фан 2013: 149]. Как пишет И.Я. Мурзина: «Понятие «патриотический» все чаще включается в категориальную цепочку *лояльный, государственный, консервативно-православный*» [Мурзина 2017: 40].

Однако споры о путях, которые должна выбрать Россия, и связанная с ними поляризация в трактовке патриотизма в постперестроечное время не коснулись обыденного сознания России 1990-2000-х гг. Народ в основной своей массе никогда не принимал идеологически сниженный образ патриотизма как отсталого консерватизма. Обычные люди однозначно положительно оценивают патриотизм в контексте любви к своему отечеству [Коршунова, Шульмин 2013].

Эта точка зрения усиливается и в наше время, когда Россия декларирует возвращение к народно-патриотическим идеалам и ценностям. Президент России В.В. Путин 3 февраля 2016 года на встрече с предпринимателями, входящими в Клуб лидеров, отметил: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма». Об этом свидетельствуют и данные Википедии: «Понятие «патриотизм» в России сегодня активно набирает популярность. Если в 2006 году себя патриотами считали 30% россиян, а в 2016 этот показатель составлял уже 57%, то к июню 2017 года в России число считающих себя патриотами граждан увеличилось до 78%» [Википедия, <https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

Объем и содержание категории «патриотизм»: экстралингвистический аспект. Согласно принятой концепции исследования, экстралингвистическое содержание понятия устанавливается по данным энциклопедических

источников, трудов деятелей науки, культуры, религиозных мыслителей, философов и публицистов и т.д.

Анализ энциклопедических источников показывает в общем достаточно единообразное понимание так называемых ключевых понятийных составляющих категории «патриотизм».

«Большая советская энциклопедия» в свое время интерпретировала понятие «патриотизм» через такие смысловые составляющие: 'гордость достижениями и культурой своей родины'; 'желание сохранять её характер и культурные особенности'; 'идентификация себя с другими членами своего народа'; 'стремление защищать интересы родины и своего народа' [БСЭ 1975].

В целях нашего исследования существенно, что БСЭ включает в толкование «особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям» [БСЭ 1975].

Приведем для сравнения еще три энциклопедических источника, в которых патриотизм интерпретируется следующим образом: (1) '(от греч. *patriotes* — соотечественник, *patris* — родина) — любовь к родине; привязанность к месту своего рождения, месту жительства' [БЭС 2000]; (2) 'любовь к своей родине, стране, народу, привязанность к месту своего рождения, к месту жительства' [СЭ 2003]; (3) 'нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к родине и готовность пожертвовать своими интересами ради неё' [ЭПС 1999].

Развернутую трактовку патриотизма как понятийной категории и категории этической дает «Философский словарь»: «ПАТРИОТИЗМ (от лат. *pater* «отец») — благородная любовь к Родине как к месту рождения или же как к стране, принявшей человека и признаваемой им самим в качестве таковой согласно своему внутреннему чувству принадлежности. П. Чаадаев: *мы в России в основном "имеем пока только патриотические инстинкты", а не развитое и зрелое патриотическое сознание, вырастающее из свободы духа и продуманности личного выбора, чувства высшей правды и ответственности, са-*

моотверженности и нравственной чистоты. Вл. Соловьев, Н.Бердяев, Г.Федотов и др. русские философы были людьми, чей патриотизм вытекал из христианской веры в Бога, в замыслах которого Россия имеет особое религиозное призвание. Отсюда - специфически духовное понимание ими русской идеи и убеждение в том, что лишить народ такой идеи - значит сделать его жизнь бессмысленной, превратить ее в бездумное существование. противостоит национализму и шовинизму, главный мотив которых - греховное самоутверждение и жажда господства, которые не могут иметь религиозного и нравственного оправдания. *"Религиозная вера есть величайшая сила, призванная углублять, очищать и облагораживать инстинкт личного и национального самосохранения"* (И.Ильин). *"Мы должны сделать все усилия для того, чтобы исступленный национализм не становился продолжателем - в какой-то новой форме - извращений тоталитаризма"* (Папа Иоанн Павел II)» [ФЭС 2003].

Согласно принятой концепции исследования, данные, полученные в результате анализа экстралингвистического содержания представления о патриотизме, следует включать в базовую область смыслового наполнения анализируемого концепта. Таким образом, обобщая приведенные выше формулировки, мы можем выделить следующие отдельные смысловые составляющие категории «патриотизм», которые имеют статус когнитивных признаков:

- (1) 'любовь к Родине как к месту рождения';
- (2) 'любовь к стране, принявшей человека и признаваемой им самим в качестве таковой согласно своему внутреннему чувству принадлежности';
- (3) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства';
- (4) 'гордость достижениями и культурой своей родины';
- (5) 'желание сохранять её характер и культурные особенности';
- (6) 'идентификация себя с другими членами своего народа';
- (7) 'стремление защищать интересы родины и своего народа';
- (8) 'нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к родине и готовность пожертвовать своими интересами ради неё';

(9) 'особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям'.

Смысловый объем концепта, выявленный на данном, первом этапе анализа, таким образом, составил 9 когнитивных признаков.

Как уже было сказано ранее, в главе I, экстралингвистическое содержание понятия, принадлежащее главным образом логической, научной сфере, не совпадает с его обыденным восприятием, отраженным в языковой картине мира, которая, по мысли Ю.Д. Апресяна, имеет «наивный» характер [Апресян 1986]. Такое восприятие имеет психологический статус «представления», отличающегося от логического понятия по следующим параметрам: «донаучный (наивный) характер, нечёткий экстенционал, вариативный интенционал, что приводит ... к тому, что понятия объясняют происходящее, представления — нет; во-вторых, интернациональный характер первых и идиоэтнический — вторых» [Токарев 2003: 33].

По замыслу нашего исследования, в совокупное смысловое наполнение концепта входит и логическое понятие, и языковое «представление». Таким образом, полученные при анализе экстралингвистического содержания данные необходимо дополнить описанием собственно языкового материала.

2.1.2. Концептуальное содержание и смысловый объем концепта ПАТРИОТИЗМ по данным лексикографических источников

Концепт ПАТРИОТИЗМ имеет определенную содержательную, формальную и функциональную специфику, в сравнении с исконно русскими культурными концептами типа *душа, судьба, удаля* и пр. Это связано с определенной двойственностью в его бытовании в русском культурном пространстве. С одной стороны, данный концепт воплощает комплекс идей и представлений, существенных для русского этнического сознания и в этом смысле выступает как концепт повышенной социальной и культурной значимости

именно для русского мира. С другой стороны, он обозначен в языке иноязычным по происхождению словом, которое к тому же входит в фонд интернациональной лексики (примерно в таком же виде данная лексема присутствует в основных западных языках и означает в них примерно одно и то же).

Это обстоятельство обуславливает некоторую модификацию стандартной исследовательской модели комплексного описания концептов, которая предполагает включение в описание смыслового наполнения концепта этимологических сведений. В случае с концептом ПАТРИОТИЗМ роль этимологической зоны описания выполняет анализ значений этого слова в языке-источнике и в языках-посредниках, который представлен в двуязычных словарях и в словарях иностранных слов. При анализе необходимо учитывать возможные семантические эффекты взаимодействия исконного древнегреческого значения и современных иноязычных значений с культурными смыслами, привнесенными в его концептуальное содержание уже посредством его функционирования на русской почве.

Известные нам словари иностранных слов в принципе одинаково толкуют происхождение и синхроническую семантику лексем *патриотизм*. Здесь ограничимся лишь одним словарем, на наш взгляд, наиболее показательным — это «Современный словарь иностранных слов» Л.П. Крысина: «**Патриотизм** [греч . *patriotes* — соотечественник, *patris* — родина, отечество] — любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу; привязанность к месту своего рождения, месту жительства» [ССИС 2014].

Мы можем выделить три смысловых компонента: (а) 'любовь к родине'; (б) 'преданность своему отечеству, своему народу'; (в) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства'.

При наложении набора указанных смыслов на совокупность когнитивных признаков, выявленных на предыдущем этапе анализа экстралингвистического содержания, можно видеть совпадение с когнитивными признаками (1) 'любовь к Родине как к месту рождения' и (3) 'привязанность к месту сво-

его рождения, месту жительства'. Также обнаружен новый смысл, претендующий на статус когнитивного признака: **'преданность своему отечеству, своему народу'**.

Далее проанализируем основные русские толковые словари, в которых приводятся следующие толкования:

- 'Любовь, преданность и привязанность к отечеству, своему народу. *Советский патриотизм*' [СУ-III 1996].

- 'Преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу. *Патриотизм русских воинов*' [СОШ 1993];

- 'Любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу' [МАС-III 1985];

- 'Любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу' [БТСРЯ 2000];

- 'Любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу' [НБТСРЯ 2008].

Отметим, что три последних толкования дословно дублируют друг друга. В них не содержится ничего нового в сравнении с данными словаря иностранных слов.

Значительно большее количество семантических компонентов для первого, основного значения указывается в БАС:

- 'любовь к своему отечеству, преданность своему народу, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины'.

При этом добавляется еще одно значение, переносное, образованное по модели метафорического расширения:

- 'преданность чему-либо, горячая любовь к чему-либо (своему делу, краю и т. п.)' [БАС-XII 1961].

В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой практически повторяются толкования БАС (второе значение приведено в сокращенном виде):

- 'любовь к своему отечеству, преданность своему народу и ответственность перед ним, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины';

- '*разг.* Преданность чему-л., горячая любовь к чему-л.' [СЕ-II 2000].

Анализ словарных материалов БАС и словаря Т.Ф. Ефремовой позволил выделить в качестве отдельных еще три смысловых компонента, претендующих на статус когнитивного признака:

- 'ответственность перед своей родиной и своим народом';

- 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины';

'преданность ч.-л., горячая любовь к ч.-л. (*разг.*)'.

В целях нашего исследования важно, что в словарную статью БАС включено также фразеологическое сочетание *квасной патриотизм* [БАС-XII 1961] — как иронически-сниженное оценочное обозначение безусловного, некритичного восхваления чего-либо, что обычно связано с принадлежностью к русскому миру в широком смысле слова. В этом плане выражение антонимически противопоставлено просто патриотизму (т.е. патриотизму подлинному), который в принципе допускает некоторый критицизм в отношении каких-либо негативных черт и признаков чего-либо русского. Также мы можем считать его семантику отдельным когнитивным признаком и добавить к уже обнаруженным ранее.

Итак, к трем выделенным по словарю иностранных слов признакам: (а) 'любовь к Родине'; (б) 'преданность своему отечеству, своему народу'; (в) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства', — добавляется еще четыре: (г) 'ответственность перед своей родиной и своим народом'; (д) 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины'; (е) 'преданность ч.-л., горячая любовь к ч.-л.'; (ж) 'безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой (со словом *квасной*)'. В итоге мы получили 7 смысловых компонентов.

Теперь сопоставим набор из 9 когнитивных признаков, выявленный на предыдущем этапе анализа экстралингвистического содержания концепта, с набором из 7 когнитивных признаков, полученным в результате анализа словарных толкований.

В итоге совпадают следующие когнитивные признаки: (1) = (а) 'любовь к Родине как к месту рождения'; (3) = (в) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства'. Не совпадают когнитивные признаки (2), (4) — (9) из предыдущего набора (всего 7) и когнитивные признаки (б), (г) — (ж), выявленные по данным словарей (всего 5). Для удобства восприятия результаты сопоставления приводятся в **Табл. 2.1**. Совпадающие когнитивные признаки выделены жирным шрифтом.

Таблица 2.1.

Сопоставительный анализ когнитивных признаков концепта ПАТРИОТИЗМ по данным энциклопедических и словарных источников

Данные энциклопедических источников	Данные словарных источников
(1) 'любовь к Родине как к месту рождения' ;	(а) 'любовь к Родине' ;
(2) 'любовь к стране, принявшей человека и признаваемой им самим в качестве таковой согласно своему внутреннему чувству принадлежности';	(б) 'преданность своему отечеству, своему народу';
(3) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства' ;	(в) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства' ;
(4) 'гордость достижениями и культурой своей родины';	(г) 'ответственность перед своей родиной и своим народом';
(5) 'желание сохранять её характер и культурные особенности';	(д) 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины';
(6) 'идентификация себя с другими членами своего народа';	(е) 'преданность ч.-л., горячая любовь к ч.-л.';
(7) 'стремление защищать интересы родины и своего народа';	(ж) 'безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой (со словом <i>квасной</i>)'.
(8) 'нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к родине и готовность пожертвовать своими интересами ради неё';	
(9) 'особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям'.	

Получается, что к 2 общим когнитивным признакам добавляется, соответственно, 7 из первой колонки и 5 из второй. В итоге совокупный объем концепта на данном этапе анализа составил 14 когнитивных признаков. Ниже приводится уточненный состав когнитивных признаков. Жирным шрифтом выделены совпавшие когнитивные признаки. Подчеркнуты добавленные по итогам анализа словарных толкований когнитивные признаки:

- (1) **‘любовь к Родине как к месту рождения’;**
- (2) ‘любовь к стране, которая приняла человека и которая признана им самим в качестве родной в соответствии с его внутренним чувством принадлежности’;
- (3) ‘преданность своему отечеству, своему народу’;
- (4) ‘ответственность перед своей родиной и своим народом’;
- (5) **‘привязанность к месту своего рождения, месту жительства’;**
- (6) ‘готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины’;
- (7) ‘гордость культурой, достижениями своей родины’;
- (8) ‘желание сохранять национальный характер, национально-культурные особенности’;
- (9) ‘идентификация себя с соотечественниками, с другими членами своего народа’;
- (10) ‘стремление стоять на защите интересов своего отечества, своего народа’;
- (11) ‘политический и нравственный принцип, содержанием которого выступает любовь к отечеству и готовность к самопожертвованию ради родины’;
- (12) ‘особое эмоционально-насыщенное переживание чувства принадлежности к родной стране, к родному языку, к национальным традициям, к своему гражданству’;
- (13) разг. ‘преданность ч.-л., горячая любовь к ч.-л.’ (обобщенно-расширительное);

(14) 'безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой' (со словом *квасной*).

В целях нашего исследования важно, что концептуальная двойственность в ценностном плане, отмеченная еще в начале предпринятого нами описания, проявляется и на этом уровне анализа. Так, мы можем отметить оценочный потенциал, заложенный в концепте ПАТРИОТИЗМ, в котором большинство когнитивных признаков могут в дальнейшем получать в речи позитивную оценочность, но некоторые из них могут оцениваться и негативно (например, 'безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой').

На следующем этапе анализа, в соответствии с принятой концепцией исследования, дается характеристика особенностям репрезентации концепта ПАТРИОТИЗМ в русской фразеологии и паремиологии.

2.1.3. Фразеологическая и паремиологическая репрезентация концепта ПАТРИОТИЗМ

В силу иноязычного происхождения слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ, именно с этими словами фразеологизмов, пословиц и поговорок в русском языке очень мало. Однако в русском языке имеется достаточно большое количество фразеологического и паремиологического материала с компонентами, также входящими, в соответствии с принятой концепцией исследования, в смысловое пространство концепта ПАТРИОТИЗМ по своей семантике — это такие слова, как *Родина, Отчизна, Отчество* и пр.

Концепт ПАТРИОТИЗМ в русской фразеологии. Включение фразеологического материала в описание концептуального содержания представляется вполне закономерным шагом в процедуре его комплексного исследования, потому что именно фразеология языка в образной форме несет культурно-

значимую информацию о ментальности этноса и национальном характере, о традициях, обычаях и нравах носителей языка, об их материальной и духовной истории [Бабушкин 1996; Телия 1996 и 1999; Маслова 2001; Ковшова 2013 и др.].

Отбор фразеологического материала проводился по толковым словарям [БАС-VIII 1959; БАС-IX 1959; БАС-XII 1961; МАС-III 1985; СД-II 1999; СД-IV 1999] и по специальным фразеологическим словарям [ФСРЯ 1968; СОВРЯ 1995; СРФИЭС 1998; БФСРЯ 2006; НФСРЯК 2009]. Мы опираемся на широкое понимание фразеологических единиц [Копыленко, Попова 1978; Мокиенко 1990; Баранов, Добровольский 1998 и др.], к которым, помимо традиционно выделяемых семантически и структурно нечленимых идиом, относятся также фразеологические сочетания, по В.В. Виноградову (типа *малая родина*) [Виноградов 1977], которые не всегда отражены в фразеологических словарях, а также устойчивые выражения в узусе — коллокации (типа *тоска по родине*), аппозитивные сочетания (типа *Родина-мать*).

Особенности фразеологической репрезентации концепта заключаются в том, что анализ фразеологизмов способствует выявлению его оценочного потенциала. Это можно видеть и на том немногочисленном фразеологическом материале, который нам удалось обнаружить.

С компонентом патриотизм выявлен только один фразеологизм — ***квасной патриотизм***, который был рассмотрен в предыдущем подразделе. Даная фразеологизм позволил сформулировать в предыдущем подразделе 2.1.2. отдельный когнитивный признак (13) ‘безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой’: он отражает негативно-оценочный аспект концептуального содержания.

Остальные фразеологизмы, воплощающие семантику любви к Родине, содержат компоненты *Родина*, *Отечество*, *Отчизна* и пр. В основном эти фразеологизмы актуализуют положительно-оценочные стороны смыслового наполнения концепта ПАТРИОТИЗМ.

Так, выражение *Родина-мать* в экспрессивно-оценочном формате воплощает такие когнитивные признаки, как (1) 'любовь к Родине как к месту рождения'; и — главное — (12) 'особое эмоционально-насыщенное переживание чувства принадлежности к родной стране, к родному языку, к национальным традициям, к своему гражданству'. — Ср. пример из БАС: *В минуту унынья, о родина-мать! / Я мыслью вперед улетаю. / Еще суждено тебе / много страдать, Но ты не погибнешь, я знаю.* Некр. Кому, на Руси.. IV [БАС-ХII 1961].

Фразеологическое сочетание *вторая родина* акцентирует содержание когнитивного признака (2) 'любовь к стране, которая приняла человека и которая признана им самим в качестве родной в соответствии с его внутренним чувством принадлежности'.

Устойчивое выражение *родной край* (вариант *край родной*) также в эмоционально-экспрессивной форме репрезентирует когнитивный признак (5) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства'. Этот же признак в более нейтральном режиме передает коллокация *малая родина*.

Интересны случаи, когда сами фразеологические единицы выражают негативно-оценочные оттенки смысла: *измена родине, продать родину*, — но при этом иллюстрируют, опять же — как бы «от противного», положительно окрашенные в речевой практике носителей языка представления о патриотизме, которые выражаются в когнитивных признаках: (3) 'преданность своему отечеству, своему народу'; (4) 'ответственность перед своей родиной и своим народом'; (6) 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины'; (10) 'стремление стоять на защите интересов своего отечества, своего народа'.

При всей немногочисленности обнаруженного фразеологического материала, мы все же выявили значимый культурный смысл, который может претендовать на статус нового когнитивного признака. Это такая фразеологическая единица, как *тоска по родине* и, в более мягкой форме, фразеологизован-

ное выражение *дым отечества* (пришедшее в узус из стихотворения Г.Р. Державина и ставшего повсеместно известным благодаря комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова), которые выражают представление о *ностальгии* 'тоска по родине, по прошлому' [СЕ-II 2000].

По мнению многих русских философов, писателей, публицистов, религиозных и общественных деятелей, в том числе эмигрантов, ностальгия — это чувство, которое особенно остро переживается именно русскими людьми, по тем или иным причинам надолго оторванными от Родины — см., например [Новиков 2009]. Чувство ностальгии очевидным образом выступает как следствие сильной любви к родине, которая является основой представлений о патриотизме в русской культуре. Именно поэтому чувство ностальгии вполне можно рассматривать как составную часть совокупного содержания концепта ПАТРИОТИЗМ. Данный когнитивный признак можно сформулировать следующим образом: **(15) 'обостренное чувство тоски по утраченной родине, по родным местам'**.

В целом анализ фразеологического материала позволил уточнить наши представления о значительном оценочном потенциале смыслового наполнения концепта ПАТРИОТИЗМ, причем о потенциале не только позитивно-оценочном (что вполне ожидаемо), но и негативно-оценочном.

Концепт ПАТРИОТИЗМ в русской паремиологии. Традиции включения пословиц и поговорок в описание концепта в лингвокультурологии имеют уже свою почтенную историю — см., например, работы [Никитина 1991; Токарев 2000 и 2003; Воркачев 2001, 2002, 2005 и 2007; Слышкин 2004 и др.]. Это выглядит вполне оправданным, потому что именно в пословицах и поговорках в сжатом и афористичном виде представлено то, что нетерминологически именуют «народная мудрость», т.е. особенности народной ментальности и национального характера этноса [Дмитриева 1996; Савенкова 2002; Иванова 2006 и др.].

Отбор паремиологического материала осуществлялся по известному сборнику пословиц русского народа В.И. Даля [ПРН 2000] и словарю

В.И. Даля [СД-II и СД-IV], по специальным паремиологическим словарям [РППКВ 1979; БСРП 2008], а также по данным нашего интернет-мониторинга [ИМ]. В отличие от фразеологизмов, фонд русских пословиц и поговорок о любви к родине, к родной земле очень велик. Нами выявлено более 200 пословиц и поговорок.

Как и в случае с фразеологизмами, пословицы и поговорки о любви к родине не включают в свой компонентный состав само слово патриотизм (и однокоренные слова), в силу его заимствованного характера. Но при этом разные аспекты общего смысла 'любовь к родине' образно выражается с помощью других слов, зачастую посредством развернутых зоометафор, фитометафор, метафорики пути, болезни, смерти и пр.

Собранный нами паремиологический материал позволил подтвердить практически все когнитивные признаки, зафиксированные на предыдущих стадиях комплексного описания концепта ПАТРИОТИЗМ, о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры.

Практически все выявленные на предыдущих этапах анализа когнитивные признаки получают свою верификацию на материале русских пословиц и поговорок, пусть и выражены эти признаки в паремиях несколько особым способом.

(1) 'любовь к Родине как к месту рождения':

Любовь к родине сильнее смерти.

Не любишь свою страну — любишь не Бога, а сатану.

Родина краше солнца, дорожке золота.

Родина любимая — мать родимая.

Рыбам море, птицам воздух, а человеку отчизна — вселенный круг [СД-III].

Одна у человека родная мать, одна у него и родина.

Без корня и полынь не растет.

Родина — мать, чужбина — мачеха.

Золоту старости нет, родине — цены нет.

(2) 'любовь к стране, которая приняла человека и которая признана им самим в качестве родной в соответствии с его внутренним чувством принадлежности':

В каком народе живешь, того обычая и держись.

Где выросла сосна, там она и красна.

Где хорошо, там и родина.

(3) 'преданность своему отечеству, своему народу':

От Родины награда — сердцу отрада.

По родимой сторонке сердце поет.

Человек без родины — соловей без песни.

Худая та птица, которая гнездо свое марает.

Глупа та птица, которой свое гнездо не мило.

(4) 'ответственность перед своей родиной и своим народом':

Жить — Родине служить!

Кто служит родине верно, тот долг исполняет примерно.

Позор перед родиной хуже смерти.

Не отрекайся от земли русской — не отречется и она от тебя.

(5) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства':

Всякая сосна своему бору шумит.

Дома и стены помогают.

В родном краю сокол, в чужом — ворона.

Где кто рождается, там и пригодится.

И кости по родине плачут [СД-IV].

(6) 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины':

Для отчизны не жаль жизни.

Для родины своей ни сил, ни жизни не жалеи.

За Родину-мать не страшно и умирать.

За отечество жизнь отдают.

За родину, за честь — хоть голову снести.

За отечество живот кладут (о воинах) [СД-IV].

(7) 'гордость культурой, достижениями своей родины':

Кто в Москве не бывал, красоты не видал.

Много стран прошел, а добро лишь на родине нашел.

Велика русская земля и везде солнышко.

Иди в родной край — там и под елкою рай.

Земля русская вся под Богом.

Не ищи обетованные края — они там, где родина твоя.

(8) 'желание сохранять национальный характер, национально-культурные особенности':

Свой быт милее.

Ищи добра на стороне, а дом люби по старине.

Недолго той земле стоять, где начнут уставы ломать.

Между воронами и сорока по-вороньи каркает.

(9) 'идентификация себя с соотечественниками, с другими членами своего народа':

Все мы — дети земли Русской.

Земляка повидать — как дома побывать.

Родина начинается с семьи.

Если дружба велика, будет Родина крепка.

В своем болоте и лягушка поет.

(10) 'стремление стоять на защите интересов своего отечества, своего народа':

Где не жить — родине служить.

Кто за родину дерется, тому сила двойная дается.

Предать родину — опозорить мать и отца.

Родина — мать, умей за нее постоять.

Не расти траве на Неве-реке, не владеть чужим землей русской.

Не тот человек, кто для себя живет, а кто за родину в бой идет.

Кто к нам метит, тот свою смерть встретит.

Кто на Русь нападет, тот смерть себе найдет.

Кто отечество предает, тот нечистой силе свою душу продает.

Кто родиной торгует, того кара не минует.

(11) 'политический и нравственный принцип, содержанием которого выступает любовь к отечеству и готовность к самопожертвованию ради родины':

Тот герой, кто за родину горой.

Умирая, с родной земли не сходи.

Если народ един — он непобедим.

(12) 'особое эмоционально-насыщенное переживание чувства принадлежности к родной стране, к родному языку, к национальным традициям, к своему гражданству':

Своя земля и в горсти мила.

Всюду хорошо, а дома лучше.

Всякому мила своя сторона.

Кабы куст был не мил, соловей гнезда бы не вил.

Нет в мире краше родины нашей.

Нет в мире лучше родного края.

(13) разг. 'преданность ч.-л., горячая любовь к ч.-л.' (обобщенно-расширительное):

Без любви к человеку нет любви к родине.

Ни на что не променять Веру, Родину и Мать!

(14) 'безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой' (со словом *квасной*):

Россия — родина слонов.

Только тому почет будет, кто родину не на словах, а делом любит.

Родину головой оберегают.

(15) 'обостренное чувство тоски по утраченной родине, по родным местам':

Родное селение только на чужбине оценишь.

На чужой сторонушке рад своей воронушке.

У чужой еды и вкус чужой.

На чужой стороне и сладкое — горчица, на родине и хрен — леденец.

На чужой стороне поклонись и бороне.

На чужой стороне родина милей вдвойне.

Научит горюна чужая сторона.

В целом анализ паремиологического материала не выявил новых когнитивных признаков, но позволил углубить представление об оценочном потенциале концептуального содержания патриотизма. Большинство пословиц реализует позитивно-оценочные оттенки смысла, что еще раз доказывает существенную культурную значимость анализируемого концепта.

По итогам проведенного в настоящем разделе 2.1 анализа выявлено 15 когнитивных признаков концепта. Согласно замыслу исследования, его следующий этап предполагает уточнение и верификацию семантического наполнения концепта ПАТРИОТИЗМ посредством анализа особенностей системно-языковой объективации концепта (имеется в виду характеристика словообразовательных, парадигматических и синтагматических связей и отношений между словами — репрезентантами анализируемого концепта).

2.2. Языковая объективация концепта ПАТРИОТИЗМ

2.2.1. Деривационные связи и отношения в языковой объективации концепта ПАТРИОТИЗМ

В соответствии с принятой концепцией исследования, описание особенностей языковой репрезентации концепта начинается с выявления словообразовательных связей и отношений между лексемами, эксплицирующими его

концептуальное содержание. Это дает возможность расширить состав когнитивных признаков концепта посредством выяснения семантики однокоренных слов, формирующих словообразовательное гнездо с вершиной *патриот*.

Указанное словообразовательное гнездо моделируется в нашей работе на основе словаря А.Н. Тихонова [СТ 1985] и данных нашего мониторинга онлайн-словарей. Значения однокоренных слов верифицировались по толковым словарям и словарям иностранных слов [БАС-IX 1959; СОШ 1993; БТСРЯ 2000; СЕ-II 2000; СИС 2000; НСИС 2014]. Контексты, иллюстрирующие значения словоупотреблений, берутся по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и нашего интернет-мониторинга (ИМ).

Несмотря на то что слово *патриот* является по происхождению иноязычным, в словообразовательной системе русского языка словообразовательное гнездо с вершиной *патриот* обладает достаточно сложной иерархической организацией и разнообразными деривационными отношениями. Это свидетельствует о существенной степени его освоенности русским языковым сознанием и, соответственно, о «культурной разработанности» соответствующего концепта [Вежбицкая 1997].

Гнездо насчитывает 28 дериватов в разной степени производности на базе мотивирующего слова *патриот*. В состав гнезда не включаются и, соответственно, не учитываются при анализе два так называемых «словообразовательных омонима» — слова, совпадающие или схожие по внешнему облику, но имеющие разную словообразовательную структуру и образованные по разным моделям деривации [Немченко 1984]: *патриотик* — неологическое несклоняемое прилагательное, обозначающее ‘род ткани из кружевной пряжи’ [БАС-IX 1959] и в таком виде заимствованное из английского языка-носителя — от прилагательного *patriotic* ‘патриотический’; *компатриот* (буквально ‘соотечественник’) — неологическое существительное, также заимствованное непосредственно из английского языка — от слова *compatriot*. Словообразовательное гнездо с вершиной *патриот* графически представлено ниже, на **Схеме 2.1**.

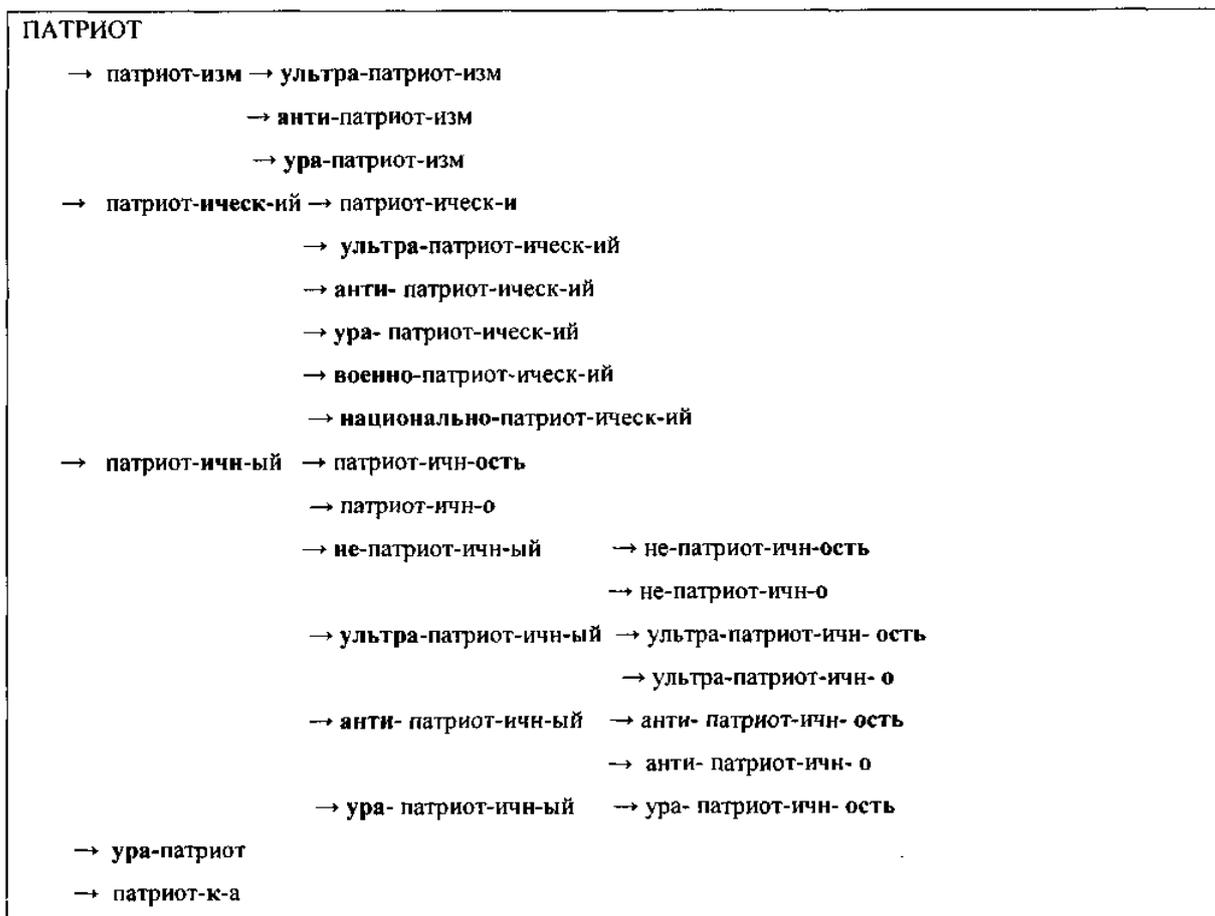

Схема 2.1.

Словообразовательное гнездо с вершиной «патриот»

Спецификой дериватов, входящих в состав данного словообразовательного гнезда, состоит в том, что гнездо содержит только субстантивные и адъективные (включая наречия на –О, образованные на базе прилагательных)) производные слова. Глагольные дериваты отсутствуют, что может косвенным образом свидетельствовать о «нединамичности», «неглагольности» данного концепта, о том, что в его содержании на первый план выходят признаковая составляющая (атрибуты, свойства, состояния и пр.), по причине отвлеченной семантики данного представления.

Субстантивные дериваты. Само наличие производных слов — существительных как репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ позволяет обнаружить потенциально новые когнитивные признаки, связанные с представлением об одушевленном субъекте как носителе чувства патриотизма. Прежде

всего речь идет об одушевленных лексемах *патриот* / *патриотка*. Слово *патриот* в словарях представлено следующими толкованиями:

- 'тот, кто любит свое отечество, предан своему народу, готов на жертвы и подвиги во имя интересов своей Родины';

- (*разг.*) 'тот, кто предан чему-л., горячо любит что-л.' [СЕ-II 2000];

'человек, преданный интересам какого-нибудь дела, глубоко привязанный к чему-нибудь' [СОШ 1999].

Слово *патриотка* имеет те же значения, но составляет оппозицию слову *патриот* по признаку пола.

Таким образом, мы можем сформулировать новый, субъектно-ориентированный когнитивный признак: (16) 'носитель чувства любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во имя интересов своей родины'.

Неодушевленные субстантивные дериваты воплощают другую сторону концептуального содержания патриотизма, а именно — его оценочную составляющую. Это такие производные существительные, как *ура-патриотизм*, *ультрапатриотизм* и *анти-патриотизм*. В данные дериваты как бы «встраивается» негативная оценка говорящим, с его точки зрения, не соответствующего норме, «неправильного» патриотизма. Характер этой негативной оценки и ее направленность реализованы в словарных толкованиях дериватов.

Словарные толкования лексемы *ура-патриотизм*:

- 'безрассудно-самонадеянный, неосновательный, хвастливый, ложный патриотизм' [БТСРЯ 2000];

- 'показной и шумный патриотизм' [СО 1999].

Словарное толкование лексемы *ультрапатриотизм*:

- 'идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющая общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам; национализм' [БТСРЯ 2000].

Словарное толкование лексемы *анти-патриотизм*:

- 'враждебное чувство к отечеству' [СОШ 1993: СЕ-II 2000].

Дериваты, соотносимые с этими отвлеченными производными существительными на –изм, как субстантивные: *ура-патриот, ультрапатриот, антипатриот*, так и адъективные: *ура-патриотический / ура-патриотичный, ультрапатриотический / ультрапатриотичный, антипатриотический / антипатриотичный*, — наследуют рассмотренную отрицательную оценку «неправильного» патриотизма.

Адъективные / наречные дериваты. Данные дериваты репрезентируют признаковую составляющую концепта ПАТРИОТИЗМ, выражая разнообразные свойства и характеристики субъекта или объекта, имеющие отношение к патриотизму. Это прилагательные *патриотический, патриотичный* и наречие *патриотично*.

Словарные толкования прилагательного *патриотический*:

- 'относящийся к патриоту, патриотам';
- 'проникнутый патриотизмом; выражающий чувства патриотизма' [БАС-IX 1959];
- 'проникнутый патриотизмом, выражающий патриотизм; свойственный патриоту' [СИС 2000];
- 'соотносящийся по знач. с сущ.: *патриотизм*, связанный с ним';
- 'свойственный патриотизму, характерный для него';
- 'проникнутый патриотизмом';
- 'выражающий чувство патриотизма' [СУ-III 1996; СЕ-II 2000].

Наречие *патриотически* выражает те же значения, отличаясь лишь функционально.

Словарные толкования прилагательного *патриотичный*:

- 'свойственный патриотизму, характерный для него';
- 'проникнутый патриотизмом' [СЕ-II 2000].

Несмотря на то что прилагательные *патриотический* и *патриотичный* имеют существенный общий блок значений и в ряде контекстов взаимозаме-

няемы: *патриотический поступок* = *патриотичный поступок*, существенным обстоятельством, важным для языковой экспликации концепта ПАТРИОТИЗМ, является возможность тонкого семантического и функционального различения прилагательных *патриотический* и *патриотичный*.

Вообще говоря, судя по данным русских словарей паронимов, например, словаря О.В. Вишняковой [СПРЯ 1984], пара *патриотический* — *патриотичный* входит в характерную для русского языка корреляцию дублетных образований двух иноязычных по происхождению прилагательных — паронимов от одного корня с разными суффиксами: *трагический* — *трагичный*, *романтический* — *романтичный*, *артистический* — *артистичный* и пр.

Члены пары на *-ическ-* обычно тяготеют к относительным прилагательным, обозначают отношение к предмету, названному производящим словом, а члены пары на *-ичн-* — к качественным, обозначают свойство, качество. Поэтому, например, прилагательное *патриотичный* может определять одушевленное лицо, человека, а *патриотический* — нет: *Девушку из Воронежа признали самой патриотичной студенткой страны* [ИМ — URL: <https://riavr.ru/news/>]; *В Корее живут невероятно патриотичные люди, с которыми об их родине лучше не шутить* [НКРЯ — коллективный. Чон больше, чем любовь // «Русский репортер», 2013].

Также они несколько отличаются стилистически. Прилагательные на *-ическ-* обычно имеют более высокий стилистический регистр, ориентированы на книжно-возвышенную речь, даже на употребление в терминосочетаниях. Прилагательные на *-ичн-* тяготеют к нейтральному стилю, к обыденным контекстам употребления. Поэтому для обозначения общественно-политических сил нормально употребить, например, *национально-патриотический*, но нельзя **национально-патриотичный*.

Итак, для указанных прилагательных имеются лексико-грамматические, семантические и стилистические различия. Прилагательное *патриотический* — относительное, с семантикой 'имеющий какое-либо отношение к патриотизму (свойственный / присущий патриотизму, характерный для патриотизма,

проникнутый патриотизмом, выражающий чувство патриотизма и пр.)': *патриотическое содержание = проникнутое патриотизмом содержание*, — или 'имеющий отношение к патриоту': *патриотические чувства = чувства патриота*.

Прилагательное *патриотичный* во многих контекстах употребления может переходить в качественное, когда обозначает оценку свойства, качества. В этих случаях прилагательное получает возможность мыслиться в большей или меньшей степени: *Не слишком «патриотичных» белорусских спортсменов накажут рублем* [ИМ — URL: <https://belsat.eu/ru/news/>].

Прилагательное *патриотичный*, в отличие от *патриотический*, имеет и краткую форму, употребляемую в роли сказуемого, что в норме также является признаком качественного прилагательного: *Быть может, именно потому мы столь патриотичны, что слишком часто должны были быть гражданами страны, которой не существовало на карте...* [НКРЯ — Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... (1999-2003)]

Именно как качественное прилагательное *патриотичный* образует антонимический дериват с НЕ- — *непатриотичный*. Его словарное толкование: - 'не отличающийся патриотизмом' [СЕ-II 2000].

Это указывает на возможность «отрицательного» свойства, точнее, отрицательной оценки недостатка свойства патриотизма, который тоже может мыслиться в большей или меньшей степени: *Очень непатриотичный пост. Признаться, я всегда с опаской отношусь к "не имеющим аналогов" отечественным изделиям* [ИМ — URL: <https://stsvv.livejournal.com/66097.html>].

Также не случайно от прилагательного *патриотичный* образуется качественное наречие на -О — *патриотично*. Приведем его толкование, в которое явственно включается идея оценки:

- 'оценка каких-л. действий, поступков как характеризующихся проявлением патриотизма» [СЕ-II 2000].

Это наречие так же, как и исходное прилагательное, сочетается с наречиями степени качества: *Мне кажется, это будет очень актуально и очень*

патриотично [НКРЯ — Григорий Тарасевич. Чего бы еще запретить? // «Русский репортер», 2013]

Та же «качественность», вернее, качественная оценочность, усиливается при образовании наречных дериватов от других прилагательных, производных на базе *патриотичный*: *непатриотично, ультрапатриотично, антипатриотично*.

Усиливает «качественность» и возможность образования отадъективного отвлеченного существительного *патриотичность* — как некоего свойства / качества личности или объекта, могущего мыслиться в большей или меньшей степени. Такое свойство нравственного характера может вполне претендовать на статус нового когнитивного признака: (17) ‘свойство / качество любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во имя интересов своей родины’.

Другие производные прилагательные, особенно образованные сложением, выполняют функцию конкретизации общего смысла патриотического (их семантика тяготеет к терминологичности). Это такие прилагательные, как *военно-патриотический, национально-патриотический* и под.

Прилагательное *военно-патриотический*:

- ‘связанный с воспитанием чувства гордости за героическое военное прошлое страны и с подготовкой к воинской службе’ [СЕ-II 2000].

Употребление данного прилагательного возможно только в составных терминологических наименованиях учреждений, политических сил, общественных явлений и пр.

Прилагательное *национально-патриотический* — для него вообще характерно терминологизованное употребление в общественно-политической лексике (обозначает приверженность к идеологии консерватизма, с позиции либеральных сил, употребляется как контекстуальный антоним для общественно-политических лексем *либеральный* или даже *демократический*).

По итогам анализа словообразовательной репрезентации концепта ПАТРИОТИЗМ были выявлены два новых когнитивных признака: (16) ‘носитель

чувства любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во имя интересов своей родины’; (17) ‘свойство / качество любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во имя интересов своей родины’.

Также было внесено существенное уточнение в интерпретацию ценностного потенциала этого концепта: явления деривационной репрезентации концепт ПАТРИОТИЗМ обнаруживают определенное усиление негативно-оценочных смыслов в его концептуальном содержании.

Важно, что носители языка относятся к патриотизму неоднозначно, а не только положительно. Негативно-оценочная рецепция патриотизма может быть связана с двумя факторами, существенными для русской языковой картины мира в целом:

(1) неприятие чего-то показного, экзальтированного, нарочито афишируемого (это соотнесено с такой ключевой идеей русской ЯКМ, как неприятие всего ненастоящего, ложного, мнимого [Радбиль 2016]);

(2) ценностная неприемлемость чего-то чрезмерного, избыточного, аффектированного, воспринимаемого как что-то неестественное, неискреннее (это соотнесено с такими ключевыми идеями русской ЯКМ, как установка на искренность и неприятие пошлости [Зализняк и др. 2005]).

Эти рассуждения позволяют уточнить ранее сформулированный когнитивный признак: (14) безусловное, некритичное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой (со словом *квасной*, также = *ультрапатриотизм*), — и сформулировать новый когнитивный признак: **(18) ‘чрезмерное и показное, аффектированное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой (=ура-патриотизм)’.**

2.2.2. Парадигматические связи и отношения в языковой объективации концепта ПАТРИОТИЗМ

Парадигматика концепта ПАТРИОТИЗМ имеет существенную специфику, которая вытекает из терминологизованного характера слов — репрезентантов указанного концепта как единиц общественно-политической сферы. Они активно участвуют в номинации идеологических и политических явлений, в том числе манипулятивного характера. В языковом плане мы можем в этих случаях чаще всего говорить не о языковой, а о контекстуальной синонимии и антонимии, характерной только для социально-политической разновидности речевой практики. В этом ключе семантические сближения и расхождения слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ весьма примечательны, потому что по ним мы можем судить о расстановке общественно-политических сил, об эволюции идеологии, политики социума в тот или иной период его развития, о социокультурной ситуации в целом. Именно это и делает выбранный нами для исследования концепт социально-значимым.

Слова — репрезентанты концепта ПАТРИОТИЗМ выступают обычно как идеологически маркированные лексемы, по особенностям их образования и употребления можно судить о борьбе полярных политических сил, о противостоянии противоположных политических взглядов на одну и ту же ситуацию или явление действительности, о столкновении разных типов оценочности. Такие слова Т.Б. Радбиль определяет как «идеологемы», для которых присущи следующие свойства: (1) «десемантизация» как элиминация прямых номинативных значений; (2) приобретение поляризованной оценочности изначально нейтральными, внеоценочными номинациями терминологизованного характера (одно и то же слово, например *патриотизм*, может представителями полярных общественно-политических лагерей оцениваться то положительно, то отрицательно) [Радбиль 1996].

Исследование парадигматической репрезентации концептуального содержания в соответствии с принципами комплексного описания концепта

обычно включает в себя анализ семантических связей и отношений гипо-гиперонимического, партитивного, конверсивного и др. типов. Акцент главным образом делается на характеристику синонимии и антонимии, на анализе которых мы подробно остановимся далее.

Отношения языковой и контекстуальной синонимии. Выборка синонимов осуществлялась по данным словарей русских синонимов Н. Абрамова, З.Е. Александровой, Ю.Д. Апресяна, А.П. Евгеньевой [ССРЯ-II 1971; ССРЯА 1991; НОССРЯ 1997; СРСА 1999] и дополнялась по данным online-словарей синонимов [СРС-1; СРС-4]. Семантика синонимичных лексем уточнялась по данным русских толковых словарей [БАС-VIII 1959; БАС-XI 1959; БАС-XII 1961; СОШ 1993; СД-II 1999; СД-I 1999; БТСРЯ 2000; СЕ-II 2000; СЕ-III 2000]. Также учитывалось явление межуровневой синонимии, когда синонимизируются слова и устойчивые сочетания слов — составные наименования, коллокации, терминосочетания и пр.

С точки зрения формально-структурной слово *патриотизм* вступает в отношения синонимии трех типов:

(1) явления однокорневой синонимии: *патриотичность, ура-патриотизм, ультрапатриотизм;*

(2) явления разнокорневой синонимии: *национализм, шовинизм, отчизнолюбие, отечестволюбие, верноподданство, верноподданность, верноподданничество;*

(3) явления межуровневой синонимии (слово = устойчивое сочетание): *любовь к отечеству, любовь к отчизне, любовь к родине, преданность отечеству, преданность отчизне, преданность родине.*

Явления межуровневой синонимии типа *любовь к отечеству / отчизне / родине* или *преданность отечеству / отчизне / родине* также специально нами здесь не рассматриваются, так как они выступают в роли перифрастического наименования патриотизма, т.е. его дескрипции. Поэтому они, как правило, включаются в словарное толкование данного слова в качестве семантических

признаков (сем) и, в соответствии с этим обстоятельством, анализируются в предыдущем разделе 2.1.

При этом семантика таких синонимов, как *ура-патриотизм*, *ультра-патриотизм*, уже исследовалась нами выше — в подразделе 2.2.1. Словарное толкование слова *ура-патриотизм*:

- 'безрассудно-самонадеянный, неосновательный, хвастливый, ложный патриотизм' [БТСРЯ 2000].

Ср. характерный контекст из Национального корпуса русского языка: *Ура-патриотизм, конечно, сплачивает нацию, но смерть молодых соотечественников вдали от родины нужно как-то оправдывать* (НКРЯ — Олег ШЕВЦОВ, Максим ЧИЖИКОВ, Евгений УМЕРЕНКОВ, Андрей КАБАННИКОВ. Буш разворошил иракский «муравейник» // Комсомольская правда, 2004.03.22).

Словарное толкование лексемы *ультрапатриотизм*:

- 'идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющая общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам; национализм' [БТСРЯ 2000].

Оно отражается и в примерах из Национального корпуса русского языка: *Я никак не националист, русский «ультрапатриотизм» отвратителен, от эмиграции — первой, второй, третьей, какой угодно, — меня часто мутит* [НКРЯ — А. Д. Шмеман. Дневники (1973-1983)].

Получается, что, будучи синонимами на уровне языка, лексемы *ура-патриотизм* и *ультрапатриотизм* выступают на концептуальном уровне как антонимы по отношению к лексеме *патриотизм*. Здесь мы имеем дело с отмеченным в работе Т.Б. Радбиля явлением «концептуальной квазисинонимии» [Радбиля 2017].

В словаре В.И. Даля приводятся синонимические архаизмы к слову *патриотизм* — лексемы *отчизнолюбие*, *отечестволюбие* [СД-II 1999], которые относятся к книжно-возвышенной, поэтической лексике, т.е. выступают в роли

стилистических синонимов по отношению к слову *патриотизм*. Не случайно в Национальном корпусе русского языка все примеры датируются серединой XIX века: *Тогда решился он изучить свою родину основательно, и так как он принимался за все с восторгом, то и отчизнолюбие в нем загорелось бурным пламенем* [НКРЯ — В. А. Соллогуб. Таранас (1845)].

С семантической точки зрения эти лексемы с признаками церковнославянизмов являются своего рода «переводом» на славянский лад иноязычного по происхождению слова *патриотизм* — схватывание его экспликации *любовь к отчизне / отчеству* посредством одной сложно-суффиксальной номинации. Смысловый объем для этих лексем и для слова *патриотизм*, таким образом, полностью совпадает.

Новые оттенки смысла в концептуальное содержание патриотизма приносит синоним *патриотичность*, отчасти проанализированный ранее, в подразделе 2.2.1, посвященном описанию деривационной репрезентации концепта. Как было отмечено выше, между близкими по семантике лексемами *патриотизм* и *патриотичность* все же нет полного смыслового тождества. Лексема *патриотизм* тяготеет к обозначению социально-значимой категории, общественного явления и нравственной ценности, тогда как ее синоним *патриотичность* выражает опредмеченное качество, которое может проявляться в большей или меньшей степени, которого может быть много или мало: — *В непарламентской оппозиции различимы два крыла: условные националисты, которые критиковали власть за недостаточную патриотичность, за слабую защиту интересов России, и условные либералы, обвиняющие власть, что она не европейская, нещерная, тянет Россию назад в автаркию, в изоляцию и так далее* [НКРЯ — Петр Скоробогатый, Валерий Федоров. Украина на российских кухнях // «Эксперт», 2014]

Это может быть некий настрой души, определенное психологическое или нравственное свойство, качество внутреннего мира человека: *Думается, мы найдем больше честности, патриотичности, здравого смысла у русских промышленников и предпринимателей той эпохи, нежели у «новых» русских*

[НКРЯ — Елена Мочалова. Пережогинь. История купеческой фамилии // «Наш современник», 2003.08.15].

Это могут быть особенности восприятия каких-либо неодушевленных явлений, отвечающих по тем или иным основаниям данному свойству патриотичности: *А также раскрыл тренерские секреты Анатолия Бышовца, удивил патриотичностью речей и объяснил, почему он так устал «ковыряться» в премьер-лиге* [НКРЯ — Боярский А., Вагин Р. «Бывает, хочется взять лопату, вырыть яму и себя на этом поле закопать...» // Советский спорт, 2009.05.05].

В общественно-политическом дискурсе имеется еще одно важное синонимическое сближение слова *патриотизм* и слов *национализм* и *шовинизм*, которое открывает новые грани концептуального содержания патриотизма. Словарное толкование лексемы *национализм* примерно одинаково во всех русских толковых словарях:

- 'идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим';

- 'проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости' [БТСРЯ 2000].

Шовинизм в этой связи выступает как «воинствующий национализм», как крайнее, экстремальное проявление национализма, о чем свидетельствуют и толковые словари:

- 'крайний национализм, проповедующий национальную и расовую исключительность и разжигающий национальную вражду и ненависть' [СОШ 1993];

- 'идеология и политика воинствующего национализма, проповедующая национальную и расовую исключительность одного народа, ненависть и презрение к другим народам и разжигающая национальную и расовую вражду' [СЕ-III 2000].

Итак, мы выявили новый комплекс смыслов, входящий совокупное представление о патриотизме. Это так называемая «гиперидентичность» —

выражение идеи этнического превосходства одного народа над другим [Стефаненко 1999; ЭПС 1999]. Для этих слов проявляется общая тенденция для идеологем общественно-политической сферы, когда одни и те же лексические единицы в одних контекстах выступают как синонимы, а в других — как антонимы. В нашем случае речь идет о возможном противопоставлении истинного патриотизма и ложного патриотизма — национализма и шовинизма: *...государство может воспитывать ложный патриотизм — национализм, шовинизм. Подлинным же патриотизмом является лишь тот, который не приносит зла другим народам и государствам* [ИМ — URL https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1976].

Таким образом, мы имеем основания для формулирования нового когнитивного признака концепта ПАТРИОТИЗМ, который является специализированным и ограниченным по сфере реализации — только в политическом или медийном дискурсе: (19) ‘проявление идеологии и / или психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости (= национализм)’.

Смысловая эволюция концепта ПАТРИОТИЗМ позволяет увидеть и еще одно синонимическое сближение лексемы *патриотизм*, актуальное для предшествующих исторических периодов. Это его синонимизация с устаревшей лексемой *верноподданность* (*верноподданничество*), которая воплощает приверженность идеям самодержавия, абсолютной монархии. Это видим и в словарных толкованиях. Слово является отвлеченным существительным по значению прилагательного *верноподданный*:

- ‘человек, который соблюдает верность своему государю’ [СОШ 1993].

В XIX в. эта лексема имела безусловную положительную оценку. Однако в контекстах XX и XXI вв. эта лексема меняет знак оценочности и чаще всего получает негативную оценочность: *Я боялся, что начав отвечать западным корреспондентам, я и от советских получу вопросы, предопределяющие либо сразу бунт, либо унылую верноподданность* [НКРЯ — А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом (1967-1974)].

В целом мы можем сформулировать новый когнитивный признак: (20) ‘соблюдение верности монарху, преданность монархическому строю’.

Отношения языковой и контекстуальной антонимии. Выборка антонимов осуществлялась по данным словаря русских антонимов [САРЯ 1985], а также online-словарей. Семантика антонимов уточнялась по данным русских толковых словарей [БАС-VIII 1959; БАС-XI 1959; БАС-XII 1961; СОШ 1993; СД-II 1999; СД-I 1999; БТСРЯ 2000; СЕ-I 2000; СЕ-II 2000]. Так же, как и ранее, в случае анализа синонимов, учитывается явление межуровневой антонимии лексем и устойчивого сочетания слов.

Так же, как это отмечалось при анализе отношений синонимии, с точки зрения формально-структурной слово *патриотизм* вступает в отношения антонимии трех типов:

- (1) явления однокорневой антонимии: *антипатриотизм*;
- (2) явления разнокорневой антонимии: *космополитизм, интернационализм, либерализм*;
- (3) явления межуровневой антонимии (слово ↔ устойчивое сочетание): *ненависть к отечеству, ненависть к отчизне, ненависть к родине*.

Так же, как и в случае с синонимией, явления межуровневой антонимии типа *ненависть к отечеству / отчизне / родине* специально нами здесь не рассматриваются, так как они выступают в роли перифрастического наименования антипатриотизма, т.е. его дескрипции. Новых приращений смысла, в сравнении с лексемой *антипатриотизм*, эти словосочетания не отражают.

Семантика антонима *антипатриотизм* уже исследовалась нами выше – в подразделе 2.2.1. Напомним его словарное толкование:

‘враждебное чувство к отечеству’ [СЕ-I 2000].

Примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) регулярно дают контексты реализации этой лексемы в противоположном по отношению к лексеме *патриотизм* значению — причем в негативно-оценочном регистре, что вполне ожидаемо:

*Из антигосударственности у антисоветской интеллигенции вылутился самый вульгарный и пошлый **антипатриотизм** [НКРЯ — С. Г. Кара-Мурза. Антисоветский проект (2002)];*

*Поэтому он отвечал не за **антипатриотизм** или саботаж, а за недисциплинированность или, как говорили в аппарате Берии, за хулиганство [НКРЯ — А. Д. Сахаров. Воспоминания (1983-1989)];*

*Обратите внимание: пока речь не идет о навязывании патриотизма. Наоборот, нам навязывают **антипатриотизм**. Вообще, я глубоко убежден, что любовь к Родине настолько сильное и глубинное чувство, что оно и само восстановится, только не надо мешать людям быть патриотами [НКРЯ — Неверов Александр. ЮРИЙ ПОЛЯКОВ: НЕ НАВЯЗЫВАЙТЕ АНТИПАТРИОТИЗМ // Труд-7, 2005.07.27]..*

Для других случаев следует отметить, что, как это обычно присуще словам общественно-политической сферы, мы можем говорить в основном лишь о контекстуальной антонимии, актуальной лишь для особых типов идеологизированного дискурса — политического или медийного. Смысловые сближения и расхождения в этой ситуации зависят от принадлежности субъекта высказывания к тем или иным общественно-политическим силам.

Особенно это проявляется в контекстуально антонимических противопоставлениях лексемы *патриотизм* и близких по смыслу лексем *космополитизм* и *интернационализм*. Словарные толкования последних во всех русских толковых словарях примерно одинаковые.

Словарное толкование лексемы *космополитизм*:

- 'идеология, заключающаяся в отказе от национальной самобытности, национальных традиций и культуры, в пренебрежении собственными национальными интересами и выдвигающая идеи единого мирового государства и гражданства' [СЕ-I 2000].

Эту семантику подтверждают материалы Национального корпуса русского языка: *Основные «догматы» либеральной веры — приоритет свободы,*

индивидуализм, космополитизм, мелиоризм — могут быть оценены и интерпретированы с христианской точки зрения как крайне негативно, так и вполне позитивно [НКРЯ — Александр Кырлежев. Либеральные тенденции в русском православии: к постановке проблемы (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.11.11].

Словарное толкование лексемы *интернационализм*:

- 'идеология и политика межнациональной, международной солидарности, основанные на равенстве и сотрудничестве всех народов' [СЕ-I 2000].

Ср. в Национальном корпусе русского языка: *Не интернационализм, а беззаветная борьба русских за свою независимость воодушевила другие народы СССР на борьбу с расистским национал-социализмом Гитлера* [НКРЯ — Гавриил Попов, Никита Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева (журнальный вариант) // «Наука и жизнь», 2008].

Нетрудно видеть, что данные лексемы противопоставлены слову патриотизм только в его достаточно узком семантическом представлении — как определенная идеология (не психологическое чувство); данное противопоставление не охватывает всего набора социально- и культурно-значимых смыслов, входящих в концептуальное содержание патриотизма.

Анализ идеологизированной контекстуальной антонимии, на наш взгляд, дает основание для формулировки специализированного, ограниченного в сферах реализации когнитивного признака концепта патриотизм, связанного с особой идеологией: (21) 'спец. Идеология и политика государства, направленная на сохранение национальной самобытности, национальных идеалов и ценностей, традиций и культуры'. Патриотизм в этом плане противопоставлен как идеологии национализма, с ее идеями национального превосходства над другими народами, так и идеологии интернационализма, с ее установкой на отказ от национальной самобытности. В наше время эта семантика является новым как «хорошо забытым старым», она становится особенно актуальной.

Еще в более частном аспекте смысла противопоставлены *патриотизм* и *либерализм*. Словарное толкование лексемы *либерализм*:

- 'идеологическое и общественно-политическое течение, отстаивающее парламентский строй, демократические свободы и свободу предпринимательства' [СЕ-I 2000].

Сугубо идеологизованное противопоставление указанных лексем актуально лишь для определенного хронологического периода развития общества и для идеологии его определенных, довольно узких слоев и не отражает общеязыковой реальности. Патриотизм в этом контексте рассматривается в негативно-оценочном ключе как консервативная, охранительная идеология. С чисто языковой точки зрения понятия *патриотизм* и *либерализм* не являются антонимами, так как охватывают несопоставимые области смыслового пространства, что можно видеть из их словарных толкований.

В целом анализ парадигматической репрезентации концепта подтверждает ряд выявленных на предыдущих этапах анализа когнитивных признаков и дает основание для формулировки новых, ранее не зафиксированных:

(19) спец. 'проявление идеологии и / или психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости (= *национализм*)';

(20) устар. 'соблюдение верности монарху, преданность монархическому строю (= *верноподданность*)';

(21) спец. 'идеология и политика государства, направленная на сохранение национальной самобытности, национальных идеалов и ценностей, традиций и культуры (↔ *национализм, интернационализм*)'.

2.2.3. Синтагматические связи и отношения в языковой объективации концепта ПАТРИОТИЗМ

Обычно стандартная сочетаемость лексем служит реализации их узуальных значений, которые были описаны в предыдущих разделах данной работы.

Поэтому, в соответствии с замыслом исследования, анализ особенностей синтагматической репрезентации подразумевает прежде всего обнаружение смыслового и коннотативно-оценочного потенциала концепта, который раскрывается в сочетаемости слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ, но не отражен, по тем или иным причинам, в их словарных описаниях.

Поэтому на этой стадии анализа будут описаны только особые, репрезентативные контексты употребления слова *патриотизм* и других однокоренных слов, в которых: (1) актуализуются семантические преобразования указанных слов по типовым моделям концептуальной метафоризации; (2) обнаруживается их коннотативно-оценочный потенциал в отношении ценностной неоднозначности («амбивалентности») концепта ПАТРИОТИЗМ.

Синтагматическая реализация моделей концептуальной метафоры в сочетаемости слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ. Особенностью естественно-языкового восприятия абстрактных сущностей является их обязательное конкретно-чувственное представление в «наивной» модели мира этноса, и это выступает как общечеловеческая универсалия. В когнитивной лингвистике указанная тенденция выступает как проявление более общего принципа «телесной воплощенности» (conceptual embodiment) знания о мире в естественном языке [Лакофф 2004]. От этноса к этносу варьируются только конкретные наполнения моделей конкретизации абстракции, которые осуществляются в формах концептуальной метафоры как «объяснение одного опыта в терминах другого опыта» [Лакофф, Джонсон 2004].

Осмысление абстрактных сущностей реализуется в моделях **реификации** (овеществления абстракции) или **одушевления** (понимания неодушевленной сущности как одушевленного объекта). Переосмысление абстрактных сущностей как конкретно-чувственных представлений вообще характерно для народно-мифологического мироощущения, что отражено в фольклорных текстах, в многочисленных пословицах, поговорках и загадках.

В нашем случае специфика концептуальной метафоризации концепта ПАТРИОТИЗМ заключается в том, что языковому освоению подвергается

иноязычный концепт, слова — репрезентанты которого отсутствуют в фольклоре, в том числе в фразеологии и паремиологии. Однако общий принцип конкретно-чувственного представления абстрактного понятия сохраняется и в синтагматической репрезентации указанного концепта. Ниже рассматриваются контексты сочетаемости слова *патриотизм*, по которым можно диагностировать овеществленное или одушевленное представление патриотизма.

В концептуально-метафорических моделях овеществления патриотизм может представать как предмет, вещь, чувственно воспринимаемый объект, имеющий положение в пространстве, форму, вес и пр.

Это проявляется в сочетании слова *патриотизм* с глаголами конкретного физического действия над предметами (глаголы воздействия: перемещения, изменения, уничтожения объекта [Кустова 2000 и 2004]), отглагольными существительными или прилагательными с значением физических параметров предмета (размер, цвет, вкус, форма, температура, масса и пр.): *Российский же патриотизм упал донельзя низко* [ИМ — URL: [https:// books.google.ru/books?id](https://books.google.ru/books?id)].

Патриотизм может метафорически концептуализироваться как товар, имеющий стоимость: *Сколько стоит патриотизм? Сама постановка такого вопроса, смею предположить, способна вызвать у некоторых людей возражения* [ИМ — URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/01/23/>].

Патриотизм переосмысливается как механизм, прибор, который может включаться и выключаться: *Отключается и всё. Патриотизм включается, а мозг — отключается!* [ИМ — URL: <https://echo.msk.ru/blog/nitravkin/>].

В рамках мифопоэтического мышления патриотизм может концептуализироваться как зерно, могущее дать плоды: *Такие плоды даёт патриотизм в крепнущих, находящихся на подъёме народах* [ИМ — URL: <https://atk.tomsk.gov.ru/uploads/ckfinder/382/>].

Еще одна модель концептуально-метафорического овеществления выражается в представлении абстрактной сущности как чувственно-воспринимаемого вещества, субстанции разной консистенции (текучей, сыпучей, мягкой,

твердой и пр.). Это может быть, например, в сочетании лексемы *патриотизм* с глаголами нахождения вещества во вместилище или заполнения вместилища: *Ночь в музее-2019 наполняют патриотизмом, живописью и магией* [ИМ — URL: <http://sevastopol.press/2019/05/15/>].

Возможна концептуальная метафоризация патриотизма как жидкой субстанции: *Прежде чем бурные потоки патриотизма не начнут обильно изливаться на вас из пастей новоявленных геббельсов, я хочу напомнить о неожиданном "добром союзнике СССР" с которым Сталин договорился о дележе восточной Европы 80 лет назад* [ИМ — URL: <https://www.facebook.com/LesnoiFilin/photos/>].

Контекст овеществления патриотизма по модели осмысления как вещества может задаваться сочетанием с квантификаторами — существительными со значениями меры вещества — кусок, порция: *Карточка «Очередная порция патриотизма в электронной версии российской версии National Geographic.» из коллекции «лето» в Яндекс* [ИМ — URL: <https://yandex.by/collections/card/>].

Веществу «патриотизма» по законам мифологического мышления могут быть приписаны магические свойства — например, возможность исцеления: *Лечить верой и патриотизмом! России уже надо готовиться к эпидемии СПИДа, но денег на это нет* [ИМ — URL: <https://www.verstov.info/news/inrussia/52394>].

Согласно концепции [Лакофф, Джонсон 2004], имеется еще одна модель метафорической конкретизации абстракции — это переосмысление абстрактной сущности как чувственно воспринимаемого контейнера (вместилища) или физической среды обитания. Такие метафоры обычно реализуются в сочетании с глаголами помещения, погружения в какое-либо вместилище или нахождения в каком-либо ограниченном пространстве, а также с образованными от них отглагольными существительными:

Праздник День народного единства — отличный повод для работников культуры углубиться в патриотизм, воспеть историю России, ее культуру,

национальное многообразие ... [ИМ — URL: <https://bckd.tmn.muzkult.ru/news/28503466>];

Лично я конечно воспринимаю сам комплекс, как дополнение, создающее атмосферу для полного погружения в патриотизм, который несёт в себе скульптура Родины-матери ... [ИМ — URL: <https://www.tripadvisor.ru/>].

Мы видим, что модели метафорического овеществления абстрактного концепта ПАТРИОТИЗМ устойчивы в русской языковой картине мира и выступают как проявление более общей универсальной тенденции к конкретно-чувственному осмыслению любой абстракции в «наивной» модели действительности [Апресян 1986: 5–7], которая отражена в естественном языке

В концептуально-метафорических моделях одушевления патриотизм может быть представлен как живая, активно и целесообразно действующая сущность, в том числе сверхъестественно характера, которая обладает волшебными свойствами и может вмешиваться в жизнь людей. Так, патриотизм концептуализируется как носитель магии: *Иными словами, черная магия советского патриотизма пала перед обыкновенным желанием граждан что-то захватить на халяву* [ИМ — URL: <http://журнальныймир.рф/content/>].

Также патриотизм может быть переосмыслен как божество: *Божество патриотизма — сила, а не знания. Но вот что интересно. Для объединения патриотов им нужен образ врага* [ИМ — URL: <https://kot-begemott.livejournal.com/2626231.html>].

Значительный потенциал метафорического одушевления абстрактного концепта ПАТРИОТИЗМ свидетельствует о живучести в русской языковой картине мира концептуальных механизмов мифологизации действительности, которые зародились еще в древние времена, на до-логической магической стадии языкового мышления.

В целом анализ синтагматической реализации концепта ПАТРИОТИЗМ дает основание для выделения новых когнитивных признаков концепта им-

плицитной, ассоциативно-смысловой природы, которые, в соответствии с принятой концепцией исследования, попадают в дальнюю периферию полевой организации его концептуального содержания:

- (22) 'мифологизованный конкретно-чувственный объект';
- (23) 'мифологизованное вещество с магическими свойствами';
- (24) 'мифологизованное воображаемое пространство (среда)';
- (25) 'сверхъестественная одушевленная сущность'.

Синтагматическая реализация коннотативно-оценочного потенциала концепта ПАТРИОТИЗМ. Синтагматическая репрезентация концепта ПАТРИОТИЗМ явственно обнаруживает его ценностный потенциал, о котором уже шла речь на ранних стадиях комплексного описания концепта. При этом была выявлена оценочная амбивалентность концептуального содержания патриотизма. Наряду с вполне закономерным положительным восприятием патриотизма, в недрах его концептуального содержания заложены национально-культурные смыслы, реализующие негативную оценочность.

Так, уже на уровне анализа смыслового наполнения концепта по данным энциклопедических и лексикографических источников в разделе 2.1 и по результатам анализа языковой объективации в подразделах 2.2.1 и 2.2.2 настоящего раздела 2.2 — мы обнаружили, что многие когнитивные признаки, помимо чисто номинативного содержания, потенциально выражают оценочность, как позитивную, так и негативную.

Указанный ценностный потенциал реализуется в сочетаемости слов, воплощающих концепт ПАТРИОТИЗМ. Механизмом языковой экспликации ценностного потенциала указанных лексем являются национально-культурные коннотации [Телия 1996]. Ценностный потенциал концепта в нашем материале выражается двумя способами:

- (1) имплицитное выражение ценностей в пределах всего расширенного контекста, когда одна и та же лексема становится выразителем то положительной, то отрицательной оценки в зависимости от принадлежности говорящего к той или иной группе;

(2) эксплицитное выражение ценностей в пределах самой лексемы (урапатриотизм) или минимального контекста (*квасной патриотизм, ложный патриотизм*), когда носителем оценочной окраски (положительной или отрицательной) выступает сама лексема или словосочетание.

I. ИмPLICITное выражение ценностей в свете культурной оппозиции СВОЕ — ЧУЖОЕ. Существительные *патриот* и *патриотизм*, прилагательные *патриотичный* и *патриотический*, а также слова, производные на их базе, помимо своего прямого номинативного значения используются для выражения идеологических и ценностных приоритетов говорящего, моральных и политических взглядов и предпочтений, употребляясь в разных типах дискурса (прежде всего в рекламном, медийном и политическом) в целях речевого воздействия и даже манипуляции.

Такое употребление характерно для слов типа *патриотизм, патриот* и др. в роли «идеологем». Универсальным культурным механизмом выражения такого типа ценностных реакций является древнейшая оппозиция СВОЕ — ЧУЖОЕ. Например, «мы», «наши» — всегда по умолчанию носители «правильного» патриотизма, а «они», «не наши» — в любом случае носители патриотизма «неправильного».

В функционировании в качестве идеологемы слова *патриот, патриотизм* и др. в контексте употребления местоимений I лица мн. ч. (*мы, наши*) актуализируют разного рода положительные субъективно-оценочные и эмоционально-экспрессивные смыслы, имплицитно заложенные в них за счет включения позиции адресата как бы «по умолчанию» в некий круг ценностей, которые тот облигаторно должен разделять вместе с говорящим. В Национальном корпусе русского языка зафиксировано множество подобных употреблений:

Но не только этим должны гордиться мы, патриоты своей Родины, вспоминая славное прошлое Казанской школы [НКРЯ — Б. Арбузов. Казанская школа // «Химия и жизнь», 1967];

*И хотя со временем отношение к этому все у нас поменялось, всё равно **мы** — патриоты, патриоты нашего города, нашей России* [НКРЯ — Галина Кокрякова. Уметь прощать // Известия, 2014.02.02];

*Нужен определенный пункт в Конституции, там должна быть заложена хотя бы базовая модель, потому что все **мы патриоты** своей страны* [НКРЯ — Алена Сивкова. Молодые «эсеры» предлагают дополнить Конституцию патриотизмом // Известия, 2013.11.08];

*Мы хотим быть лучше, мы живем в России и **мы** — патриоты* [НКРЯ — Виктория Иванова. Юрий Башмет: «Власть — тоже не черт рогатый» // Известия, 2013.09.24].

В подобных употреблениях эксплицируется позитивно-оценочная составляющая таких когнитивных признаков концепта ПАТРИОТИЗМ, как 'любовь к Родине как к месту рождения'; 'привязанность / преданность к месту своего рождения, месту жительства'; 'идентификация себя с другими членами своего народа'; 'особое эмоционально значимое ощущение своей принадлежности к родному государству, гордость своим гражданством, языком, традициями и пр.'

Идеологически маркированное употребление лексем *патриот* и *патриотизм* часто выступает и в демагогических целях (особенно в политическом, медийном или рекламном типах дискурса), когда говорящий неправоммерно берет на себя ответственность выступать от лица целого народа, всей страны на том основании, что только люди его круга (партии, движения, вообще любой интруппы) являются подлинными патриотами и подлинными носителями соответствующих ценностей. В таких случаях в зоне адресата навязывается ложная импликатура, что все те, кто не входит в нашу группу, по умолчанию не являются подлинными патриотами:

*И на лицах Лакишина-Хитрова-Кондратовича каменное, единое: нет, мы вам больше не товарищи! **Мы** — патриоты и коммунисты* [НКРЯ — О, как трудно не уступить друзьям! [НКРЯ — А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом (1967-1974)];

«Не будет большим преувеличением сказать, что наскоки на православие сегодня уже мало чем отличаются от нападков на нас, патриотов, на всех, кому дороги и близки Россия, ее верования, традиции, обычаи», — заключает Зюганов [НКРЯ — «Известия». Зюганов: «КПРФ всегда защищала интересы верующих» // Известия, 2012.07.20];

Кроме нас, патриотов, людям больше не на кого надеяться... [НКРЯ — Василий УСТЮЖАНИН. Зюганов запретил продавать делегатам водку. В ответ они два дня крыли власть // Комсомольская правда, 2000.12.05].

Иногда в контекстах «идологемного» употребления этих лексем может возникать оценочная реакция на круг «своих ценностей» сложной, двойственной, внутренне противоречивой природы, включающую ироническое остранение, снижение оценочного регистра и своего рода «отстройку» (по тем или иным причинам) от тех, кто разделяет наши ценности: *Ах, скажите на милость, какие мы патриоты!.. [НКРЯ — А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006)].*

В таких случаях актуализируется уже негативно-оценочный признак концепта ПАТРИОТИЗМ — (негат.-оценочн.) ‘безудержное и беспричинное восхваление всего родного, исконного, своего, антиномичное истинному патриотизму, с точки зрения говорящего’.

Подобные иронически-сниженные концепты вполне соответствуют такой национально-обусловленной ключевой речеповеденческой установке русской языковой картины мира, как негативная реакция на ложную претензию — т.е. на «пошлость» [Зализняк и др. 2005]. Особенно ярко этот тип негативной оценочности проявляется в контекстах совместной встречаемости лексемы патриотизм и лично-притяжательного местоимения наши:

Наши патриоты-антикоммунисты или не желают, или неспособны понять этого [НКРЯ — Дмитрий Ильин. Что нам делать с марксизмом? (2003) // «Наш современник», 2003.07.15];

Чуть ли не все наши патриоты воспроизводят, пусть в более мягкой форме, “синдром Солженицына” [НКРЯ — С.Г. Кара-Мурза. Антисоветский проект (2002)];

*Чем Урал хуже Японии?.. Пусть мне это объяснят **наши патриоты!**..
Вот каким изворотливым может быть сознание уязвленного артиста [НКРЯ
— Владимир Рецепттер. Ностальгия по Японии (2000)];*

*Он один из главных авторов и энтузиастов проекта поворота сибирских рек, за что **наши патриоты** готовы разорвать его на куски [НКРЯ — Владимир Войнович. Замысел (1999)];*

***Наши патриоты** могут играть на чувствах ущемления, говоря: "нас обижают", и на этой жалости и взывании к справедливости покупают свой электорат [НКРЯ — Отношение россиян к Михаилу Касьянову ухудшилось // Известия, 2005.12.23].*

Такая острабяющая ценностная позиция в письменной речи может маркироваться так называемыми «ироническими кавычками»:

***Наши «патриоты»** не оригинальны. Более того, их теории, вообще говоря, даже заимствованы на Западе [НКРЯ — Маргелов Михаил, председатель Комитета по международным делам Совета Федерации. МОЖНО ЛИ ЗАХЛОПНУТЬ ОКНО В ЕВРОПУ? // Труд-7, 2005.07.06];*

*Но чего я никогда не мог принять у иных из **наших «патриотов»** — и, может быть, как раз из-за своего отца и своего личного внутреннего опыта, — так это попыток скрестить русскую идею с коммунизмом и оправдать советский строй [НКРЯ — Неверов Александр, член жюри конкурса. ДУША — МАТЕРИАЛ ХРУПКИЙ // Труд-7, 2006.03.31].*

Рассмотренные явления синтагматической ценностной репрезентации концепта ПАТРИОТИЗМ как идеологемы служат для маркирования идеи «своего» как антитезы «чужому», враждебному.

Двойственность ценностной позиции отчетливо видится в примерах, когда лексема *патриот* употребляется по отношению к выражению чужих ценностей в контекстах совместной встречаемости с местоимением *вы*. Так, отстройку от чужого мира, чужих ценностей видим в примере: *Патриоты, вы все милые такие и доверчивые. Я вот как сейчас помню, рассказывали в школе о происках империалистов и подлом Сахарове* [НКРЯ — Обсуждение статьи

«Чеченских студентов признали террористической группировкой» (форум)« (2007)].

Следующий пример демонстрирует, напротив, исключение оппонента из мира своих ценностей, своего круга: ***Вы не патриоты, вы троглодиты, не умеющие и не желающие просчитывать свою жизнь на шаг вперед*** [ИМ — URL: <https://snob.ru/selected/entry/79770>].

Идея «объединения» «своего» мира и мира оппонента отражена, например, в употреблении обобщенно-личного «вы»: *А если хотите реализоваться в жизни, то учите английский и уматывайте работать в США. Там вас оценят по достоинству. А если **вы патриоты**, у вас будут большие проблемы. А если ещё политикой займётесь, то будете сидеть...* [НКРЯ — Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! (2003)].

Аналогичным образом ведут себя контексты совместной встречаемости с местоимением «ваши». Отстройку от мира чужих ценностей видим в примере: *Истинный патриот не кричит об этом, а тихо делает то, что улучшает жизнь хоть и ... Пока вы, с пеной у рта "воюете с Россией" в фейсбуках и твиттерах — **ваши "патриоты"** спокойно в этой самой России зарабатывают* [ИМ — URL: <https://pikabu.ru/tag/Патриоты/hot>].

Исключение оппонента из мира своих ценностей, своего круга видим в примере: *К черту **ваш патриотизм**, наш выбор — феминизм* [ИМ — URL: <https://pauluskr.livejournal.com/1140625.html>].

Проанализированные случаи выражают такие негативно-оценочные смыслы, как 'ложный, неискренний патриотизм', 'внешний, показной патриотизм, псевдо-патриотизм', с точки зрения говорящего.

По аналогии с употреблениями «вы», имеются и примеры, в которых отражена идея «объединения» «своего» мира и мира оппонента: *Пусть **ваш патриотизм** и любовь к нашей общей Родине будут здоровыми и осознанными!* [ИМ — URL: <https://pikabu.ru/story/>].

Данные контексты актуализуют такой когнитивный признак концепта «патриотизм», как 'особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям.

В целом проанализированный материал еще раз показал, что русский культурно-значимый концепт ПАТРИОТИЗМ восходит, по сути, к древнейшей архетипической культурной и ценностной оппозиции «свое — чужое»: контексты совместной встречаемости слов — репрезентантов этого концепта с местоимениями I и II лица, актуализуют ценностную антиномию «своего» и «чужого» мира в сознании говорящих, выражая такие когнитивные признаки концепта, как 'идентификация себя с другими членами своего народа' и 'особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям'.

Таким образом, выявленные возможности личных и притяжательных местоимений I и II лица в особых типах нереферентного употребления выражать культурно-значимые смыслы по праву должны включаться в лингвокогнитивное описание концепта «патриотизм».

II. Эксплицитное выражение ценностей. Как было сказано выше, проявляется в самой семантике лексем или в словосочетании. Нас будет прежде всего интересовать развитие негативно-оценочного потенциала для концепта ПАТРИОТИЗМ. Реализация отрицательной оценочной семантики осуществляется в специфических моделях сочетаемости слов — репрезентантов концепта и формируется на базе трех смысловых пластов: (1) отрицательная оценочная реакция носителей языка на проявление враждебного чувства к Родине; (2) отрицательная оценочная реакция носителей языка на выражение показного, неискреннего (т.е. фальшивого) чувства любви к Родине; (3) отрицательная оценочная реакция носителей языка на чрезмерное, аффектированное выражение чувства любви к Родине.

I. Отрицательная оценочная реакция носителей языка на проявление враждебного чувства к Родине. Представлена в функционировании лексемы *антипатриотизм*:

*Из антигосударственности у антисоветской интеллигенции вылутился самый вульгарный и пошлый **антипатриотизм** [НКРЯ — С. Г. Кара-Мурза. Антисоветский проект (2002)];*

*Поэтому он отвечал не за **антипатриотизм** или саботаж, а за недисциплинированность или, как говорили в аппарате Берии, за хулиганство [НКРЯ — А.Д. Сахаров. Воспоминания (1983-1989)];*

*Обратите внимание: пока речь не идет о навязывании патриотизма. Наоборот, нам навязывают **антипатриотизм**. Вообще, я глубоко убежден, что любовь к Родине настолько сильное и глубинное чувство, что оно и само восстановится, только не надо мешать людям быть патриотами [НКРЯ — Неверов Александр. ЮРИЙ ПОЛЯКОВ: НЕ НАВЯЗЫВАЙТЕ АНТИПАТРИОТИЗМ // Труд-7, 2005.07.27].*

II. Отрицательная оценочная реакция носителей языка на выражение показного, неискреннего (т.е. фальшивого) чувства любви к Родине. Представлена во фразеологизме *квасной патриотизм* и в свободном сочетании *ложный патриотизм*.

Фразеологизмом *квасной патриотизм*, уже рассмотренный ранее, в разделе 2.2, выражает иронично-сниженное отношение к ситуации безудержного и безусловного восхваления всего родного, русского, исконного (отсюда аллюзия на квас — символическое обозначение традиционно русского напитка), не допускающего сомнений и критицизма: *На поверхность выходили показная демонстрация преданности Отечеству, квасной патриотизм, ложная, хвастливая оценка всех дел в стране* [НКРЯ — Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)].

Обобщенным выражением отрицательной оценки такого же типа, просто стилистически более нейтральным, является свободное словосочетание *ложный патриотизм*, которая также выступает как концептуальный синоним к лексеме *патриотизм* и — одновременно — как концептуальный антоним (противопоставление по признаку подлинность — ложность, мнимость): *Из всех щелей вылезли клопы и собрались под знамя ложного патриотизма,*

ложного монархизма, ложногонационализма, а на самом деле — под знамя подхалимства, наживы и хулиганства... [НКРЯ — С. М. Волконский. Мои воспоминания. Том 2 (1923-1924)].

III. Отрицательная оценочная реакция носителей языка на чрезмерное, аффектированное выражение чувства любви к Родине. Представлена в лексемах *ура-патриотизм / ура-патриот* и *ультрапатриотизм / ультрапатриот*. Данные лексемы уже рассматривались в подразделе 2.3.1 и 2.3.3 данного раздела, при анализе особенностей деривационной и парадигматической объективации концепта.

Ура-патриотизм обозначает неприятие излишне сильного выражения любви к Родине, аффектации ее внешних проявлений, как бы на публику. В русской культуре это чувство в норме принято выражать в мягком, приглушенном, интимном модусе, что точно формулирует известная фраза Л.Н. Толстого о «скрытой теплоте патриотизма»:

Ура-патриотизм, конечно, сплачивает нацию, но смерть молодых соотечественников вдали от родины нужно как-то оправдывать [НКРЯ — Олег ШЕВЦОВ, Максим ЧИЖИКОВ, Евгений УМЕРЕНКОВ, Андрей КАБАННИКОВ. Буш разворошил иракский «муравейник» // Комсомольская правда, 2004.03.22];

У Васи — отсутствует критическое мышление. Он — «ура-патриот», который истово любит всё, что преподносит ему официальная пресса. Вася — радостен и глуп [ИМ — URL: <https://zavtra.ru/blogs/>].

В более нейтральной форме эту же негативно-оценочную установку выражают лексемы *ультрапатриотизм / ультрапатриот*:

Я никак не националист, русский «ультрапатриотизм» отвратителен, от эмиграции — первой, второй, третьей, какой угодно, — меня часто мутит [НКРЯ — А.Д. Шмеман. Дневники (1973-1983)];

Ну почему — как православный ультрапатриот, так невежественный и безграмотный? [ИМ — URL: <https://pascendi.livejournal.com/1558859.html>].

Выявленное культурно значимое ценностное содержание данного концепта показывает неоднозначность рецепции концепта ПАТРИОТИЗМ в современном языковом сознании: носители русского языка не принимают ложный и показной, а также чрезмерно аффектированный характер патриотического чувства. Но при этом однозначно негативно оцениваются и его противоположности — разнообразные проявления враждебных чувств к Родине (*антипатриотизм*). Иными словами, может быть, патриотизм — это не всегда хорошо, но антипатриотизм — это всегда плохо.

В целом поведенный анализ не выявил новых когнитивных признаков, но существенно прояснил коннотативно-оценочную область концептуального содержания патриотизма. Так, положительно-оценочный потенциал заложен в таких когнитивных признаках, как (1) — (13), (16) — (17) и (20) — (21). В свою очередь негативно-оценочный потенциал выражают такие признаки, как (14) ‘безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой’ (со словом *квасной*); (18) ‘чрезмерное и показное, аффектированное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой (= *ура-патриотизм*)’; (19) ‘проявление идеологии и / или психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости (= *национализм*)’. Таким образом, на 17 потенциально позитивно-оценочных признака приходится 3 когнитивных признака потенциально негативно-оценочных.

2.2.4. Совокупное концептуальное содержание, смысловой объем и семантическая структура концепта ПАТРИОТИЗМ в русской языковой картине мира

По итогам проведенного в настоящем разделе 2.2 анализа особенностей языковой объективации концепта ПАТРИОТИЗМ мы можем сформировать его дополненное концептуальное содержание. Совокупное смысловое наполнение концепта ПАТРИОТИЗМ теперь выглядит следующим образом:

- (1) 'любовь к Родине как к месту рождения';
- (2) 'любовь к стране, которая приняла человека и которая признана им самим в качестве родной в соответствии с его внутренним чувством принадлежности';
- (3) 'преданность своему отечеству, своему народу';
- (4) 'ответственность перед своей родиной и своим народом';
- (5) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства';
- (6) 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины';
- (7) 'гордость культурой, достижениями своей родины';
- (8) 'желание сохранять национальный характер, национально-культурные особенности';
- (9) 'идентификация себя с соотечественниками, с другими членами своего народа';
- (10) 'стремление стоять на защите интересов своего отечества, своего народа';
- (11) 'политический и нравственный принцип, содержанием которого выступает любовь к отечеству и готовность к самопожертвованию ради родины';
- (12) 'особое эмоционально-насыщенное переживание чувства принадлежности к родной стране, к родному языку, к национальным традициям, к своему гражданству';
- (13) *разг.* 'преданность ч.-л., горячая любовь к ч.-л.' (обобщенно-расширительное);

(14) 'безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой' (со словом *квасной*);

(15) 'обостренное чувство тоски по утраченной родине, по родным местам';

(16) 'носитель чувства любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во имя интересов своей родины';

(17) 'свойство / качество любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во имя интересов своей родины';

(18) 'чрезмерное и показное, аффектированное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой (= *ура-патриотизм*)';

(19) *спец.* 'проявление идеологии и / или психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости (= *национализм*)';

(20) *устар.* 'соблюдение верности монарху, преданность монархическому строю (= *верноподданность*)';

(21) *спец.* 'идеология и политика государства, направленная на сохранение национальной самобытности, национальных идеалов и ценностей, традиций и культуры (↔ *национализм, интернационализм*)';

(22) 'мифологизованный конкретно-чувственный объект';

(23) 'мифологизованное вещество с магическими свойствами';

(24) 'мифологизованное воображаемое пространство (среда)';

(25) 'сверхъестественная одушевленная сущность'.

К 15 когнитивным признакам, выявленным в предыдущем разделе 2.1, добавилось 10 новых когнитивных признаков: в списке, приводимом выше, это когнитивные признаки (16) — (25). Таким образом, расширенный **смысловой объем** концепта составил 25 когнитивных признаков.

Затем, по замыслу исследования, нужно смоделировать **семантическую структуру** концепта ПАТРИОТИЗМ — определить иерархические связи и отношения между когнитивными признаками (КП), т.е. установить направление семантической производности [Кустова 2000 и 2004].

В качестве ядерного, семантически исходного КП естественным образом выбирается КП (1) 'любовь к Родине как к месту рождения'. КП (2) 'любовь к стране, которая приняла человека и которая признана им самим в качестве родной' и КП (3) 'преданность своему отечеству, своему народу' в таком случае выступают как метафорически производные первой степени производности, а КП (5) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства' является метонимическим сужением исходного КП (1).

КП (4) 'ответственность перед своей родиной и своим народом'; (6) 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины'; (7) 'гордость культурой, достижениями своей родины'; (8) 'желание сохранять национальный характер, национально-культурные особенности'; (9) 'идентификация себя с соотечественниками'; (10) 'стремление стоять на защите интересов своего отечества, своего народа'; (11) 'политический и нравственный принцип, содержанием которого выступает любовь к отечеству и готовность к самопожертвованию ради родины' и КП (12) 'особое эмоционально-насыщенное переживание чувства принадлежности к родной стране, к родному языку, к национальным традициям, к своему гражданству', на наш взгляд, являются развитием КП (3) 'преданность своему отечеству, своему народу' и, соответственно, являются уже производными второй степени производности. КП (13) *разг.* 'преданность ч.-л., горячая любовь к ч.-л.' — выступает как метонимическое расширение того же КП (3).

КП (14) 'безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму' и КП (18) 'чрезмерное и показное, аффектированное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении

подлинному патриотизму' метонимически возводятся к КП (7) 'гордость культурой, достижениями своей родины' и тем саамы выступают как производные третьей степени производности.

КП (15) 'обостренное чувство тоски по утраченной родине, по родным местам' метафорически восходит непосредственно к исходному КП (1). Метонимически производными на базе этого же КП (1) являются КП (16) 'носитель чувства любви к родине' и КП (17) 'свойство / качество любви к родине'. Указанные КП выступают как производные первой степени производности.

КП (20) *устар.* 'соблюдение верности монарху, преданность монархическому строю' метафорически восходит к КП (3) 'преданность своему отечеству, своему народу' и, соответственно, является производным второй степени производности. «Идеологические» КП (19) *спец.* 'проявление идеологии и / или психологии национального превосходства' и (21) *спец.* 'идеология и политика государства, направленная на сохранение национальной самобытности' метафорически производны третьей степени от (11) 'политический и нравственный принцип, содержанием которого выступает любовь к отечеству и готовность к самопожертвованию ради родины'.

И, наконец, концептуально-метафорические КП (22) 'конкретно-чувственный объект'; (23) 'вещество с магическими свойствами'; (24) 'воображаемое пространство (среда)' и (25) 'сверхъестественная одушевленная сущность' непосредственно восходят к исходному КП (1).

Для удобства восприятия представим семантическую структуру концепта ПАТРИОТИЗМ графически (см. **Схему 2.2**).

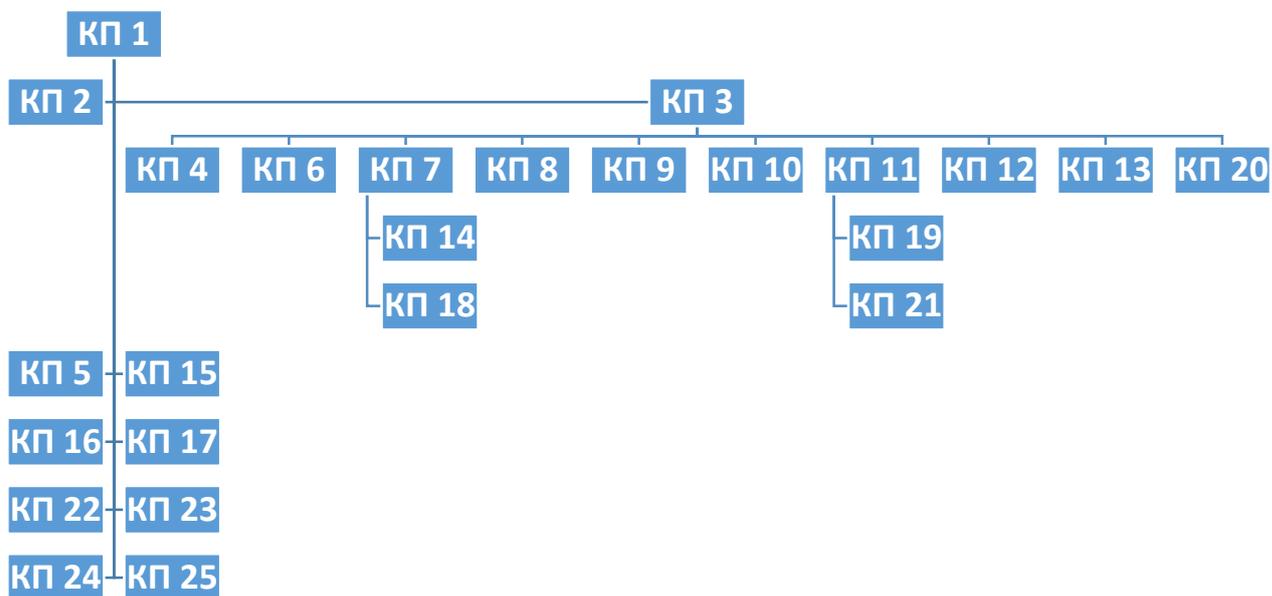

Схема 2.2.

Совокупная семантическая структура концепта ПАТРИОТИЗМ

Наиболее полное представление семантической структуры концепта предполагает построение модели концептуального поля. Полевая организация концепта, в концепции З.Д. Поповой и И.А. Стернина, включает ядро, базовый слой и интерпретационное поле (оно, в свою очередь, членится на ближнюю и дальнюю периферию). Отметим, что принятие решения о внесении того или иного когнитивного признака в ту или иную область концептуального поля имеет определенную долю субъективности, условности: мы допускаем, что некоторые решения могли бы быть иными, если принять альтернативную логику рассмотрения.

В ядро концепта ПАТРИОТИЗМ входят КП (1) 'любовь к Родине как к месту рождения', (3) 'преданность своему отечеству, своему народу' и (5) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства', потому что они представляют собой три семантических компонента исходного первого словарного значения слова *патриотизм*.

Базовый слой представляют КП (4) 'ответственность перед своей родной и своим народом', (6) 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины', (7) 'гордость культурой, достижениями своей родины', (8) 'желание сохранять национальный характер, национально-культурные особенности', (9) 'идентификация себя с соотечественниками, с другими членами своего народа', (10) 'стремление стоять на защите интересов своего отечества, своего народа', (11) 'политический и нравственный принцип, содержанием которого выступает любовь к отечеству и готовность к самопожертвованию ради родины' и (12) 'особое эмоционально-насыщенное переживание чувства принадлежности к родной стране, к родному языку, к национальным традициям, к своему гражданству', поскольку они воплощают в себе конкретизацию первого, исходного значения, представленного в КП (1), (3) и (5).

Ближнюю периферию поля составит:

- оппозитивный КП (15) 'обостренное чувство тоски по утраченной родине, по родным местам';

- метонимические КП (16) 'носитель чувства любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во имя интересов своей родины' и (17) 'свойство / качество любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во имя интересов своей родины';

- два негативно-оценочных КП (14) 'безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой' и (18) 'чрезмерное и показное, аффектированное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой'.

Наконец, к дальней периферии поля отнесем:

- КП (2) 'любовь к стране, которая приняла человека и которая признана им самим в качестве родной в соответствии с его внутренним чувством принадлежности' (потому что это не совсем то, что любовь к родной земле);

- КП (13) *разг.* 'преданность ч.-л., горячая любовь к ч.-л.' (потому что этот КП вообще не имеет отношения к Родине);

- «идеологические» КП (19) *спец.* 'проявление идеологии и / или психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости' и (21) *спец.* 'идеология и политика государства, направленная на сохранение национальной самобытности, национальных идеалов и ценностей, традиций и культуры', в силу их ситуативной зависимости и смысловой нестабильности;

- устаревший КП (20) 'соблюдение верности монарху, преданность монархическому строю';

- ассоциативно-смысловые КП как результат концептуальной метафоризации: (22) 'мифологизованный конкретно-чувственный объект'; (23) 'мифологизованное вещество с магическими свойствами'; (24) 'мифологизованное воображаемое пространство (среда)'; (25) 'сверхъестественная одушевленная сущность'.

Полевая организация концепта ПАТРИОТИЗМ для удобства восприятия также представлена графически (см. **Схему 2.3**).

Дальняя периферия

Ближняя периферия

Базовый слой

Ядро

КП 'любовь к Родине как к месту рождения'
КП 'преданность своему отечеству, своему народу'
КП 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства'

КП 'ответственность перед своей родиной и своим народом'
КП 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины'
КП 'гордость культурой, достижениями своей родины'
КП 'желание сохранять национальный характер, национально-культурные особенности'
КП 'идентификация себя с соотечественниками, с другими членами своего народа'
КП 'стремление стоять на защите интересов своего отечества, своего народа'
КП 'политический и нравственный принцип, содержанием которого выступает любовь к отечеству'
КП 'особое эмоционально-насыщенное переживание чувства принадлежности к родной стране'

КП 'обостренное чувство тоски по утраченной родине, по родным местам'
КП 'носитель чувства любви к родине'
КП 'свойство / качество любви к родине'
КП 'безусловное восхваление всего, что своё, «наше», с отрицательной оценкой'
КП 'чрезмерное и показное, аффектированное восхваление всего, что своё, «наше», с отрицательной оценкой'.

КП 'любовь к стране, которая приняла человека и которая признана им самим в качестве родной'
КП 'преданность ч.-л., горячая любовь к ч.-л'
КП 'проявление идеологии и / или психологии национального превосходства'
КП 'идеология и политика государства, направленная на сохранение национальной самобытности'
КП 'соблюдение верности монарху, преданность монархическому строю'
КП 'мифологизованный конкретно-чувственный объект'
КП 'мифологизованное вещество с магическими свойствами'
КП 'мифологизованное воображаемое пространство (среда)'
КП 'сверхъестественная одушевленная сущность'

Схема 2.3.

Полевая организация концепта ПАТРИОТИЗМ

Выводы по главе II

В главе реализовано комплексное лингвокультурологическое описание когнитивных признаков, смыслового объема и семантической структуры концепта ПАТРИОТИЗМ на лингвокогнитивной основе. Были последовательно охарактеризованы особенности его экстралингвистического содержания, смыслового наполнения в лексико-семантической системе языка и в русском фразеологическом и паремиологическом фонде, а также особенности его языковой объективации.

Первый этап описания концепта заключался в исследовании содержания понятийной категории «патриотизм» в пространстве мировой и отечественной культуры. Было обнаружено 9 смысловых составляющих ее содержания, получивших статус когнитивных признаков: 'любовь к Родине как к месту рождения'; 'любовь к стране, принявшей человека и признаваемой им самим в качестве таковой согласно своему внутреннему чувству принадлежности'; 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства'; 'гордость достижениями и культурой своей родины'; 'желание сохранять её характер и культурные особенности'; 'идентификация себя с другими членами своего народа'; 'стремление защищать интересы родины и своего народа'; 'нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к родине и готовность пожертвовать своими интересами ради неё'; 'особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям'.

Полученные данные были дополнены исследованием семантического наполнения концепта по данным русских толковых словарей и словарей иностранных слов. Было выявлено еще 5 когнитивных признаков: 'преданность своему отечеству, своему народу'; 'ответственность перед своей родиной и своим народом'; 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины'; *разг.* 'преданность ч.-л., горячая любовь к ч.-л.' (обобщенно-

расширительное); 'безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой'. Объем концептуального содержания на этой стадии анализа составил 14 когнитивных признака.

На завершающей стадии этого этапа были исследованы материалы русской фразеологии и паремиологии. В результате были подтверждены и уточнены выявленные ранее когнитивные признака и обнаружен связанный с понятием ностальгии новый когнитивный признак (15) 'обостренное чувство тоски по утраченной родине, по родным местам'.

Второй этап анализа смыслового наполнения концепта ПАТРИОТИЗМ, в соответствии с принятой концепцией исследования, предполагал рассмотрение особенностей его языковой объективации, которая заключается в интерпретации специфики языкового воплощения словообразовательных, парадигматических и синтагматических связей и отношений слов — репрезентантов концепта.

Анализ словообразовательной репрезентации концепта (слов, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной *патриот*) выявил три новых когнитивных признака: (16) 'носитель чувства любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во имя интересов своей родины'; (17) 'свойство / качество любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во имя интересов своей родины'; (18) 'чрезмерное и показное, аффектированное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой (= *ура-патриотизм*)'.

В результате анализа парадигматической репрезентации концепта (языковой и контекстуальной синонимии и антонимии) обнаружено еще три когнитивных признака: (19) *спец.* 'проявление идеологии и / или психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости (= *национализм*)'; (20) *устар.* 'соблюдение верности монарху, преданность монархическому строю (= *верноподданность*)'; (21) *спец.*

‘идеология и политика государства, направленная на сохранение национальной самобытности, национальных идеалов и ценностей, традиций и культуры(↔ *национализм, интернационализм*)’.

Анализ синтагматической репрезентации концепта — исследование моделей концептуальной метафоризации в сочетаемости слова *патриотизм* позволил обнаружить добавочные четыре когнитивных признака ассоциативно-смыслового характера: (22) ‘мифологизованный конкретно-чувственный объект’; (23) ‘мифологизованное вещество с магическими свойствами’; (24) ‘мифологизованное воображаемое пространство (среда)’; (25) ‘сверхъестественная одушевленная сущность’. Также были исследованы репрезентативные контексты реализации ценностного потенциала концепта. Показано, что концепт ПАТРИОТИЗМ характеризуется ценностной двойственностью, с количественным преобладанием позитивно-оценочных когнитивных признаков над негативно-оценочными (17 против 3).

По результатам первого и второго этапов комплексного описания концепта ПАТРИОТИЗМ обнаружено, что его совокупный смысловой объем включает в себя 25 когнитивных признаков. Полученные данные позволили сформировать и представить в виде схем семантическую структуру концепта ПАТРИОТИЗМ и модель его концептуального поля.

На завершающем, третьем этапе описания концепта ПАТРИОТИЗМ предполагается исследование речевой реализации слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ в речевой практике носителей языка и рефлексов отражения данных слов в русском языковом сознании. Это осуществляется в следующей, третьей главе диссертации.

ГЛАВА III. Концепт ПАТРИОТИЗМ в речевой практике носителей современного русского языка и в современном русском языковом сознании

В главе освещается дискурсивное варьирование слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи с целью верификации выявленной ранее совокупности когнитивных признаков и рассматриваются новые явления в его языковой экспликации в национальной речевой практике новейшего периода (раздел 3.1). Затем концептуальное содержание концепта уточняется и верифицируется посредством проведения психолингвистического ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента (раздел 3.2).

3.1. Дискурсивная актуализация концепта ПАТРИОТИЗМ в современной русской речи

3.1.1. Когнитивные признаки концепта ПАТРИОТИЗМ по данным Национального корпуса русского языка и интернет-мониторинга

При моделировании концептуального содержания концепта, согласно современным принципам комплексного лингвокогнитивного описания концепта, необходимо учитывать особенности речевой реализации слов — репрезентантов концепта в русскоязычных текстах.

Текстовый материал для анализа предоставляет исследователю Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Выбор этого массива текстов обоснован тем, что на настоящий момент он является наиболее полным и репрезентативным источником русского языкового материала в рамках значительного

хронологического периода и в плане богатой и разнообразной жанровой и стилистической принадлежности включенных в его состав текстов. На сегодняшний день основной подкорпус включает в себя около 3, 5 млн. употреблений, а наиболее интересный нам в целях нашего исследования газетный подкорпус НКРЯ — более 3 млн. [Плунгян 2005; Рахилина 2009; Шмелев 2010]. Национальный корпус русского языка уже достаточно давно и плодотворно используется в практике комплексного описания концептов на лингвокогнитивной основе, особенно в работах ученых Нижегородской школы анализа концептов [Жуковская 2015; Сайгин 2015; Наговицына 2018 и 2019].

Не все новые явления языка, особенно неязыкового характера, попадают в Национальный корпус русского языка. Это обусловило необходимость дополнить корпусные данные результатами нашего собственного поиска в среде русскоязычного интернета. Таким образом, еще одним источником языковых фактов для анализа стал свод примеров словоупотреблений, полученных нами по данным нашего собственного интернет-мониторинга (ИМ). В целом методом сплошной выборки было получено более 700 примеров из Национального корпуса русского языка и более 200 примеров из русскоязычного сегмента сети интернет.

Ниже приводятся наиболее репрезентативные примеры, подтверждающие реальность выявленных нами ранее 25 когнитивных признаков концепта ПАТРИОТИЗМ в речевой практике носителей современного русского языка.

(1) 'Любовь к Родине как к месту рождения':

— В России *патриотизм*, любовь к Родине — это какая-то объединяющая культурная ценность? [НКРЯ — Борис Любимов. Три главные темы в жизни — Церковь, литература и театр (2015)];

Патриотизм — это любовь к Родине, присущая нормальному человеку от природы [НКРЯ — Петров, Борис Старцев. «Не расплескать патриотизм» // «Родина», 2008].

(2) 'Любовь к стране, которая приняла человека и которая признана им самим в качестве родной в соответствии с его внутренним чувством принадлежности':

*И Грейс отказывается от фильма Хичкока, чтобы сыграть самую важную роль своей жизни: преданной жены и **патриотки** новой родины* [НКРЯ — Лариса Юсипова. В Канне обсуждают конфликт в Монако и «Битву за Севастополь» // Известия, 2014.05.15];

*Я **патриот** Самары, которую считаю своей второй музыкальной родиной* [ИМ — URL: <https://parkgagarina.info/index.php/kultura/30826>].

(3) 'Преданность своему отечеству, своему народу':

*Советские писатели в годы Великой Отечественной войны показали высокие примеры **патриотизма**, преданности Родине, отваги, бесстрашия, борясь с фашизмом, не щадя жизни* [НКРЯ — неизвестный. С партией, с народом! // «Комсомольская правда», 1971.06.30];

*Не надо путать: **патриотизм** — как преданность Родине по зову сердца, и как «любовь к партии» по долгу службы* [НКРЯ — Виктор Старков. Дневник (1963-1964)].

(4) 'Ответственность перед своей родиной и своим народом':

*В таких делах не деньги решают все, а чувство **патриотизма**, ответственности за страну* [НКРЯ — Анонс материалов еженедельника «Советский спорт Футбол» (3 – 9 октября 2006 года) // Советский спорт, 2006.10.03]

*Для этого надо иметь чувство **патриотизма** и ответственности за свое Отечество* [НКРЯ — Защилят ли Россию солдаты из СНГ? // Комсомольская правда, 2003.10.21];

*Нам не хватает только исконно русского **патриотизма**, сознания ответственности перед Россией и своим будущим...* [НКРЯ — А. И. Алдан-Семенов. Красные и белые (1966-1973)].

(5) 'Привязанность к месту своего рождения, месту жительства':

*Свои знания Александр Владимирович передает ребятам, воспитывает у них **патриотизм**, любовь к малой родине, к родному краю [НКРЯ — Людмила Беляничева. Школа в колонии // «Весть» (Калуга), 2002.03.13];*

*Такого трудового энтузиазма, отношения жителей Норильска к своему городу, **патриотизма** нигде не встречал! [НКРЯ — Владимир Губарев, Гелий Жеребцов. Академик Гелий Жеребцов: кто несет «сибирский крест»? // «Наука и жизнь», 2008].*

(6) ‘Готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины’:

*И считаю поколение, поставившее на колени фашистскую Германию и милитаристскую Японию, железным поколением, которое является эталонным **патриотизма** и самопожертвования во имя Отечества [НКРЯ — Виктор БАРАНЕЦ, военный обозреватель "КП. Легенды возвращаются в строй // Комсомольская правда, 2013.01.04];*

Неразрывность связи Сусанина с народом, единство его героического самопожертвования с народным патриотизмом Глинка выражает общностью музыки, характеризующей и Сусанина, и народ. [НКРЯ — В. Ванслоз. М. И. Глинка и его опера «Иван Сусанин» (1985)].

(7) ‘Гордость культурой, достижениями своей родины’:

*По моим наблюдениям, на первом месте стоят прежде всего — **патриотизм**, любовь к своей стране, к своей истории и культуре [НКРЯ — Александр Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999)];*

*Такие понятия, как **патриотизм**, любовь к Родине, гордость нашими успехами, ему просто неведомы [НКРЯ — Виктор Некрасов. Саперлипопет (1983)].*

(8) ‘Желание сохранять национальный характер, национально-культурные особенности’:

*При этом они — безусловные российские **патриоты**, верующие православные — хранят память о своих предках и их рассказы об императорской*

России, в которой продолжают видеть органичный для нашей страны идеал [НКРЯ — Вячеслав Никонов, президент фонда «Политика». Время собирать людей // Известия, 2010.07.29];

***Патриотизм**— черта национального характера русских. Причем это не просто любовь к своей Родине, родной земле, но еще и гордость за свершения национального масштаба, болезненные переживания за ошибки, которые допускаются или были допущены в недавней истории* [НКРЯ — Чернуха Марина. ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ ПЕПЕЛИЦУ // Труд-7, 2002.02.19].

(9) ‘Идентификация себя с соотечественниками, с другими членами своего народа’:

Без единого духовного пространства трудно запустить механизмы полноценных экономических и политических процессов. В основе духовного единения лежит патриотизм [НКРЯ — Миронов Максим. КОРНИ КРЕПКИ // Труд-7, 2002.11.27];

— Военно-патриотическая песня нужна нам всем, особенно в непростой для страны этап, когда мы понимаем, что только чувство единения, патриотизма, сплоченности способно нам дать те ресурсы, благодаря которым мы действительно будем на все времена оставаться великой страной, великой державой... [НКРЯ — Екатерина Фомина. Росгвардия подала голос. Новое силовое ведомство провело фестиваль детской патриотической песни в дивизии им. Дзержинского // Новая газета, 2016.12.03].

(10) ‘Стремление стоять на защите интересов своего отечества, своего народа’:

И еще потому, что перед смертельной опасностью для нашей Родины все, мужчины и женщины, парни и девушки, дети многонационального народа по извечному зову патриотизма, любви и преданности своему Отечеству встает на его защиту [НКРЯ — Батарей с женским составом // «Жизнь национальностей», 2002.06.05];

*Перед прямой угрозой войны Вам, как Верховному Главнокомандующему, следует опереться на офицеров и генералов, выходцев из рабочих и крестьян, на трудовое казачество, на таких патриотов, как Герой России полковник Валентин Полянский и казачий атаман Михаил Филин, преследуемый за **патриотизм** и готовность с оружием в руках защитить свой народ [НКРЯ — Митинг у генштаба // «Молния», 2002.04.08].*

(11) 'Политический и нравственный принцип, содержанием которого выступает любовь к отечеству и готовность к самопожертвованию ради родины':

*В законопроекте дается определение понятию «**патриотизм**» — «нравственный принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к России, своему народу, осознание неразрывности с ними, стремление и готовность своими действиями служить их интересам, подчинить ему свои частные интересы, проявлять верность долгу в защите Отечества» [НКРЯ — В Госдуму внесен законопроект о патриотическом воспитании россиян // Коммерсант, 2017.11.15];*

Это был также утопический проект, но основанный на принципах русского национализма, патриотизма, умеренного авторитаризма и традиционного российского православия [НКРЯ — Рой Медведев. Андрей Сахаров и Александр Солженицын (2002)].

(12) 'Особое эмоционально-насыщенное переживание чувства принадлежности к родной стране, к родному языку, к национальным традициям, к своему гражданству':

*В древности демократическая форма правления не мыслилась без подлинного, горячего патриотизма; защита **Родины** считалась славным и почетным делом [НКРЯ — протоиерей Александр Ильяшенко. Экуменизм и глобализация // Православие и мир (pravmir.ru), 2004];*

А спустя два с половиной века после уничтожения аборигенов испанский поэт Антонио де Виана с горечью вспоминал: они «...были добродетельны,

честны и смелы; в них сочетались все лучшие качества человечества: великодушные, ловкость, мужество, атлетическая сила, стойкость души и тела, гордость, благородство, приветливые лица, пылкий ум, пылкий патриотизм, любовь к свободе...» [НКРЯ — Г. Босов. Архипелаг загадок // «Техника - молодежи», 1976].

(13) Разг. 'Преданность ч.-л., горячая любовь к ч.-л.' (обобщенно-расширительное):

— Елена Глебовна приняла бутылку; тональность голоса — лукавая милота. — Эти патриоты отечественных вин... — Ну, я вообще-то не француз, — уклончиво возразил Леон, — но винно-французский патриот, да [НКРЯ — Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)];

Публика на ура приняла спектакль. Горьковчане — патриоты своего театра. Спектакль действительно получился и, несмотря на тему, набившую всем оскомину, волнует [НКРЯ — Татьяна Окуневская. Татьянин день (1998)];

Тут можно использовать и пафосные слова, такие как патриотизм или преданность — своему делу, своей профессии, своей культуре [НКРЯ — Даниил Дондурей. Фабрика страхов // «Отечественные записки», 2003].

(14) 'Безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой':

Демагогический патриотизм процветает в широких кругах, а Родина, земля наша ждет патриотизма тихого, верного и многовекового [НКРЯ — Виктор Лихоносов, прозаик, почетный гражданин Краснодара. Возвращение к чистым колодцам // Известия, 2005.11.07];

Сугубо русская проблематика, с которой в свое время и вошел в литературу этот дерзкий прозаик, лишена у Пьецуха всякого намека на квасной патриотизм или почвенное самодовольство [НКРЯ — Лев Аннинский. Десять лет, которые растрясли мир // «Дружба народов», 1999.07.15]

(15) 'Обостренное чувство тоски по утраченной родине, по родным местам':

Мы окружены легендами и преданиями: патриотизм, ностальгия, родина! [НКРЯ — Владимир Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпитафиями (1975-1998)];

Нас воспитывали в духе патриотизма и любви к далёкой отчизне [НКРЯ — А. Н. Юматов. Я родился в Париже. Воспоминания // «Волга», 1999].

(16) 'Носитель чувства любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во имя интересов своей родины':

Что делать в такой ситуации тем, кто действительно искренне любит свою страну и является патриотом? [НКРЯ — Иван Макушок. Подставные // «Советская Россия», 2003.08.16];

Директор Белокалитвинского кадетского корпуса Ю. И. Леонов благодарит спонсоров за подписку, надеется на дальнейшее сотрудничество с редакцией журнала и отмечает: «Кадеты — это будущие государственные служащие, патриоты своей Родины — России [НКРЯ — Владлен Гурковский. «Родина» — кадетам // «Родина», 2010].

(17) 'Свойство / качество любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во имя интересов своей родины':

У них есть песня про старого рокера и в ней такие слова: «Я старый, старый, добрый рокер, мой прадед был в «Гамбринусе» тапер, а ты дешевый трюк, смазливый попер, все смотришь вдаль, все смотришь за бугор!» Звучит очень патриотично. Просто форма подачи непривычная [НКРЯ — В. А. Ярмолинец. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86-89» // «Волга», 2008];

Он был необычайно энергичен и организован, работоспособен до иступления, что при его глубинных знаниях и подлинной патриотичности определило право стать советником министра науки и технологий Российской Федерации и оставаться им до тех пор, пока была в нем нужда [НКРЯ — обобщенный. Памяти товарища // «Наука и жизнь», 2006].

(18) ‘Чрезмерное и показное, аффектированное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой (=ура-патриотизм, = ультрапатриотизм)’:

*В результате этого поворота идеология Советского Союза к закату его существования представляла собой неудобоваримую кашу из **ура-патриотизма** и идей Маркса образца середины XIX века (практически без всякой поправки на современность), в которые, по-хорошему, практически никто не верил [НКРЯ — Дмитрий Саркисов. Красный снаружи // lenta.ru, 2018.02.27];*

*Политолог Глеб Кузнецов — о том, почему российский **ультрапатриотизм** выбрал арабскую модель не-развития Антиамериканизм бесплоден, как евангельская смоковница [НКРЯ — Глеб Кузнецов. По пути войны, предначертанному Западом // Известия, 2014.07.01].*

(19) Спец. ‘Проявление идеологии и / или психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости (= национализм)’:

*Противопоставлять одно другому просто нелепо. Здоровый **патриотизм** близок нормальному **национализму** [НКРЯ — Национальные чувства и отношения // «Жизнь национальностей», 2004.06.16];*

*Разрушительный шовинизм и национализм под **флагом патриотизма** пели свои визгливые песни [НКРЯ — Александр Яковлев. Омут памяти. Т.1 (2001)].*

(20) Устар. ‘Соблюдение верности монарху, преданность монархическому строю (= верноподданность)’:

*Эта политика была естественной для имперской идеологии, в чьей основе государственный **патриотизм** — «преданность верховной власти (московскому государю — царю — российскому императору)» [НКРЯ — Дарина Григорова. Двугликий Янус // «Родина», 2010];*

*Немножко истории, немножко географии, много **патриотизма**, безпредельная **преданность** Государю Императору... [НКРЯ — П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 1) (1922)].*

(21) Спец. 'Идеология и политика государства, направленная на сохранение национальной самобытности, национальных идеалов и ценностей, традиций и культуры (↔ национализм, интернационализм)':

*Ныне вместо марксизма-ленинизма официальной идеологией стал **патриотизм** [НКРЯ — В. В. Овчинников. Размышления странника (2012)];*

*Поэтому **патриотизм** постепенно стал естественной государственной идеологией [ИМ — URL: <http://svom.info/entry/694>].*

(22) 'Мифологизованный конкретно-чувственный объект':

*— Не в **патриотизм** она упирается, это просто очередное столкновение интересов двух сверхдержав [НКРЯ — Ян Шенкман. «Пушки — в зад!» // Новая газета, 2016.03.09]*

*С началом карантина и всего остального **патриотизм** рухнул ну совсем [ИМ — URL: https://vk.com/wall99691_15416];*

*И куда теперь пропал этот **патриотизм**? Поражение в финале, конечно, спортивный удар для команды, и мы просто обязаны поддержать наших ребят [ИМ — URL: <https://bookmaker-ratings.ru/news/>].*

(23) 'Мифологизованное вещество с магическими свойствами':

*Теперь стало правилом в политических дебатах делить **патриотизм**, обвинять оппонента в его отсутствии [ИМ — URL: <https://www.rosbalt.ru/blogs/2017/11/20/1662076.html>];*

*Не нужно смешивать в кучу **патриотизм** и либерализм [ИМ — URL: <https://zpost.me/post/2151>].*

(24) 'Мифологизованное воображаемое пространство (среда)':

Не дают возникнуть талантливому делу, нет ходу патриотизму: «не задерживайтесь в патриотизме, проходите в интернационализм...» [НКРЯ — Георгий Бурков. Хроника сердца (1953-1990)];

Россия не погибнет, потому что при каждом кризисе она впадает в патриотизм, почти фанатичный [НКРЯ — А. С. Черняев. Дневник (1981)].

(25) 'Сверхъестественная одушевленная сущность':

Патриотизм творит чудеса [ИМ — URL: <https://graniru.org/Politics/World/m.303.html>];

Патриотизм бессмертен? Абсолютно! Как и все нравственные категории [ИМ — URL: <https://ladoga-news.ru/news?id=13549>].

В целом анализ собранного языкового материала подтверждает представленность в речевой практике носителей русского языка всех когнитивных признаков концепта ПАТРИОТИЗМ, которые были выявлены нами на предыдущих стадиях комплексного описания его концептуального содержания. Теперь, по логике предпринятого исследования, необходимо рассмотреть новые явления в лексико-семантической и словообразовательной репрезентации концепта в русской речи новейшего периода.

3.1.2. Новые явления в языковой экспликации концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи новейшего периода

Новые явления в речевой реализации концепта ПАТРИОТИЗМ связаны с семантическими и оценочными преобразованиями слов — репрезентантов концепта на лексико-семантическом и словообразовательном уровне. Рефлексы неузуального употребления и неузуального словообразования рассматриваются на материале Национального корпуса русского языка и собственного интернет-мониторинга автора.

Лексико-семантические инновации. Данные явления связаны с обогащением семантического объема концепта и с развитием его коннотативно-оценочного потенциала за счет расширения сочетаемости. Мы рассмотрим две наиболее репрезентативные, на наш взгляд, модели сочетаемости: (1) модель атрибутивной сочетаемости лексемы *патриотизм*; (2) модель генитивной метафоры с лексемой *патриотизм*.

I. Атрибутивная сочетаемость слова *патриотизм*. Лексемы *патриотизм* и *патриот* демонстрирует многообразные примеры расширения сочетаемости с **относительными прилагательными**, посредством чего область

приложимости патриотизма распространяется на те области, для которых раньше представление о патриотизме было неприменимо.

Так, например, патриоты могут быть *профессиональными*, т.е. патриотизм в негативном ключе рассматривается как профессия: *И пока «профессиональные патриоты» активно ищут «голую колонну», потомки Левши потихоньку утекают за рубеж* [НКРЯ — В. А. Рубанов. Пропагандой выиграть нельзя. доминированием в технологиях -- можно // «Огонек», 2016].

Сам патриотизм может быть *образованным, интеллектуальным, просвещенным* (т.е. приверженцы патриотизма должны быть образованными, интеллектуальными, просвещенными): *Настоящий патриотизм — это, прежде всего, образованный патриотизм* [ИМ — URL: <https://vestniknews.ru/prilozhenie/intervyu-i-stati/4485-4065.html>]/

Вообще у нас немало поводов для интеллектуального патриотизма [НКРЯ — Григорий Тарасевич. Больше снега // «Русский репортер», 2013];

Кроме того, для местных по убеждению типично усиление и природного патриотизма («с родной земли умри — не сходи»), и просвещённого патриотизма (несогласие с тем, что «где ни жить — лишь бы сыту быть»), и российского патриотизма, что свидетельствует об альтруистическом, эмоциональном отношении к земле, которая стала для них новой (или второй) малой родиной [НКРЯ — М. П. Крылов. Региональная идентичность населения европейской России (2008) // «Вестник РАН», 2009].

Последний пример интересен контекстуальным противопоставлением *просвещенный* и *природный*, т.е. идущий изнутри, в раках чистого чувства, а не от образования. Вообще в этом значении много примеров, когда прилагательное *природный* определяет патриотизм: *Ее природный патриотизм взял верх, когда развязывалась вторая мировая война* [НКРЯ — Виталий Вульф. Судьба Ольги Чеховой (1998)].

В ряде контекстов сочетаемость лексемы *патриотизм* с относительными прилагательными выступает как перестройка генитивного сочетания с посессивной семантикой, выражая возраст людей, испытывающих чувство

патриотизма — *детский, подростковый патриотизм* (= патриотизм человека в детском / подростковом возрасте):

*У меня был такой **детский патриотизм**. Ну, мама прозрела раньше. Она рассказывала о своей знакомой, которая встретила другую знакомую, еврейку, и спросила: «Как вы живете?» [НКРЯ — Л. В. Оборин, Ю. В. Манн. «Гоголь, конечно, диктаторский. Он покоряет, и ничего не поделаешь». Филолог Юрий Манн о военном детстве, сталинизме и втором томе «Мертвых душ» (2017.10.07)];*

*В 1849 году 10-летний Андрей Байков, а вслед за ним Фёдор и Ипполит под влиянием отца, а скорее восторженной атмосферы и духа **подросткового патриотизма** привилегированного военно-учебного заведения, поступают в корпус и в дальнейшем становятся пехотными офицерами [НКРЯ — А.Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)].*

Широко представлены примеры атрибутивных сочетаний с относительными прилагательными, в которых отражены современные реалии: патриотизм может быть приписан представителям тех социальных или профессиональных областей, для которых ранее это было невозможно — потребители, корпорации:

*На фоне ответных санкционных мер и запрета импорта целых товарных категорий такие программы поддержки **потребительского патриотизма**, как «Сделано на Дону», лягут на благодатную почву [НКРЯ — Бренд «Сделано на Дону» — ответ на геополитические вызовы // «Эксперт», 2014];*

*Для того чтобы сотрудники компании ценили оказанное доверие, «Бек-тал» использовал не только пафос пресловутого **корпоративного патриотизма**, но и безотказную морышку «длинного рубля» [НКРЯ — Сергей Голубицкий. Гуманоид Бек-Тал. Часть вторая. Ebony and Ivory // «Бизнес-журнал», 2004.01.30];*

*— Мы из **локального патриотизма** и финансовых соображений в течение пятнадцати лет не приглашали мировых звезд, — поясняет директор*

театра [НКРЯ — Саша Денисова. Манга в опере // «Русский репортер», № 34 (212), 1 сентября 2011].

Есть даже экзотический *IT-патриотизм*: *Но в любом случае заключенное ею пари вызывает чувство IT-патриотизма* [НКРЯ — Ольга Андреева, Григорий Тарасевич. Будущее на спор // «Русский репортер», № 7 (7), 5-12 июля 2007].

Ср. также — ироническое *online-патриотизм*: *Прививка онлайн-патриотизма. В Госдуму внесен законопроект, предписывающий российским госучреждениям и стратегическим предприятиям размещать свои интернет-сайты и электронную почту только на отечественных серверах* [НКРЯ — Прививка онлайн-патриотизма // «Эксперт», 2014].

Патриотизм может функционировать в целых областях социальной или экономической деятельности:

Однако если кампания за финансовый патриотизм будет шириться, издержки наших «антисанкций» могут превысить ущерб от исходных санкций США [НКРЯ — Дмитрий Яковенко. Это все мое, родное // «Эксперт», 2014];

Так же очевидно, что она выбивается из привычного ряда контрсанкций уже потому, что скорее ослабляет рубль. Контрсанкции — питательная среда некоего экономического патриотизма [НКРЯ — Николай Вардуль. Путин подписал антирублевый закон // Московский комсомолец, 2018.07.30].

К этой группе примеров примыкают сочетания, в которых на первый план выходит характерное для нашего времени противостояние в экономике и финансах иностранной и отечественной валюты — установка на защиту интересов отечественной валюты обозначена как *рублевый патриотизм*: *Рублевый патриотизм Решение банка «Россия» перейти исключительно на рублевые операции встретило поддержку отечественного финансового бомонда* [НКРЯ — Дмитрий Яковенко. Это все мое, родное // «Эксперт», 2014].

В обследованном материале обнаружена интересная модель метафорических употреблений атрибутивных сочетаний с относительным прилагательным, образованным от обозначения предмета быта, материала, вещества, еды, напитка или товара, который значим для той или иной группы людей, в той или иной территориальной области или профессии, может иметь символическое значение для них:

*Впрочем, немало и таких, кому **автомобильный патриотизм** вовсе неведом — это, когда всякий отечественный автомобиль иначе как «хламом» не зовется, как средство передвижения не рассматривается — при том, что денег ну очень мало [НКРЯ — Игорь Твердунов. Иномарки по цене «жигулей» // «За рулем», 2004.02.15];*

*На целую неделю **пивной патриотизм** объявлен в столице главной объединяющей идеей — в субботу в Лужниках мэр Лужков открыл четвертый Большой московский фестиваль пива [НКРЯ — Наталья Гранина. Трезвый мэр угостил москвичей пивом // «Известия», 2002.07.14]*

Более того, все, что в этом городе происходит, — абсолютное зло, деяния творятся безбожные и далекие от самоварного патриотизма [НКРЯ — Отчего свиньи не летают? // «Культура», 2002.04.08];

*Появился музей **войлочного патриотизма**. В четверг в столице родился музей с гордым названием «Русские валенки» [НКРЯ — Мария Подольская. Появился музей войлочного патриотизма // «Известия», 2001.12.20].*

Эта модель может употребляться для выражения негативно-оценочного отношения говорящего к тем или иным обычаям и традициям, присущим определенной сфере — тогда патриотизм людей этой сферы (и сами люди, его носители) дискредитируется как не настоящий, ненадлежащий, в каком-либо плане ущербный:

*В корне преодолеть «**фуришетный патриотизм**», дискредитирующий движение [НКРЯ — КПРФ — партия социализма и патриотизма // «Завтра», 2001.03.15];*

*Важное уточнение: сам Р., играющий в данном конкретном случае страдательную роль внештатного режиссера-постановщика, в качестве артиста вовсе не являлся исключением из общего правила, и автор не раз ловил его на кажущихся простительными и понятными, но явно нездоровых проявлениях **гаремного патриотизма** [НКРЯ — Владимир Рецептер. Ностальгия по Японии (2000)].*

Примечательно, что данная модель приводит к метафорическому употреблению относительных прилагательных в качественном значении, когда они используются для выражения социальной оценочности. Чаще всего эта оценка отрицательная:

- *болотный патриотизм* (в значении 'устаревший, отсталый'): *От болотного патриотизма гибнет страна... Мне корреспондент какой-то говорит: «Ну вот, теперь все разрешено, теперь, значит, вам хана?»* [НКРЯ — Вениамин Смехов. Театр моей памяти (2001)];

- *местечковый патриотизм* (в значении 'провинциальный'): *Многое говорит о том, что коммерсанта польско-белорусских кровей не развести на местечковый патриотизм и не взять на понт губернаторским окриком* [НКРЯ — Наталья Маус. Пляски вокруг неубитого медведя // «Богатей» (Саратов), 2003.05.15];

- *охранительный патриотизм* (в значении 'реакционный, консервативный'): *Обе страны консервативны, обе пережили период яростной холодной войны, взлет охранительного патриотизма, в связи с чем пользовались одними и теми же приемами.* [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008]

- *модный патриотизм* (в значении 'показной, неискренний, но востребованный как дань моде'): *Другие из этого же политического ряда играют на ставшем опять модным патриотизме* [НКРЯ — Александр Свешников. Не один в поле воин // «Богатей» (Саратов), 2003.11.13];

- *ритуальный патриотизм* (в значении 'принудительный, по долгу службы, с соблюдением внешних атрибутов, но не отражая внутренней сущности'): *Те же люди «из органов» приняли в последний момент абсурдное решение, чтобы все ученые из СССР делали доклады на русском языке, исходя из ритуального патриотизма* [НКРЯ — Михаил Голубовский. 50 лет после погрома генетики: прошлое и настоящее // «Знание - сила», 1998]

- *казенный патриотизм* (в значении 'официальный, внешний, принудительный'): *У нас сейчас опять казенный патриотизм возрождается, в школах учительницы сетуют, что дети маршировать не хотят* [НКРЯ — Борис Любимов. Три главные темы в жизни — Церковь, литература и театр (2015)];

- *демагогический патриотизм* (в значении 'неискренний, притворный, фальшивый'): *Демагогический патриотизм процветает в широких кругах, а Родина, земля наша ждет патриотизма тихого, верного и многовекового* [НКРЯ — Виктор Лихоносков, прозаик, почетный гражданин Краснодара. Возвращение к чистым колодцам // Известия, 2005.11.07];

- *парадный патриотизм* (= ура-патриотизм): *Она разделяет убеждения и предрассудки своей среды – шовинистический монархизм, великорусский парадный патриотизм, веру в незыблемость сословных и национальных привилегий, в безусловность своего кастового превосходства* [НКРЯ — Людмила Евдокимова. Февральская революция глазами любительницы «мягких тканей и духов» (2015)];

- *патетический патриотизм* (в значении 'излишне аффектированный, показательный'): *Коктейль из антикоммунизма, патетического патриотизма и любви к КПРФ* [НКРЯ — С. Г. Кара-Мурза. Антисоветский проект (2002)];

- *сентиментальный патриотизм* (в значении 'поверхностный, излишне чувствительный, бесполезный'): *А кроме того, как бы ни был суров и непримирим ко всякой иностраннице повзрослевший и абстрактно русофильствовавший на новом витке сентиментального патриотизма Колюня, в его бла-*

годарной и непослушной памяти сохранился гул пёстрой, разноголосой, разноязыкой толпы, бродившей по набережным Чёрного моря... [НКРЯ — Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000].

В атрибутивных сочетаниях слова *патриотизм* с **качественными прилагательными** актуализуются и усиливаются разные аспекты ценностного потенциала концепта ПАТРИОТИЗМ. В ряде случаев можно отметить акцентирование позитивной оценки:

- подчеркивается искренность патриотизма: *«Впрочем, личные амбиции, конечно, ничто пред интересами Расы», — поспешно поправился адмирал, опасаясь, как бы транслируемую им Флоту волну **чистого патриотизма** не замутили помехи тщеславия* [НКРЯ — Юрий Нестеренко. Из жизни инопланетян. Завоеватели // «Наука и жизнь», 2006];

- подчеркивается прогрессивный новаторский характер патриотизма: *На целое десятилетие, вплоть до середины «нулевых», восторжествовала эпоха **«нового патриотизма»** — единства интеллигенции и правительства, фальшивая аполитичность, апологетика успеха и размаха, православия и славословия, презрения ко всем тем, кто не попал на личную яхту и вертолет современности* [НКРЯ — Зиновий Зиник. Беженец из собственной эпохи // «Волга», 2012];

- подчеркивается взвешенность и разумность патриотизма: *Задача СПС — добавить в свой имидж немного **здорового патриотизма*** [НКРЯ — Виталий Цепляев. В предвкушении схватки // «Аргументы и факты», 2003].

Однако наиболее широко и разнообразно представлены контексты, выражающие разные грани негативной оценки патриотизма как не соответствующего каким-либо нормам. Много примеров, выражающих мысль о неискренности, ложности патриотизма, его неадекватности по тому или иному параметру:

*В наше время — новой волны **фальшивого патриотизма** и демагогии, полной разрозненности и желчного недоверия друг к другу, — мы ищем голос,*

в чью чистоту интонации, независимость, в чью свободу мы способны поверить [НКРЯ — Зиновий Зиник. Беженец из собственной эпохи // «Волга», 2012]

*Корысть, тщеславие, страсть к начальству, боязнь остаться лохом, пока другой урвёт, **притворный патриотизм** — на приближавшуюся фигуру смотрели масляно и выпучено* [НКРЯ — Сергей Шаргунов. Чародей (2008)];

*Азарт с проседью. Климат индивидуализма, послушания и **медоречивого патриотизма**. Но — это лишь черные мысли момента* [НКРЯ — Вениамин Смехов. Театр моей памяти (2001)];

*Оттого так обделен **мелочный патриотизм**: нас удивляет — Сергей живет, совсем не помяная Орды, и никто из переписчиков в победных веках не посмел «довести» житие в этом смысле!* [НКРЯ — Александр Терехов. Коммуналка (1995-2005)].

*Есть версия, что особо ценные картины, увезенные для продажи, покинув музей, на аукцион не выставлялись — таков был вынужденно **скрытый патриотизм** дальновидных чиновников, все-таки находивших возможности сохранить для страны ее славу* [НКРЯ — Юлия Кантор. Реальность и соцреализм: Эрмитаж в 1917-1941 гг // «Звезда», 2003].

Патриотизм может рассматриваться как излишне аффектированный, излишне категоричный, что также противоречит национальным ценностным представлениям о том, каким должен быть патриотизм, так как патриотизм нельзя навязывать окружающим:

*Ведь это же очевидное религиозное явление; только религиозное чувство у этих достойных и уважаемых людей, подвижников своего дела, выразилось не в христианских, церковных формах — а в мифологическом сознании **абсолютного патриотизма*** [НКРЯ — игумен Петр (Мещеринов). Размышления о патриотизме (2005) // predanie.ru, 2000-2010];

*... писала на русском языке и даже как-то сказала мне, когда мы что-то обсуждали и я извинилась за свой, может быть, **излишний патриотизм**:*

«Нет, я тоже не люблю, когда слишком ругают нас!..» [НКРЯ — Елена Кумпан. Вспоминая Лидию Яковлевну // «Звезда», 2002]

*Полномасштабный проект в стиле «Сказок 1001 ночи», где действие происходит в современном Багдаде, а все персонажи озабочены **навязчивым патриотизмом** и ненавязчивой ловлей Саддама Хусейна, рухнул под обломками пошлой толерантности [НКРЯ — К. Л. Селиверстов. 12 с половиной, или Моя жизнь в чистом искусстве // «Волга», 2011];*

*Когда у Софьи Андреевны были знакомства среди жен советских военных, то многие из них отличались настоящим **истеричным патриотизмом** [НКРЯ — Л. В. Немцев. Дунайская магнолия (2005) // «Волга», 2008];*

*И ушел на фронт... **Безоглядный, болезненный патриотизм!** О его гибели, а также о том, как я искал и нашел могилу отца, расскажу позже [НКРЯ — Муслим Магомаев. Любовь моя — мелодия (1999)];*

*Поверьте, я против **необузданного патриотизма** с розовой подсветкой, но зачем же так марать Россию и россиян? [НКРЯ — К американцам со своим уставом. Обратная связь // «Известия», 2003.02.20].*

Может подчеркиваться неуместность в какой-либо ситуации какого-то «особого патриотизма» (известно, что по национальным ценностным нормам патриотизм как раз не должен быть особенным, он общий и один для всех): *Не помню, чтобы вслух выражали признаки **особого патриотизма**, произносили речи [НКРЯ — А. А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания (2009)].*

Патриотизм может расцениваться как *пошлый*, т.е. несущий ложную претензию [Зализняк и др. 2005]: *Пиару очень не нравилось название рубрики, отдающее **пошлым патриотизмом**, но с этим ничего нельзя было поделать: отныне эта рубрика «принадлежала» ему, а все остальное — главному редактору [НКРЯ — М.А. Богатов. [Ко]миссия. [staats]роман (2001) // «Волга», 2008].*

Наконец, в некоторых употреблениях отражена возможность негативной оценки ситуации, когда чье-либо чувство патриотизма нарушает те или иные нравственные нормы:

И вот «совершенно неприличный» патриотизм вновь поднят на щит [ИМ — URL: <https://ks-yanao.ru/obshchestvo/>];

В этом вопросе я иногда слышу нотку оскорбленного, ревнивого патриотизма [НКРЯ — Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)].

II. Генитивные сочетания со словом патриотизм. Генитивные метафоры по модели «сущ. + сущ. в Род. пад.» также иллюстрируют разнообразные смысловые и коннотативно-оценочные преобразования лексемы патриотизм, которые отражают реалии сегодняшнего дня и характерную для нашего времени социокультурную ситуацию в России и во всем мире. Приметы современности воплощают функционирование слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ в речевой практике современных носителей языка.

Нами выявлены разные группы метафор, в которые входит лексема *патриотизм*. Наиболее распространенная метафорика для патриотизма — это использование метафоры меры и степени, которая приписывает патриотизму возможность быть измеряемым, взвешиваемым и пр.: *Степень патриотизма (было бы странно полагать, что в балабановском фильме его не окажется) тоже тщательно просчитана* [НКРЯ — Юрий Гладильщиков. Младший брат. О чем «Война» Алексея Балабанова // «Известия», 2002.03.15]

В этих случаях *патриотизм* часто переосмысливается как вещество (подробнее об этом см. выше — главу II): *В этой девушке не было ни грамма патриотизма* [НКРЯ — Андрей Геласимов. Год обмана (2003)].

Другие грани «вещественной» метафоры отражены в следующих контекстах употребления лексемы:

- патриотизм как резкий выброс жидкого или светоносного вещества:

Триумфальное возвращение Крыма вызвало всплеск патриотизма, национальной эйфории, гордости за страну — эмоций, подзабытых за годы существования новой России [НКРЯ — Петр Скоробогатый, Валерий Федоров. Украина на российских кухнях // «Эксперт», 2014];

... Июль 1914 года: вспышка патриотизма. Предыстория Первой мировой войны уходит корнями в 1871 год, когда после победы Пруссии над

Францией в центре Европы возникла мощная Германская империя [НКРЯ — А. Алексеев. Россия в 1914-1915 годах. Война на два фронта // «Наука и жизнь», 2007];

- патриотизм как смесь веществ: *Новые церкви предоставляют возможность осознанно верить во Христа без примеси идеологии и этнического патриотизма, жить в общине, как в «большой семье», где все друг друга знают, где каждый может стать лидером и где более или менее прозрачны управление и финансы* [НКРЯ — Роман Лункин. Христианский ответ обществу потребления // «Эксперт», 2013].

Вещество может быть вредоносным — патриотизм как отравка: *Те москвичи, кого Надя встречала среди аспирантов и в лабораториях, носили в себе яд своего несуществующего превосходства, этого «московского патриотизма», как называли сами они* [НКРЯ — Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990]

Имеются метафоры сна и пробуждения: *Мы принадлежим к той части Российской Поместной Церкви, которая не пошла на компромисс с дьяволом, то есть не преклонилась перед богоборческой властью, в отличие от МП, которая является человеческим учреждением, созданным Сталиным в годы Второй Мировой войны с целью пробуждения патриотизма* [НКРЯ — Г. Ракитин. Процесс очищения РПЦЗ (2006.02.18) // «Наша страна» (Аргентина), 2006].

В число традиционных групп метафор, свойственных для мировой культуры, входят метафоры движения, пути, которые позволяют представить патриотизм как эволюционный процесс: *Новый виток патриотизма в России – явление, безусловно, прогрессивное, благородное, ценное* [ИМ — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>].

Еще одна традиционная группа метафор — метафора войны во всех ее ипостасях (вооружение сторон, этапы, итоги и пр.): *Человек, который приходит в музей получает определенный заряд знания, понимания, патриотизма,*

в конце концов [НКРЯ — А. А. Данилова, Анастасия Лотарева. Алексей Левыкин: «Будешь учить историю по учебнику-выше тройки не получишь» // 2016].

Также распространенными в мировой культурной традиции группами негативно-оценочных метафор являются:

- метафора вреда, ущерба: *Для народов, подобных Русскому, дикость учения о **вреде патриотизма** до того очевидна, что не следовало бы об нём даже упоминать* [НКРЯ — коллективный. Форум: Сепаратисты провезли по Петербургу Маннергейма (2012)];

- метафора подделки, фальши: *Я думаю, любовь к берёзам торжествует за счёт любви к человеку. И развивается как **суррогат патриотизма**... Я согласен, больную, парализованную мать острее жалеешь и любишь* [НКРЯ — Сергей Довлатов. Заповедник (1983)].

Многие метафоры отражают включение патриотизма в систему товарно-денежных и экономических отношений — так называемы «экономические» метафоры: *Схожим образом идет **приватизация патриотизма** и в сфере кино* [ИМ — URL: <https://ks-yanao.ru/obshchestvo/>].

В обследованном материале наибольшее количество генитивных метафор связано с метафорой болезни в ее разных аспектах

- типы заболеваний: — *Что это, какая-то особая еврейская болезнь — **синдром российского патриотизма**?* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]

- проявления болезни:

— *Не думай, Пекочка, что я говорю это в **припадке патриотизма*** [НКРЯ — Н. Д. Старосельская. Повседневная жизнь «русского» Китая (2006)];

— *Вам не кажется, что вы все-таки перегибаете палку, — не выдержал журналист и в **приступе патриотизма** нарушил какой-то сценарий у себя в голове* [НКРЯ — А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015];

- болезненные состояния: *Только что перелезшая через забор заброшенной дачи детского сада (лезут все, кому не лень, а на калитке уже и замок заржавел, стекла в окнах второго этажа местами отсутствуют, резные*

украшения наличников, ограждений лоджий, террас — финский модерн с нотой Востока? русский стиль начала века — «угар патриотизма»? — то там, то сям выбиты, очевидно, ногою, должно быть, просто так, восточные единоборства в моде) [НКРЯ — Наталья Галкина. Вилла Рено // «Нева», 2003];

- лечение от болезни: **Прививка онлайн-патриотизма**. В Госдуму внесен законопроект, предписывающий российским госучреждениям и стратегическим предприятиям размещать свои интернет-сайты и электронную почту только на отечественных серверах [НКРЯ — Прививка онлайн-патриотизма // «Эксперт», 2014];

В целом семантические преобразования слов *патриот* и особенно — *патриотизм* отражают определенную стадию развития современного общественного сознания, для которой характерны такие черты, как крушение прежних идеалов и ценностей, засилье товарно-денежных отношений, потребительская ориентация и установка на гедонистическое отношение к жизни, нравственный релятивизм, разрушение естественных семейных, дружеских и иных связей между людьми и пр. Все это обуславливает определенную девальвацию, размывание позитивно-ценностного нравственного содержания для концепта ПАТРИОТИЗМ в наши дни.

Словообразовательные инновации. Словообразовательные неологизмы на базе корня *патриот-* в принципе отражают те же семантические и коннотативно-оценочные явления, которые мы отметили выше, для неузусуальных словоупотреблений слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ. В силу специфики самих моделей экспрессивного словообразования, на первый план в неодериватах выходит оценочно-характеризующая, а не номинативная функция. Иными словами, они создаются не для того, чтобы обозначить какое-либо новое явление в действительности, а для того, чтобы выразить эмоционально-экспрессивное отношение или ценностную реакцию говорящего.

По данным Национального корпуса русского языка и нашего интернет-мониторинга нами собран языковой материал, включающий префиксальные /

префиксоидальные и суффиксальные неогериваты. В основном в них представлена негативная оценка патриотизма, которая, как было показано раньше, в разделе 2.3 главы II, может эксплицировать три разновидности: (1) отрицательная оценочная реакция носителей языка на проявление враждебного чувства к Родине; (2) отрицательная оценочная реакция носителей языка на выражение показного, неискреннего (т.е. фальшивого) чувства любви к Родине; (3) отрицательная оценочная реакция носителей языка на чрезмерное, аффектированное выражение чувства любви к Родине.

I. Отрицательная оценочная реакция носителей языка на проявление враждебного чувства к Родине представлена префиксальными образованиями с приставкой *анти-* (рассмотрены в предыдущей главе II) и *контр-*. Говорящий таким образом выражает неприятие позиции адресата или объекта коммуникации.

Ностальгия по прошлому, утопизм и контрпатриотизм. Бывают и такие случаи, когда люди теряют “старую” родину и не обретают “новую” ... [ИМ — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18993314>];

Контрпатриот ради самого протеста против сложившейся системы [ИМ — URL: https://vk.com/topic-11253687_250295560].

II. Отрицательная оценочная реакция носителей языка на выражение показного, неискреннего (т.е. фальшивого) чувства любви к Родине представлена: (а) префиксальными / префиксоидальными неогериватами; (б) суффиксальными неогериватами.

(а) Идея ложного, неискреннего, фальшивого, показного патриотизма, имеющего чисто внешние приметы, но лишённого внутренней сути, отражена в моделях префиксального и префиксоидального словообразования с префиксами и префиксоидами как заимствованного (*квази-*, *псевдо-* и др.), так и исконного (*лже-*, *недо-*, *полу-* и др.) характера:

Но информационная война против России продолжается, и русофобы просто сменили тактику. На смену откровенной русофобии приходит псевдопатриотизм [ИМТ — URL: <https://topwar.ru/>];

Свел к нулю квазипатриотизм: эксперт прокомментировал отказ Усика от звания «Героя Украины» [ИМ — URL: <https://politexpert.net/>];

Читаешь и думаешь: вот-вот сейчас псевдопатриот Г. Сапожникова раскроет нам секрет: почему же русские так плохо живут? [НКРЯ — Галина САПОЖНИКОВА. Будут ли русские чтить коран и есть рис палочками? // Комсомольская правда, 2003.07.23];

Недопатриоты, недоэмигранты, недоукраинцы. Алена ВОЛЬСКАЯ. Молодые украинцы предпочитают любить родину на расстоянии [ИМ — URL: <https://cont.ws/@lugansk1/1112706>];

В этой картине один моряк — полубандит-полупатриот, преданный королеве, берется организовать поход в Индию и другие страны, обещая привезти для королевы золото, алмазы [НКРЯ — Анастас Микоян. Так было (1971-1974)];

Глава Сбербанка Герман Греф считает лжепатриотами тех, кто не хочет ничего менять в той стране, в которой они живут [ИМ — URL: <https://www.forbes.ru/news/>].

Также идею в каком-то смысле «неправильного», отклоняющегося от нормы патриотизма выражает модель неодеривации с приставкой *экс-*. В этих случаях в иронически сниженном ключе отрицательно характеризуется факт чьего-либо отказа от своих показных патриотических убеждений из корыстных побуждений (ведь согласно национальным нормам и ценностям, нельзя перестать быть патриотом): *Экс-патриот России попросил статус беженца в Украине* [ИМ — URL: <https://www.obozrevatel.com/crime/>].

(б) Представление о чем-либо ложном, неправильном патриотизме или о неправильности носителя этого чувства выражают неодериваты с суффиксами субъективной оценки (типа *-ишк-*). Такая модель экспрессивного словообразования в русском языке выражает пренебрежительность, уничижительность и употребляется для обозначения неприятия лица или объекта, названным производящим словом (в нашем случае — *патриот*):

Так что жри воду с капустой и заедай ржаным хлебом, **патриотишко**, т.к. картошку тебе в страну завез Колумб из загнивающего запада... [ИМ — URL: <http://plusminus.ru/firm.php?id=29>];

О чем должно сегодня болеть сердце у настоящего патриота-державника? Если вы думаете, что об упрочение высоких мировых цен на нефть, стабилизации в Чечне, укреплении властной вертикали или, на худой конец, об удвоении ВВП, вы никакой и не патриот вовсе, а так — мелочный и меркантильный **патриотишка**, не видящий дальше собственного (вполне возможно, длинного и крючковатого) носа [ИМ — URL: jewniverse.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=993].

III. Отрицательная оценочная реакция носителей языка на чрезмерное, аффектированное выражение чувства любви к Родине также представлена: (а) префиксальными неогериватами; (б) суффиксальными неогериватами.

(а) Модели окказиональной именной префиксации с использованием так называемых «размерно-оценочных префиксов» *сверх-*, *супер-*, *гипер-*, *архи-*, *ультра-*, *мега-* и пр. — для образования аугментативов с семантикой субъективной оценки весьма продуктивны в современной русской речи. Национально-культурная специфика именно русской окказиональной префиксации этого типа заключается в том, что такие модели направлены на выражение эмпатии говорящего по отношению к объекту номинации [Радбиль 2017]. Иными словами, они не столько обозначают большой объем или размер, а также повышенную степень чего-либо, сколько выражают особое эмоционально-экспрессивное отношение говорящего к объекту номинации — либо резко негативную, либо иронически сниженную позицию, его несколько несерьезное, «игровое» восприятие объекта, названного производящим словом (в нашем случае — *патриот*):

Суперпатриот с бичом. Писатель и сценарист Аркадий Инин — о главном деле последних лет Михаила Задорнова [ИМ — URL: <https://iz.ru/669405/>];

Анатолий Кузичев, *мегапатриот*-ведущий из "Время покажет", уработался и полетел отдыхать. Как вы думаете, куда? В Крым? Да, нет. На Канарские острова. На острове Тенерифе чалится. Молодец, Толя! [ИМ — URL: <https://ok.ru/chestnyraz/topic/>];

Боялся этого и *сверхпатриот* Ростопчин, который еще в войну 1807 г. писал доклады об опасности распространения слухов об освобождении крестьян ([НКРЯ — Е.В. Тарле. Бородино (1952)].

В нашем материале есть интересный пример «языковой игры» на контекстуальном противопоставлении уже вошедшего в узус слова *ура-патриот* и авторского окказионализма *увы-патриот* — причем оба слова несут отрицательную оценочность: *Ура-патриот* кричит «Крым — наш!», но едет отдыхать в богомерзкую «Гейропу» и очень любит рассуждать, что Запад — лет 100, как загнивает. И — георгиевскую ленточку нацепить. <...> *Увы-патриоты* настолько растворились в истории, что будущее для них — враждебно и подло. Настоящее — тем паче. Они словно бы радуются упавшим спутникам [ИМ — URL.: <https://zavtra.ru/blogs/>].

Увы-патриот в данном контексте обозначает носителя гипертрофированного пессимизма по поводу сегодняшнего дня своей Родины, в противовес гипертрофированному оптимизму, выраженному в лексеме *ура-патриот*.

б) Этот же тип негативной оценочности могут воплощать и окказиональные суффиксальные субстантивные образования с исконно русскими размерно-оценочными суффиксами субъективной оценки (-ищ- и пр.), выражающие ироническую гиперболизированность: *Патриотище!* Как у него за отчизну сердце болит! И сердце, и печень, и волосы не растут... [ИМ — URL: aksras.com/blog/].

Проведенный анализ неадериватов показал, что в целом данные словопотребления реализуют негативно-оценочный потенциал в концептуальном содержании и языковом воплощении концепта ПАТРИОТИЗМ, вообще характерный для сегодняшнего состояния русской речевой практике в ее неофициальных форматах, в обыденном дискурсе. При этом в современной речи можно

видеть и определенную преемственность по отношению к характеру оценочных реакций, традиционно заложенному в данном концепте.

Как и прежде, сегодня в русском мире негативно оценивается ситуация, когда у человека «слишком много патриотизма», т.е. он слишком много говорит о своем патриотизме (это вызывает подозрения в его неискренности), — и ситуация, когда у человека, по тем или иным причинам, напротив, «слишком мало патриотизма» (*недопатриот, полупатриот*): в русской культуре практически всегда негативно оцениваются противоположности патриотизма по любым смысловым основаниям — типа *антипатриотизм, интернационализм, космополитизм, шовинизм* и пр.

Таким образом, результаты исследования инновационного лексического и словообразовательного материала по данным Национального корпуса русского языка и русскоязычного сегмента интернета позволяют нам увидеть и оценить ряд важных новых явлений в развитии концептуального содержания и ценностного потенциала концепта ПАТРИОТИЗМ.

Слова — репрезентанты данного концепта существенно расширяют сферу приложимости, употребляясь применительно к таким тематическим областям, для которых представление о патриотизме раньше не предусматривалось (*IT-патриотизм, автомобильный патриотизм, «фушетный» патриотизм* и пр.). Патриотизм входят в разнообразные метафорические модели, осмысляясь в терминах вредоносного вещества, болезни, товарно-денежных отношений, что является отражением примет нашего времени.

В коннотативно-оценочном плане концепт ПАТРИОТИЗМ усиливает свою ценностную двойственность, заложенную еще на предыдущих этапах его духовной и культурной эволюции. Несмотря на то что для новых слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ в целом наблюдается развитие негативно-оценочного потенциала концепта, отрицательные ценностные реакции говорящего в основном направлены не на патриотизм вообще, а на выражение неприятия «неправильного», не соответствующего нормам патриотизма и его носителей. Это означает, что в русском мире имеется четкое представление о

том, каким должен быть патриотизм. Следовательно, данный концепт сохраняет свою социальную и культурную значимость для носителей современного русского языка.

3.2. Концепт ПАТРИОТИЗМ в языковом сознании носителей современного русского языка

3.2.1. Психолингвистический ассоциативный цепочечный эксперимент: описание процедуры исследования

На предыдущих стадиях комплексного описания концепта ПАТРИОТИЗМ нами было сформировано совокупное смысловое наполнение концепта по экстралингвистическим, лексикографическим и текстовым данным, определен его смысловой объем и смоделирована семантическая структура. Согласно принятой концепции исследования, завершающий этап описания предполагает уточнение и верификацию полученных ранее результатов посредством проведения психолингвистического эксперимента.

Цель эксперимента — определить, какие из смысловых составляющих в концептуальном содержании имеют наибольшую представленность, активны в языковом сознании современных носителей языка, как на сегодняшний день выглядит оценочный фон концепта, сохраняется ли выявленная ранее его ценностная двойственность и пр.

Методика проведения психолингвистического ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента в данной работе опирается на идеи лингвокогнитивного моделирования [Фрумкина 1991; Баранов, Добровольский 1997; Кузлякин 2005; Гусева 2008; Далян 2013] и на принципы экспериментального анализа концепта, изложенные в трудах [Клименко 1970 и 1978;

Леонтьев 1997; Гольдин 2001; Горошко 2001; Залевская 2001; Ягунова 2005; Архипова 2011].

Непосредственная процедура производства эксперимента была разработана в соответствии с методикой, принятой в Нижегородской школе анализа концептов культуры [Методические указания 2002; Ручина, Горшкова 2003; Ручина, Горшкова 2011; Ручина 2012; Русский язык 2014] на основе концепции З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин 2002, 2003, 2005, 2006–2007, 2007].

Технология проведения эксперимента основана на методике свободной ассоциации, которая заключается в обнаружении типовых ассоциативных связей, которые в процессе обобщения, суммирования и экстракции вычисляются на основе получения от респондентов индивидуальных реакций на слова-стимулы. Благодаря этому осуществляется верификация выявленных ранее когнитивных признаков. «Каждый признак может быть ранжирован по яркости в структуре концепта, можно выделить ядерные и периферийные когнитивные признаки, а также сравнить результаты ассоциативных экспериментов на один и тот же стимул в разных группах испытуемых, относящихся к разным социальным, гендерным, возрастным группам» [Попова, Стернин 2007: 140-142].

Конкретно в процессе психолингвистического ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента определяется ассоциативное поле концепта ПАТРИОТИЗМ, технология выявления которого состоит: (1) в фиксации ассоциатов, наиболее актуальных в языковом сознании испытуемых, которые выступают как цепочка реакций на слово-стимул *патриотизм*; (2) в установлении вертикальных (иерархических) и горизонтальных (парадигматических) отношений между ассоциатами и на этой основе — в определении концептуальных слоев (ядро, базовый слой, ближняя и дальняя периферия), в своей совокупности формирующих данное поле.

Группируются и суммируются максимально частотные ассоциаты, которые обладают максимальной степенью смысловой близости. Такие ассоциаты

входят в ядро и формируют интегральные когнитивные признаки. Данный когнитивный признак обозначается либо путем слова — непосредственного ассоциата, либо близким ему по смыслу словом лексической системы языка в наиболее нейтральном, минимально обусловленном значении.

На стадии обработки результатов эксперимента проводится анализ частотности полученных ассоциатов, которые интерпретируются как психолингвистические репрезентанты когнитивных признаков, и устанавливается корреляция между ними и когнитивными признаками, полученными в ходе предыдущего анализа. Выборка статистических данных по вербальным реакциям на слова-стимулы как промежуточный результат исследования представляется графически, в виде схем и диаграмм, и / или в табличной форме.

В целом в результате качественной интерпретации полученных данных по частотности выявляются когнитивные признаки, наиболее релевантные именно для языкового сознания, т.е. отражающие психологическую реальность бытования концепта.

В ходе эксперимента было опрошено 100 респондентов (это минимальное количество, исходя из требований к валидности эксперимента). В состав испытуемых входили мужчины и женщины разных возрастных групп (18 — 70 лет), разной социальной и профессиональной принадлежности (студенты, инженеры, бизнесмены, преподаватели вуза и школы, врачи и т.д.). Родной язык респондентов — русский. Испытуемым были предложены анкеты (см. **Приложение**), согласно которым на предъявление слова-стимула *патриотизм* было необходимо дать цепочку ассоциатов — словесных реакций на слово-стимул.

Специфика именно цепочечного ненаправленного ассоциативного эксперимента предполагает использование в ответах множественных свободных ассоциаций — обязательно больше одной и до пяти. В идеале вписать требовалось в анкету 5 первых, пришедших в голову словесных реакций, которые могут быть словами любой части речи или даже словосочетаниями. По харак-

теру плана выражения ассоциаты могли быть парадигматическими: синонимы, антонимы, гипонимы, гиперонимы и пр. синтагматическими: признаковые лексемы — прилагательные, наречия, существительные в роли определений и пр., перифрастическими: словосочетания, в том числе дефиниции, прагматическими: прецедентные феномены, собственные имена и под.

На стадии обработки результатов эксперимент учтены все вербальные реакции, в том числе единичные. Отбрасывались явно ошибочные ассоциаты и неразборчивые написания. Также учтены два зафиксированных отказа. Неравномерное количественное распределение ассоциатов в ответах вызвано тем, что не все испытуемые реализовали полную квоту — нескорые дали меньше 5 ответов (4, 3 и даже 2).

3.2.2. Верификация концептуального содержания и смыслового объема концепта ПАТРИОТИЗМ по результатам ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента

Результаты эксперимента включают в себя количественную обработку данных по абсолютной частоте встречаемости ассоциатов в общем массиве полученного экспериментального материала и их последующую качественную интерпретацию, на основании которой как раз и становится возможной верификация концептуального содержания и смыслового объема концепта ПАТРИОТИЗМ по результатам ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента.

Статистическая обработка результатов эксперимента. На основании расчетов по частоте встречаемости вербальных реакций была сформирована структура ассоциативного поля выявлены и определены его ядро, базовый слой, ближняя и дальняя периферия:

- **ядро** поля, включающее более 20% ассоциатов;
- **базовый слой:** 10% — 20% ассоциатов;
- **ближняя периферия:** менее 10% ассоциатов;

- дальняя периферия (индивидуальные ассоциаты).

В целом анализ дистрибуции (распределения) ассоциатов по частоте встречаемости в исследуемом материале эксперимента продемонстрировал следующие результаты, которые для удобства восприятия представлены в следующей Табл. 3.1.

Таблица 3.1.

Результаты статистической обработки данных по частотности ассоциатов на слово-стимул «патриотизм»

кон- цепт	Ядро концепта (> 20%)	Базовый слой (>10%)	Ближняя периферия (>1%)	Дальняя периферия (индивидуальные ассоциаты)
ПАТРИОТИЗМ	Родина – 40 Россия – 28	Флаг – 19 Любовь – 17 Армия – 14 9 мая – 14 Страна – 12 Война – 11 Гимн – 11 Гордость – 10 Отчизна – 10	Мир – 8 Пропаганда – 8 Путин – 7 Дом – 7 Герб – 7 Люди – 7 Родная земля – 6 Природа – 6 История – 5 Победа – 5 Чувство – 4 Традиции – 4 Герои – 4 Город – 4 ВОВ – 3 Подвиг – 3 Менталитет – 3 Семья – 3 Нация – 3 Вера – 3 Честь – 3 Долг – 3 Немцов – 2 УАЗ-патриот – 2 Столица – 2 Нижний Новгород – 2 Гражданин – 2 Улица – 2 Успех – 2	присяга – 1, поступок – 1, родные – 1, хорошо – 1, школа – 1, толпа – 1, военная служба – 1, НЛП – 1, оболванивание – 1, аутотренинг – 1, красный – 1, название – 1, сознание – 1, гуманность – 1, малая родина – 1, военная служба – 1, звезда – 1, песня – 1, самогипноз -1, ура – 1, ватники – 1, конституция – 1, фанатики -1, мужчины – 1, Севастополь – 1, Грузия -1, демократия -1, апельсин -1, американский фильм -1, май -1, обман -1, старшина -1, танк Т34 -1, единство -1, сад -1, машина -1, военный -1, культура -1, фанатизм -1, любовь к свободе-1, любовь к семье -1, соблюдение прав -1, закон – 1, честность – 1, труд -1, Новый год -1, чувство долга – 1, лозунг -1, миграция – 1, будущее -1, защита – 1, служба -1, птица - 1

Качественная интерпретация результатов эксперимента. На этой стадии проводится наложение структуры ассоциативного поля на выявленную на предыдущих этапах анализа структуру концептуального поля.

(1) **В ядро ассоциативного поля** закономерно попадают ассоциаты с словесными обозначениями *Родина* и *Россия* (собственное наименование родной страны для участников эксперимента). Не будучи языковыми синонимами, в узусе, в речевой практике эти лексемы, как правило, синонимизируются, взаимозаменяемы (находятся в отношении субституции): говорящий, произнося в нейтральном контексте слово *Родина*, по умолчанию имеет в виду 'моя родина'). Думается, что имеются все основания соотнести эти ассоциаты с ядерными когнитивными признаками концептуального поля ПАТРИОТИЗМ: (1) 'любовь к Родине как к месту рождения', (3) 'преданность своему отечеству, своему народу' и (5) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства'.

(2) **В базовый слой ассоциативного поля** попадают ассоциаты, конкретизирующие общее понятие Родины в ее разных аспектах:

- стилистически окрашенная книжно-возвышенная синонимическая номинация Родины — *Отчизна*;

- гиперонимический по отношению к Родине ассоциат — *страна*; он имплицитно присутствует как компонент толкования в большинстве когнитивных признаков концепта, выявленных ранее, например: (1) 'любовь к Родине как к месту рождения', (2) 'любовь к стране, которая приняла человека и которая признана им самим в качестве родной в соответствии с его внутренним чувством принадлежности', (3) 'преданность своему отечеству, своему народу', (4) 'ответственность перед своей родиной и своим народом', (6) 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов родины' и др.;

- названия основных чувств по отношению к Родине — *любовь, гордость* (за страну). Эти ассоциаты частично пересекаются с ядром концепту-

ального поля концепта ПАТРИОТИЗМ — с когнитивным признаком (1) 'любовь к Родине как к месту рождения', а частично — с базовым слоем концептуального поля в КП (7) 'гордость культурой, достижениями своей родины';

- номинации внешней атрибутики патриотизма, государственной символики — *столица, гимн, флаг*; данные ассоциаты можно условно соотнести с КП (11) 'политический и нравственный принцип, содержанием которого выступает любовь к отечеству и готовность к самопожертвованию ради родины', входящим в базовый слой концептуального поля, — и с КП (21) *спец.* 'идеология и политика государства, направленная на сохранение национальной самобытности, национальных идеалов и ценностей, традиций и культуры (↔ *национализм, интернационализм*)', который относится к дальней периферии концептуального поля;

- важным в целях нашего исследования фактом является то, что ряд ассоциатов базового слоя (а значит, обладающие существенной частотностью): *война, 9 Мая, армия* — так или иначе воплощают разные стороны представлений о Великой Отечественной войне и об армии в целом, которые в сознании русского человека неразрывно связаны с патриотизмом. Данные ассоциаты соотнесены с такими когнитивными признаками в базовом слое концептуального поля, как (6) 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины' и (10) 'стремление стоять на защите интересов своего отечества, своего народа' (также этот факт косвенно может свидетельствовать об определенной тенденции к милитаризованному восприятию концепта ПАТРИОТИЗМ в языковом сознании современных русских людей).

(3) В ближнюю периферию также включается ряд интересных групп ассоциатов, отражающих разные аспекты концептуального поля ПАТРИОТИЗМ:

- мир человека: *мир, люди, семья, гражданин*; соотнесены с когнитивным признаком (9) 'идентификация себя с соотечественниками, с другими членами своего народа', входящим в базовый слой концептуального поля;

- «малая родина» (*город, Нижний Новгород. дом, улица*; соотнесены с когнитивным признаком (5) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства', входящим в ядро концептуального поля;

- родная природа: *родная земля, природа*; соотнесены с другим аспектом когнитивного признака (5) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства', входящим в ядро концептуального поля;

- история народа, обычаи и традиции: *традиция, история*; соотнесены с когнитивными признаками (7) 'гордость культурой, достижениями своей родины' и (8) 'желание сохранять национальный характер, национально-культурные особенности', входящими в базовый слой концептуального поля;

- реалии политической жизни России: *Путин, пропаганда*; данные ассоциаты можно условно соотнести с КП (11) 'политический и нравственный принцип, содержанием которого выступает любовь к отечеству и готовность к самопожертвованию ради родины', входящим в базовый слой концептуального поля, — и с КП (21) *спец.* 'идеология и политика государства, направленная на сохранение национальной самобытности, национальных идеалов и ценностей, традиций и культуры (↔ *национализм, интернационализм*)', который относится к дальней периферии концептуального поля;

- номинации внешней атрибутики патриотизма, государственной символики — *столица, гимн, флаг*; соотнесены с КП (11) 'политический и нравственный принцип, содержанием которого выступает любовь к отечеству и готовность к самопожертвованию ради родины', входящим в базовый слой концептуального поля, — и с КП (21) *спец.* 'идеология и политика государства, направленная на сохранение национальной самобытности, национальных идеалов и ценностей, традиций и культуры (↔ *национализм, интернационализм*)', который относится к дальней периферии поля;

-военно-патриотическая сфера: *герои, подвиг, победа, ВОВ* (сокращенное *Великая Отечественная война*); соотнесены с когнитивными признаками (6) 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины'

и (10) 'стремление стоять на защите интересов своего отечества, своего народа' в базовом слое концептуального поля;

- чувства и состояния морального и психологического характера: *чувство, честь, долг, вера*: соотнесены с когнитивными признаками (4) 'ответственность перед своей родиной и своим народом', (6) 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины', (7) 'гордость культурой, достижениями своей родины', (8) 'желание сохранять национальный характер, национально-культурные особенности', (10) 'стремление стоять на защите интересов своего отечества, своего народа', (11) 'политический и нравственный принцип, содержанием которого выступает любовь к отечеству и готовность к самопожертвованию ради родины' и (12) 'особое эмоционально-насыщенное переживание чувства принадлежности к родной стране, к родному языку, к национальным традициям, к своему гражданству', относящимися к базовому слою концептуального поля;

- понятия сферы этнической идентичности: *менталитет, нация*: соотнесены с когнитивными признаками (8) 'желание сохранять национальный характер, национально-культурные особенности' и (9) 'идентификация себя с соотечественниками, с другими членами своего народа', относящимися к базовому слою концептуального поля;

Среди окказиональных ассоциатов отметим ассоциат *успех*, который отражает вмешательство в восприятие концепта ценностных реалий современности, а также паронимический ассоциат *УАЗ-патриот*.

(4) **В дальнюю периферию** входят единичные ассоциаты, отражающие тематические группы словесных реакций, примерно аналогичные тем, которые были выделены при анализе базового слоя и ближней периферии ассоциативного поля концепт ПАТРИОТИЗМ. В принципе сама граница между этими видами периферии субъективна, условна и подвижна, и в языковом сознании носителей языка четко не выделяется.

В целях нашего исследования важно, что только на уровне дальней периферии начинают проявляться негативно-оценочные коннотации концепта,

которые связаны с негативной реакцией на официальный патриотизм, показной и неискренней, на идеологизированное навязывание патриотизма: *обман, самогипноз, оболванивание, НЛП и др.*, а также на чрезмерный, гипертрофированный, аффектированный бездумный патриотизм: *фанатики, фанатизм* и пр. Они соотносятся с негативно-оценочными когнитивными признаками (14) 'безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой' и (18) 'чрезмерное и показное, аффектированное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой', входящими в ближнюю периферию концептуального поля.

Как видим, подобные негативные оценочные реакции уже были нами отмечены ранее, а сейчас они обнаруживают подтверждение и своей психологической реальности в языковом сознании. С другой стороны, негативное восприятие концепта все же отнесено лишь на дальнюю периферию ассоциативного поля. Это может косвенно свидетельствовать о преобладании в языковом сознании современных носителей языка позитивного восприятия «правильного» патриотизма, что некоторым образом все же отличается от ситуации неоднозначной концептуализации «любого» патриотизма в предшествующие временные периоды.

В целом следует отметить, что примерный набор типовых реакций ассоциативного поля, выделенного по результатам эксперимента, и когнитивных признаков концептуального поля, полученных на предыдущих стадиях анализа, совпадает, хотя их структура и, соответственно, распределение элементов по концептуальным слоям несколько отличается. Можно говорить об определенной содержательной корреляции в бытовании концепта ПАТРИОТИЗМ в системе языка, речевой практике и языковом сознании носителей русского языка.

Психологический ненаправленный ассоциативный цепочечный эксперимент позволяет уточнить и верифицировать совокупное смысловое напол-

нение концепта ПАТРИОТИЗМ, представленное в языковом и текстовом материале. Можно также обнаружить и некоторые новые черты в бытовании данного концепта в наши дни: (1) это своего рода возвращение к доминированию его позитивно-оценочного восприятия над восприятием негативно-оценочным (о собственно новом в этом случае едва ли можно говорить — скорее, возвращение к «старому»); (2) развитие тенденции к определенной милитаризованности в восприятии концепта, его политизации и идеологизации, акцентированию роли внешней атрибутики.

При этом в обыденном сознании в глубинных, ядерных областях рецепции концепта ПАТРИОТИЗМ по-прежнему активны и традиционные культурные установки людей на личностное переживание чувства патриотизма в духе любви к Родине, к России в целом и к малой родине — месту, где родился и вырос человек, к городу, селу, улице, дому, семье и пр.

Выводы по главе III

В главе рассмотрены рефлексy актуализации слов, воплощающих концепт ПАТРИОТИЗМ, в речевой практике носителей русского языка. Данные Национального корпуса русского языка и интернет-мониторинга подтвердили реальность обнаруженных на предыдущих этапах анализа 25 когнитивных признаков концепта.

Также на языковом материале Национального корпуса русского языка и интернет-мониторинга осуществлено исследование семантических и коннотативно-оценочных преобразований, отраженных в новых явлениях в языковой экспликации концепта ПАТРИОТИЗМ.

Анализ лексико-семантических инноваций продемонстрировал обогащение семантического объема концепта за счет расширения сочетаемости. Были рассмотрены модели атрибутивной и генитивной сочетаемости слов —

репрезентантов концепта.

Изучение атрибутивных сочетаний слов *патриотизм* и *патриот* с относительными прилагательными позволило выявить возможность распространения указанных слов на тематические области, применительно к которым чувство патриотизма ранее не могло быть приписано. Патриотизм может быть образованным, интеллектуальным, детским, подростковым, потребительским, корпоративным и даже IT- и online-патриотизмом. Чувство патриотизма также может быть приписано тематической сфере вещей, механизмов, веществ, товаров, символически значимых для их обладателей: патриотизм *автомобильный, пивной, войлочный, самоварный* и пр.

Изучение атрибутивных сочетаний слов *патриотизм* и *патриот* с качественными прилагательными обнаруживает возможность контекстной реализации неузуальной оценочности как позитивного: *чистый, новый, здоровый* патриотизм, так и негативного характера: *фальшивый, притворный, парадный, казенный, мелочный, пошлый, навязчивый, истеричный* патриотизм.

Были проанализированы модели генитивных метафор в создании которых участвует слово *патриотизм*. Словосочетания по модели «сущ. + сущ. в Род. пад.» актуализуют негативно-оценочные метафоры меры и степени, пути и движения, сна и пробуждения, войны и главным образом — болезни (*яд патриотизма, приступ патриотизма, прививка патриотизма* и под.).

Включаясь в генитивные метафоры, лексема *патриотизм* участвует в языковом выражении таких значимых черт современного мира, как крушение прежних идеалов и ценностей, засилье товарно-денежных отношений, потребительская ориентация и установка на гедонистическое отношение к жизни, нравственный релятивизм, разрушение естественных семейных, дружеских и иных связей между людьми и пр.

Анализ словообразовательных неологизмов на базе корня *патриот-* показал усиление выражения негативной оценочности в моделях префиксального и суффиксального экспрессивного словообразования, используемых для создания неогидериватов.

Показано, что в данных моделях обычно реализуется три типа негативной оценочности: (1) отрицательная оценочная реакция носителей языка на проявление враждебного чувства к Родине: *контрпатриотизм*; (2) отрицательная оценочная реакция носителей языка на выражение показного, неискреннего (т.е. фальшивого) чувства любви к Родине: *квазипатриотизм, псевдопатриотизм, лжепатриот, недопатриот, полупатриот, патриотишка*; (3) отрицательная оценочная реакция носителей языка на чрезмерное, аффектированное выражение чувства любви к Родине: *суперпатриот, мегпатриот, сверхпатриот, патриотище*.

Языковой материал по словообразовательным окказионализмам на базе корня *патриот-* продемонстрировал определенную преемственность в выражении ценностных приоритетов, которые были присущи словам — репрезентантам концепта ПАТРИОТИЗМ в предыдущие периоды смысловой эволюции концепта: и в наши дни в русском мире продолжают одинаково отрицательно оцениваться ситуации, когда у человека «слишком много патриотизма», т.е. он слишком много говорит о своем патриотизме, и когда у человека, по тем или иным причинам, напротив, «слишком мало патриотизма».

На завершающей стадии исследования, представленного в данной главе, была осуществлена статистическая обработка и качественная интерпретация результатов проведенного нами самостоятельно психолингвистического ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента. Посредством эксперимента были в целом подтверждены и уточнены выявленные ранее когнитивные признаки концепта.

Эксперимент позволил смоделировать ассоциативное поле концепта (ядро, базовый слой, ближнюю и дальнюю периферию) и на этой основе определить, какие из ассоциатов наиболее активны в языковом сознании современных носителей языка. В частности, были выявлены некоторые новые черты в бытовании данного концепта в наши дни: возвращение к доминированию его позитивно-оценочного восприятия над восприятием негативно-оценочным;

развитие тенденции к определенной милитаризованности в восприятии концепта, его политизации и идеологизации, акцентированию роли внешней атрибутики.

При этом содержательное ядро концепта — представление о любви к Родине, к родной земле, которое остается неизменным в течение веков, сохраняет свою значимость и в современном русском языковом сознании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в работе комплексное лингвокультурологическое исследование концептуального содержания, смыслового объема, семантической структуры и полевой организации концепта ПАТРИОТИЗМ, его объективации в речевой практике и языковом сознании носителей русского языка дало следующие результаты.

Изучение научной литературы по проблематике современной лингвоконцептологии позволило обосновать рабочую дефиницию концепта, который трактуется в диссертации как иерархически координированный и сложно-структурированный феномен сознания, культуры и языка, репрезентирующий относительно дискретный сегмент языковой картины мира этноса и выражаемый совокупностью разноуровневых и разнотипных средств национального языка эксплицитного и имплицитного характера. Совокупность иерархически координированных и системно организованных концептов выступает как национальная концептосфера.

В качестве минимального структурного элемента концептуального содержания выступает когнитивный признак, который представляет собой некий отдельно взятый смысл, выявляемый посредством процедуры концептуального анализа. Совокупность выявленных когнитивных признаков составляют концептуальное содержание (или семантическое наполнение) концепта. Количество выявленных признаков формирует смысловой объем концепта, а закономерные связи и отношения между ними моделируют его семантическую структуру. Концепт имеет полевую организацию

Концептуальное содержание объективируется в национальном языке посредством ключевых слов, их синонимов, гипонимов, гиперонимов и пр., производных слов на базе имени концепта, словообразовательных моделей, словоформ, имен собственных, прецедентных феноменов (в том числе фразеологизмов и паремий), грамматических категорий и граммем, свободных словосочетаний и предложений и даже целых текстов.

Обоснованная в работе концепция комплексного лингвокультурологического описания концепта ПАТРИОТИЗМ на лингвокогнитивной основе базируется на методах анализа концептов культуры, разработанных исследователями ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Концепция комплексного лингвокультурологического описания концепта ПАТРИОТИЗМ на лингвокогнитивной основе исходит из специфического характера данного концепта, который, с одной стороны, выражает чисто русские культурные смыслы, являясь одним из определяющих понятий именно в отечественном культурном пространстве, но, с другой стороны, по происхождению не является исконным, и его имя представлено заимствованным словом.

В соответствии с принятой в работе концепцией исследования, на первом этапе описания концепта были изучены особенности бытования понятийной категории «патриотизм» в пространстве мировой и отечественной культуры в экстралингвистическом аспекте. Было показано, что культурно-значимые представления о любви к родной земле были заложены в русском мире изначально, хотя четкую категориальную форму, схваченную словом патриотизм, они обрели только в XVII веке. По итогам этой стадии анализа было обнаружено 9 смысловых составляющих в содержании этой категории, получивших в дальнейшем статус когнитивных признаков.

Исследование семантического наполнения концепта ПАТРИОТИЗМ по данным лексикографических источников позволило дополнить описание его концептуального содержания за счет еще 5 когнитивных признаков. Было определено, что ядро его концептуального содержания составляют когнитивные признаки 'любовь к Родине как к месту рождения', 'преданность своему отечеству, своему народу', 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства', которые, по сути, представляют собой компоненты толкования первого, основного значения лексемы *патриотизм* в самых распространенных русских толковых словарях.

Завершение первого этапа формирования совокупного смыслового наполнения концепта заключалось в характеристике особенностей актуализации смысловых составляющих концепта ПАТРИОТИЗМ в русском фразеологическом и паремиологическом фонде. Показано, что в русской фразеологии и паремиологии в образной и эмоционально-экспрессивной форме максимально акцентируется ценностный потенциал концепта, причем как позитивно-, так и негативно-оценочные коннотации. Также в результате анализа фразеологии и паремиологии был обнаружен связанный с понятием ностальгии новый когнитивный признак 'обостренное чувство тоски по утраченной родине, по родным местам'.

На втором этапе комплексного описания концепта ПАТРИОТИЗМ были рассмотрены особенности его языковой объективации, которые, в соответствии с принятой концепцией исследования, заключаются в последовательном анализе деривационных, парадигматических и синтагматических связей и отношений между словами, воплощающими данный концепт в системе языка и в речи.

Исследование словообразовательной репрезентации концепта состояло в описании семантики производных слов, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной *патриот*. Гнездо насчитывает 28 дериватов в разной степени производности на базе мотивирующего слова *патриот*, обладает достаточно сложной иерархической организацией и разнообразными деривационными отношениями. Это свидетельствует о существенной степени его освоенности русским языковым сознанием и, соответственно, о «культурной разработанности» соответствующего концепта. По итогам описания на этой стадии было выявлено еще 3 когнитивных признака.

Анализ парадигматической репрезентации концепта (языковой и контекстуальной синонимии и антонимии) показал, что на смысловые сближения и расхождения слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ существенно влияет принадлежность говорящего к тому или иному общественно-политиче-

скому лагерю, политическая ситуация, исторический период и пр., что обуславливает превращение анализируемых слов в идеологем с наведенной полярной оценочностью (патриотизм может считаться то как положительная ценность, то как отрицательная; национализм может то синонимизироваться с патриотизмом, то антонимизироваться и под.). В результате анализа было выявлено еще три когнитивных признака.

Синтагматическая репрезентация концепта рассматривалась в работе через призму функционирования моделей концептуальной метафоризации в речевой реализации лексемы *патриотизм*. Были выявлены модели овеществления и одушевления абстракции, что дало основание сформулировать еще четыре ассоциативно-семантических когнитивных признака, в которых патриотизм представлен как чувственно-воспринимаемый объект, как вещество или пространственная среда и, наконец, как одушевленное существо со сверхъестественными свойствами. Анализ сочетаемости слов — репрезентантов концепта также позволил выявить ценностную двойственность в представлении этого концепта, с количественным преобладанием позитивно-оценочных когнитивных признаков над признаками негативно-оценочными (17 против 3).

По итогам первого и второго этапов комплексного описания концепта ПАТРИОТИЗМ было сформировано совокупное смысловое наполнение концепта, включающее в себя следующие когнитивные признаки:

- (1) 'любовь к Родине как к месту рождения';
- (2) 'любовь к стране, которая приняла человека и которая признана им самим в качестве родной в соответствии с его внутренним чувством принадлежности';
- (3) 'преданность своему отечеству, своему народу';
- (4) 'ответственность перед своей родиной и своим народом';
- (5) 'привязанность к месту своего рождения, месту жительства';
- (6) 'готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины';
- (7) 'гордость культурой, достижениями своей родины';

(8) 'желание сохранять национальный характер, национально-культурные особенности';

(9) 'идентификация себя с соотечественниками, с другими членами своего народа';

(10) 'стремление стоять на защите интересов своего отечества, своего народа';

(11) 'политический и нравственный принцип, содержанием которого выступает любовь к отечеству и готовность к самопожертвованию ради родины';

(12) 'особое эмоционально-насыщенное переживание чувства принадлежности к родной стране, к родному языку, к национальным традициям, к своему гражданству';

(13) *разг.* 'преданность ч.-л., горячая любовь к ч.-л.' (обобщенно-расширительное);

(14) 'безусловное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой' (со словом *квасной*);

(15) 'обостренное чувство тоски по утраченной родине, по родным местам';

(16) 'носитель чувства любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во имя интересов своей родины';

(17) 'свойство / качество любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во имя интересов своей родины';

(18) 'чрезмерное и показное, аффектированное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой (= *ура-патриотизм*)';

(19) *спец.* 'проявление идеологии и / или психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости (= *национализм*)';

(20) *устар.* 'соблюдение верности монарху, преданность монархическому строю (= *верноподданность*)';

(21) *спец.* 'идеология и политика государства, направленная на сохранение национальной самобытности, национальных идеалов и ценностей, традиций и культуры (↔ *национализм, интернационализм*)';

(22) 'мифологизованный конкретно-чувственный объект';

(23) 'мифологизованное вещество с магическими свойствами';

(24) 'мифологизованное воображаемое пространство (среда)';

(25) 'сверхъестественная одушевленная сущность'.

Таким образом, совокупный смысловой объем концепта составил 25 когнитивных признаков. Полученные данные позволили сформировать и представить в виде схем семантическую структуру концепта ПАТРИОТИЗМ и модель его концептуального поля.

Результаты комплексного описания концепта уже на этой, не окончательной стадии анализа позволили подтвердить гипотезу о существенной культурной и языковой освоенности представления о патриотизме в русской языковой картине мира, о богатстве и разнообразии оттенков и граней этого представления, а главное — о его исключительной национальной специфике. Несмотря на то что концепт ПАТРИОТИЗМ представлен иноязычным происхождению словом, он давно и безоговорочно стал выразителем важной конфигурации смыслов именно для русских людей, основой их национальной и культурной идентичности.

На третьем, заключительном этапе исследовались рефлексы речевой реализации слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ. Значительный массив иллюстративного материала, извлеченного в ходе этого этапа анализа из Национального корпуса русского языка и русскоязычного сегмента сети интернет подтвердил реальность обнаруженных на предыдущих этапах анализа 25 когнитивных признаков концепта в речевой практике носителей русского языка.

Кроме того, по данным Национального корпуса русского языка и интернет-мониторинга были рассмотрены лексико-семантические и словообразовательные инновации в речевой актуализации концепта ПАТРИОТИЗМ. Были выявлены значимые смысловые и коннотативно-оценочные преобразования слов, воплощающих этот концепт в современной речи.

Изучение новых явлений на уровне лексики состояло в анализе моделей неузуальной атрибутивной и генитивной сочетаемости лексем *патриотизм* и *патриот*, который позволил обнаружить рефлексы существенного семантического расширения данных слов, связанного с распространением возможности их употребления на тематические области, ранее им несвойственные (например, на сферу финансов и торговли, на сферу корпоративную и даже на сферу IT-технологий). Также лексические и словообразовательные инновации обнаруживают развитие негативно-оценочного потенциала данного концепта. Исследование обнаружило, что на концептуальное содержание патриотизма определенное влияние оказывают социальные и культурные реалии сегодняшнего дня. В частности, проанализированный материал выявил определенную девальвацию, размывание позитивно-ценностного нравственного содержания для концепта ПАТРИОТИЗМ в наши дни.

Также было показано, что, несмотря на развитие негативно-оценочного потенциала концепта в современном мире, отрицательные ценностные реакции говорящего в основном направлены не на патриотизм вообще, а на выражение неприятия «неправильного», не соответствующего нормам патриотизма и его носителей. Это означает, что в русском мире имеется четкое представление о том, каким должен быть патриотизм, и что данный концепт сохраняет свою социальную и культурную значимость и для носителей современного русского языка.

В соответствии с принятой концепцией исследования, его завершающая стадия предполагала выяснение психологической реальности выявленных на предыдущих стадиях анализа когнитивных признаков для языкового сознания

носителей языка. С этой целью нами был проведен психолингвистический ненаправленный ассоциативный цепочечный эксперимент, данные которого свидетельствуют об определенной содержательной корреляции в бытовании концепта ПАТРИОТИЗМ в системе языка, речевой практике и языковом сознании носителей русского языка.

Кроме того, статистическая обработка и качественная интерпретация результатов эксперимента представила довольно интересную картину в плане особенностей рецепции концепта ПАТРИОТИЗМ в современном русском языковом сознании. Так, были получены данные о преобладании в языковом сознании современных носителей языка позитивного восприятия «правильного» патриотизма, что некоторым образом все же отличается от ситуации неоднозначной концептуализации «любого» патриотизма в предшествующие временные периоды. Также была выявлена тенденция к определенной милитаризованности в восприятии концепта, его политизации и идеологизации, акцентированию роли внешней атрибутики.

При этом для обыденного сознания носителей языка и на современном этапе в концептуальном содержании патриотизма сохраняется и продолжает доминировать инвариантное на все времена представление о важности, значимости родной земли, родной страны, которое определяет национальную и культурную идентичность русского человека.

Очевидно, что смысловая неисчерпаемость концепта ПАТРИОТИЗМ ограничивает возможность полностью охватить все грани его концептуального содержания в одной, отдельно взятой работе. Это позволяет определить перспективы для дальнейшего исследования, которые заключаются в расширении исследовательского поля за счет сопоставительного лингвокультурологического описания концепта ПАТРИОТИЗМ в других лингвокультурах в сравнении с русской, а также за счет более полного сравнительного изучения его дискурсивного варьирования применительно к дискурсам разного типа (дискурсы политический, медийный, рекламный, юридический, официально-деловой, научный и пр.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники:

1. Википедия: Официальный сайт (ВОС) [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
2. *Даль, В.И.* Пословицы русского народа (ПРН) [Текст] / В.И. Даль. — М.: Изд-во Эксмо-Пресс. Изд-во ННН, 2000. — 616 с.
3. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
4. Свободная энциклопедия «Викисловарь» (СЭВ) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wiktionary.org> (Дата обращения: 13.06.2013).
5. Языковые данные, полученные в результате интернет-мониторинга автора в русскоязычном сегменте сети интернет (ИМ).

Научная, учебно-методическая и справочная литература

6. *Алексеев, П.В., Панин, А.В.* Философия: Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. [Текст] / П.В. Алексеев, А.В. Панин. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. — 608 с.
7. *Алефиренко, Н.Ф.* Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. — Волгоград: Перемена, 2003. — 96 с.
8. *Алефиренко, Н.Ф.* Лингвокультуральная природа ментальности // Язык. Словесность. Культура. — 2011. — №1. — С. 20-39.
9. *Алпатов, В.М.* О системоцентричном и антропоцентричном подходах к языку [Текст] / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. — 1993. — № 3. — С. 15—26.
10. Антология концептов [Текст] / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — М.: Гнозис, 2007. — 512 с.

11. *Апресян, Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [Текст] / Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. — М., 1986. — Вып. 28. — С. 5—33.
12. *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды. — Т.1. Лексическая семантика [Текст] / Ю.Д. Апресян. — М.: Языки русской культуры, 1995а. — 472с.
13. *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды. — Т.2. Интегральное описание языка [Текст] / Ю.Д. Апресян. — М.: Языки русской культуры, 1995б. — 766с.
14. *Апресян, Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1995в. — №1. — С. 37–67.
15. *Арутюнова, Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка, событие, факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 341 с.
16. *Арутюнова, Н.Д.* От редактора: Вступительная статья [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов: Сб. научн. трудов / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова; ИЯ АН СССР. — М.: Наука, 1989. — С. 3–6.
17. *Арутюнова, Н.Д.* От редактора: Вступительная статья [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. научн. трудов / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова; ИЯ АН СССР. — М.: Наука, 1991. — С. 3–5.
18. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
19. *Архипов, И.К.* Концептуализация, категоризация, текст, дискурс. Основные теоретические понятия [Текст] / И.К. Архипов // Филология и культура: Материалы III международной научной конференции. — Часть I. — Тамбов: ТГУ, 2001. — С. 13-15.
20. *Архипова, С.В.* Ассоциативный эксперимент в психолингвистике [Текст] / С.А. Архипова // Вестник БГУ. — 2011. — №11. — С. 6–9.
21. *Аскольдов, С.А.* Концепт и слово [Текст] / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. / Под ред. В.Н. Нерознака. — М.: Academia, 1997. — С. 267-280.

22. *Бабушкин, А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. — Воронеж: ВорГУ, 1996а. — 104 с.
23. *Бабушкин, А.П.* Концептуальные типы значений [Текст] / А.П. Бабушкин // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка: Сб. научн. трудов. — Воронеж: ВорГУ, 1996б. — С. 14-18.
24. *Багрецов, Д.Н., Швецов, В.Д.* Патриотизм: современные вызовы и перспективы [Текст] / Д.Н. Багрецов, В.Д. Швецов // Педагогическое образование в России. — 2016. — № 5. — С. 63–70.
25. *Баранов, А.Н., Добровольский Д.О.* Постулаты когнитивной лингвистики [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Изв. РАН. — СЛЯ. — 1997. — №1. — С. 11-21.
26. *Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О.* Аспекты теории фразеологии [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 657 с.
27. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика: Перевод с франц. [Текст] / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1974. — 448 с.
28. *Болдырев, Н.Н.* Категоризация событий и специфика национального сознания [Текст] / Н.Н. Болдырев // Язык и национальное сознание: Сб. статей. — Вып. 1. — Воронеж: Истоки, 1998. — С. 29-30.
29. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии: Учебное пособие [Текст] / Н.Н. Болдырев. — Тамбов: ТГУ, 2001. — 124 с.
30. *Болдырев, Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 18-39.
31. *Борискина, О.О.* Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса [Текст] / О.О. Борискина, А.А. Кретов. — Воронеж, 2003.
32. *Будагов, Р.А.* Человек и его язык [Текст] / Р.А. Будагов. — М.: Наука, 1976. — 133 с.

33. Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 574 с.
34. Вайсгербер, Й.-Л. Родной язык и формирование духа народа. — Изд. 2-е, испр. и доп. [Текст] / Л. Вайсгербер. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 232 с.
35. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] / Под ред. М. В. Пименовой. — Вып. 4 — Кемерово: ИПК «Графика», 2004. — 210 с.
36. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз / А. Вежбицкая. — М.: Русские словари, 1997. — 412 с.
37. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая: Пер. с англ. А.Д. Шмелева. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.
38. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — М.: Икар, 2000. — 312 с.
39. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Текст] / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — С. 140-161.
40. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в сознании [Текст] / С.Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64-72.
41. Воркачев, С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа [Текст] / С.Г. Воркачев. — Краснодар: Техн. ун-т Кубан. гос. технол. ун-та., 2002. — 142 с.
42. Воркачев, С.Г. Постулаты лингвоконцептологии [Текст] / С.Г. Воркачев // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. I. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 10-15.
43. Воркачев, С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт [Текст] / С.Г. Воркачев. — М.: Гнозис, 2007. — 284 с.

44. *Воробьев, В.В.* Лингвокультурология (теория и методы): монография [Текст] / В.В. Воробьев. — М.: Издательство Российского Университета дружбы народов, 1997. — 331 с.
45. *Гаврилюк, В.В., Маленков, В.В.* Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи [Текст] / В.В. Гаврилюк, В.В. Маленков // Социологические исследования. — 2007. — № 4. — С. 44–50.
46. *Гаспаров, Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б.М. Гаспаров. — М.: Новое Литературное Обозрение, 1996. — 352 с.
47. *Гачев, Г.Д.* Национальные образы мира [Текст] / Г.Д. Гачев. — М.: Искусство, 1989. — 368 с.
48. *Герасимова, А.А.* Формирование патриотизма современной молодежи как условие политической стабилизации российского общества: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 [Текст] / А.А. Герасимова; РАГС при Президенте РФ. — М., 2007. — 25 с.
49. *Гольдин, В.Е.* Ассоциативный эксперимент как речевая игра [Текст] / В.Е. Гольдин // Жизнь языка: Сб. ст. — М.: ИЯ РАН, 2001. — С. 226–233.
50. *Горошко, Е.И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента [Электронный ресурс] / Е.И. Горошко. — М., 2001. — URL: <http://www.textology.ru/goroshko/VerbalAss/predisl.html>.
51. *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт; Пер. с нем. под ред. и с пред. Г.В. Рамишвили. — М: Наука, 1984. — 398 с.
52. *Гусева, Е.А.* Лингвокогнитивное моделирование как понятие и явление [Текст] / Е.А. Гусева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2008. — № 2. — С. 126-131.
53. *Далян, Н.Е.* Конструирование русской языковой картины мира на концептуально-языковом уровне (в рамках кросс-культурной коммуникации) [Текст] / Н.Е. Далян // Русский язык за рубежом. — 2013. — № 5 (240). — С. 40–46.

54. *Демьянков, В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17-33.
55. *Демьянков, В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В.З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века: кол. мон. — М.: Институт языкознания РАН, 1995. — С.239-320.
56. *Дмитриева, О.А.* Об этнокультурной специфике пословиц и афоризмов [Текст] / О.А. Дмитриева // Языковая личность: культурные концепты: Сб. научн. трудов. — Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. — С. 67–74.
57. *Жинкин, Н.И.* Речь как проводник информации [Текст] / Н.И. Жинкин. — М.: Наука, 1982. — 156 с.
58. *Жинкин, Н.И.* Избранные труды. Язык. Речь. Творчество [Текст] / Н.И. Жинкин. — М.: Лабиринт, 1998. — 364 с.
59. *Жуковская, Л.И.* Семантическое наполнение концепта «менталитет / ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке: Дисс... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Л.И. Жуковская; ННГУ им. Н.И. Лобачевского. — Нижний Новгород, 2015. — 196 с.
60. *Залевская, А.А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. — С. 36-44.
61. *Залевская, А.А.* Языковое сознание: вопросы теории [Текст] / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. — 2003. — № 1. — С. 30-35.
62. *Зализняк, А.А.* Многозначность в языке и способы ее представления [Текст] / А.А. Зализняк. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 672 с.
63. *Зализняк, А.А. и др.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. [Текст] / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
64. *Звегинцев, В.А.* Мысли о лингвистике [Текст] / В.А. Звегинцев. — М.: МГУ, 1996. — 335 с.

65. *Зусман, В.Г., Кирнозе, З.И.* Национальный культурный мир как концептосфера [Текст] / В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе // Язык. Культурные концепты: Межвуз. сб. научн. трудов. — Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2003. — С. 85–90.
66. *Иванов, В.В.* Язык в сопоставлении с другими средствами передачи и хранения информации» [Текст] / В.В. Иванов // Прикладная лингвистика и машинный перевод: Сборник статей. — Киев: КГУ, 1962. — С. 104-116.
67. *Иванов, В.В.* Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем [Текст] / В.В. Иванов. — М.: Сов. радио, 1978. — 184 с.
68. *Иванова, Е.В.* Мир в английских и русских пословицах: учеб. пособие [Текст] / Е.В. Иванова. — М.: Филологический факультет СПбГУ: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. — 278 с.
69. *Иванова, С.Ю.* Патриотизм в культуре современной России: Дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 [Текст] / С.Ю. Иванова; СтавроГУ. — Ставрополь, 2004. — 403 с.
70. *Капицын, В.М.* Семиозис городского патриотизма: опыт осмысления теории и практики [Текст] / В.М. Капицын // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. — 2014. — № 3 (44). — С. 20–34.
71. *Карасик, В.И.* Культурные доминанты в языке [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: Сб. научн. трудов. — Волгоград-Архангельск: ВГУ, 1996. — С. 3–16.
72. *Карасик, В.И.* О категориях лингвокультурологии [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. трудов / ВГПУ. — Волгоград: Перемена, 2001. — С. 3-16.
73. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография [Текст] / В.И. Карасик; ВГПУ. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
74. *Карасик, В.И. и др.* Иная ментальность [Текст] / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. — М.: Гнозис, 2007. — 352 с.
75. *Карасик, В.И., Слышкин, Г.Г.* Базовые характеристики лингвокультурных концептов [Текст] / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Антология концептов /

- Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 1. — Волгоград: Перемена, 2005. — С. 13-15.
76. *Караулов, Ю.Н.* Общая и русская идеография [Текст] / Ю.Н. Караулов. — М.: Наука, 1976. — 356 с.
77. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. — М.: Наука, 1987. — 264 с.
78. *Касевич, В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык [Текст] / В.Б. Касевич. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. — 288 с.
79. *Кашапова, А.И.* Патриотизм как социальная ценность: актуализация в современных условиях [Текст] / А.И. Кашапова // Грамота. — 2014. — № 10 (48): В 3-х ч. — Ч. II. — С. 93–96.
80. *Клименко, А.П.* Вопросы психолингвистического изучения семантики [Текст] / А.П. Клименко. — Минск: Высшая школа, 1970. — 206 с.
81. *Клименко, А.П.* К экспериментальному изучению родо-видовых отношений (на материале английского языка) [Текст] / А.П. Клименко // Романское и германское языкознание. — Минск, 1978. — Вып. 8. — С. 145–152.
82. *Климкова, Л.А.* Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: Монография [Текст] / Л.А. Климкова. — Арзамас: АГПИ, 2007. — 394 с.
83. *Ковшова, М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры [Текст] / М. Л. Ковшова. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 456 с.
84. *Колесов, В.В.* Отражение русского менталитета в слове [Текст] / В.В. Колесов // Человек в зеркале наук: Труды методологического семинара «Человек». Межвузовский сборник. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1993. — С. 107–112.
85. *Колесов, В.В.* Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции [Текст] / В.В. Колесов // Язык и этнический менталитет. Сб. науч. тр. — Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. — С. 13-18.
86. *Колесов, В.В.* Философия русского слова [Текст] / В.В. Колесов. — СПб.: Юна, 2002. — 448 с.

87. *Колесов, В.В.* Русская ментальность в языке и тексте [Текст] / В.В. Колесов. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. — 624 с.
88. *Копыленко, М.М., Попова, З.Д.* Очерки по общей фразеологии [Текст] / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. — 143 с.
89. *Корнилов, О.А.* Языковые картины мира как производные национального менталитета. — 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / О.А. Корнилов. — М.: ЧеРо, 2003. — 349 с.
90. *Коростелева, Л.В.* Концепт ПАТРИОТИЗМ в контексте националистического экстремистского дискурса [Текст] / Л.В. Коростелева // Научный диалог. — 2017. — № 3. — С. 45–54.
91. *Коршунова, О.Н., Шульмин, А.А.* Концепт патриотизма в постсоветской России: к постановке проблемы [Текст] / О.Н. Коршунова, А.А. Шульмин // Вестник Казанского технологического университета. — 2013. — Т. 16. — № 23. — С. 288–291.
92. *Красных, В.В.* Строение языкового сознания: фрейм-структуры [Текст] / В.В. Красных // Когнитивная семантика. — Ч. 1. — Тамбов: ТГУ, 2000. — С. 53-55.
93. *Красных, В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций [Текст] / В.В. Красных. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
94. *Криворученко, В.К.* Патриотизм [Текст] / В.К. Криворученко // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 3. — 249-251.
95. *Крючкова, Н.В.* Лингвокультурное варьирование концептов [Текст] / Н.В. Крючкова. — Саратов: СГУ, 2005. — 165 с.
96. *Кубрякова, Е.С.* Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и структуры представления знаний: Сб.ст. — М.: Наука, 1992. — С.4-38.
97. *Кубрякова, Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 26-34.

98. *Кубрякова, Е.С.* Языковое сознание и языковая картина мира [Текст] / Е.С. Кубрякова // Филология и культура: Материалы межвузовской конференции: Ч. III. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. — С. 6-13.
99. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова / Рос. академия наук / Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
100. *Кузлякин, С.В.* Проблема создания концептуальной модели в лингвистических исследованиях [Текст] / С.В. Кузлякин // Русистика и современность. — Т.1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. — СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. — С. 136-141.
101. *Кузнецов, А.М.* Проблемы компонентного анализа в лексике: Науч.-аналит. Обзор [Текст] / А.М. Кузнецов. — М.: ИНИОН АН СССР, 1980. — 58 с.
102. *Кустова, Г.И.* Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений [Текст] / Г.И. Кустова // Вопросы языкознания. — 2000. — № 4. — С.85–109.
103. *Кустова, Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г.И. Кустова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 472 с.
104. *Лакофф, Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф; Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 792 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)
105. *Лакофф, Дж., Джонсон, М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М.: Едиториал, 2004. — 256 с.
106. *Лебедев, А.А.* Семантика концепта «патриотизм» в новостном дискурсе телеканала «звезда» [Текст] / А.А. Лебедев // Вестник Волжского универ-

ситета имени В.Н. Татищева. — 2016. — №3. — Т 1. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/semantika-kontsepta-patriotizm-v-novostnom-diskurse-telekanala-zvezda>

107. *Леонтьев, А.А.* Основы психолингвистики: Учебное пособие [Текст] / А.А. Леонтьев. — М.: Смысл, 1997. — 287 с.
108. *Лихачев, Д.С.* Избранные работы в 3-х т. Т. 2: Великое наследие. Смех в Древней Руси. Заметки о русском. — Л.: Художественная литература, 1987. — 493 с.
109. *Лихачёв, Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология [Текст] / Д.С. Лихачев. — М.: Academia, 1997. — С. 280–287.
110. Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. научн. трудов [Текст] / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова; ИЯ АН СССР. — М.: Наука, 1991. — 248 с.
111. *Лотман, Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) [Текст] / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство, 1994. — 413 с.
112. *Лотман, Ю.М., Успенский, Б.М.* О семиотическом механизме культуры [Текст] / Ю.М. Лотман, Б.М. Успенский // Труды по знаковым системам: Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып V. 284. — Тарту: ТГУ, 1971. — С. 144–167.
113. *Луков, В.А., Курганская, М.Я.* Патриотические ценностные ориентации [Текст] / В.А. Луков, М.Я. Курганская // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 2. — С. 316–317.
114. *Лутовинов, В.И.* Духовно-религиозная концепция патриотизма Ивана Ильина и современность [Текст] / В.И. Лутовинов // Национальная безопасность и геополитика России. — 2003. — № 5–6. — С. 368–385.
115. *Лыкова, Т.Р.* Анализ понятия «патриотизм»: педагогический аспект [Текст] / Т.Р. Лыкова // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 11 (Ч. 4). — С. 778–782.

116. *Мальшева, Е.Г.* Лингвокультурная идея «патриотизм» в спортивном дискурсивном пространстве: содержательная специфика. Статья 1 [Текст] / Е.Г. Мальшева // Вестник Омского университета. — 2010а. — № 2. — С. 194–199.
117. *Мальшева, Е.Г.* Лингвокультурная идея «патриотизм» в спортивном дискурсивном пространстве: содержательная специфика. Статья 2 / Е.Г. Мальшева [Текст] // Вестник Омского университета. — 2010б. — № 3. — С. 98–104.
118. *Макаров, В.В.* Отечество и патриотизм: логико-методологический анализ [Текст] / В.В. Макаров. — Саратов: Изд-во Саратовского госуниверситета, 1988. — 159 с.
119. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология. Учебное пособие [Текст] / В.А. Маслова. — М.: Academia, 2001. — 202 с.
120. *Маслова, В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие [Текст] / В.А. Маслова. — М: Флинта, Наука, 2006. — 294 с.
121. Методические указания по составлению словаря концептов русского фольклора: Методическое пособие для студентов-филологов [Текст] / Составители: доцент Т.М. Горшкова, доцент Л.И. Ручина. — Нижний Новгород: ННГУ, 2002. — 24 с.
122. Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание [Текст] / Под ред. И.А. Стернина. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. — 182 с.
123. *Мечковская, Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций [Текст] / Н.Б. Мечковская. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 432 с.
124. *Мокиенко, В.М.* Загадки русской фразеологии [Текст] / В.М. Мокиенко. — М.: Высшая школа, 1990. — 264 с.
125. *Мурзина, И.Я.* Концепт «отечество» в патриотическом дискурсе [Текст] / И.Я. Мурзина // Вестник славянских культур. — 2017. — Т. 46. — С. 39–50.

126. *Наговицына, Н.В.* Языковое воплощение концепта ПАТРИОТИЗМ в современном русском языковом сознании (по данным цепочечного ассоциативного эксперимента) [Текст] / Н.В. Наговицына // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 120–131.
127. *Наговицына, Н.В.* Смысловое наполнение и семантический объем концепта «патриотизм» в русском языке (по данным лексикографических источников) [Текст] / Н.В. Наговицына // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. — № 3. — С. 156-160.
128. *Наговицына, Н.В.* Словообразовательное гнездо с вершиной *патриот* в языковой объективации концепта «патриотизм» [Текст] / Н.В. Наговицына // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2019. — № 2. — С. 192–195.
129. *Немченко, В.Н.* Современный русский язык. Словообразование: Учебное пособие для филологических специальностей университетов [Текст] / В.Н. Немченко. — М.: Высшая школа, 1984. — 255 с.
130. *Нерознак, В.П.* От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма [Текст] / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков – Омск: ОГУ, 1998. — С.80-85.
131. *Никитин, М. В.* Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С.53-64.
132. *Никитина, С.Е.* О концептуальном анализе в народной культуре [Текст] / С.Е. Никитина // Логический анализ языка. Культурные концепты / Под ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Наука, 1991. — С. 117-123.
133. *Новиков, Е.В.* Нравственный смысла ностальгии: Автореферат дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.05 — этика [Текст] / Е.В. Новиков; МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 2009. — 19 с.
134. *Новикова, Н.С., Черемисина, Н.В.* Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира [Текст] / Н.С. Новикова, Н.В. Черемисина // Филологические науки. — 2000. — № 1. — С.40-49.

135. *Одесский, М.П., Фельдман, Д.М.* Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор [Текст] / М.П. Одесский, Д.М. Фельдман. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 263 с.
136. *Павиленис, Р.И.* Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка [Текст] / Р.И. Павиленис. — М.: Мысль, 1983. — 286 с.
137. *Падучева, Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) [Текст] / Е.В. Падучева. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
138. *Пименова, М.В.* Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие [Текст] / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 176 с.
139. *Плунгян, В.А.* Зачем мы делаем национальный корпус русского языка? [Текст] / В.А. Плунгян // Отечественные записки. — 2005. — №2(23). — С. 296–308.
140. *Пономарев, Е.В.* Концепт «отечество» в культурном сознании русской эмиграции 1920-х годов [Текст] / Е.В. Пономарев // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2016. — № 1 (26). — С. 40–47.
141. *Попова, З.Д., Стернин, И.А.* Язык и национальная картина мира [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2002. — 60 с.
142. *Попова, З.Д., Стернин, И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2003. — 191 с.
143. *Попова, З.Д., Стернин, И.А.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 1. — Волгоград: Перемена, 2005. — С. 7-10.
144. *Попова, З.Д., Стернин, И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2006, 2007. — 250 с

145. *Попова, З.Д., Стернин, И.А.* Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: АСТ: Восток—Запад, 2007. — 314 с.
146. *Постовалова, В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) [Текст] / В.И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры: Сб. статей. — М.: Наука, 1999. — С. 25-34.
147. *Постовалова, В.И.* Лингвистическая реальность и пути ее постижения (восхождение к интегральным парадигмам) [Текст] / В.И. Постовалова // Метафизика. Научный журнал. — 2016. — № 4. — С. 59–77.
148. *Почепцов, О.Г.* Языковая ментальность: способ представления мира [Текст] / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. — 1990. — №6. — С.110-122.
149. *Прохоров, Ю.Е.* В поисках концепта [Текст] / Ю.Е. Прохоров. — М.: Флинта, 2008. — 176 с.
150. *Радбиль, Т.Б.* О термине и понятии «идеологема» [Текст] / Т.Б. Радбиль // Человек и его язык: антропологический аспект исследования: Сб. научн. трудов. — Нижний Новгород: НГПУ, 1996. — С. 11–28.
151. *Радбиль, Т.Б.* Прецедентные тексты в языковой картине мира [Текст] / Т.Б. Радбиль // Языковая картина мира в синхронии и диахронии: Сб. науч. трудов. — Н. Новгород: НГПУ, 1999. С. 34–41.
152. *Радбиль, Т.Б.* Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста [Текст] / Т.Б. Радбиль // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. — С. 146-149.
153. *Радбиль, Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие. — Изд. 4-е, стереотипн. [Текст] / Т.Б. Радбиль. — М.: Флинта: Наука, 2016. — 328 с.
154. *Радбиль, Т.Б.* Язык и мир: парадоксы взаимоотражения [Текст] / Т.Б. Радбиль. — М.: Издательский дом ЯСК, 2017. — 592 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)

155. *Радбиль, Т.Б.* Когнитивистика: Учебн. пособие [Текст] / Т.Б. Радбиль. — Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. — 375 с.
156. *Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В.* Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект [Текст] / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская // Мир русского слова. — 2017. — № 2. — С. 33–39.
157. *Радбиль, Т.Б., Юматов, В.А.* Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе [Текст] / Т.Б. Радбиль // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 3 (2). — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. — С. 18–21.
158. *Рахилина, Е.В.* О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой [Текст] / Е.В. Рахилина // Язык и когнитивная деятельность / Отв. ред. Фрумкина Р.М. — М.: Наука, 1989. — С. 46–51.
159. *Рахилина, Е.В.* Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты [Текст] / Е.В. Рахилина // Семантика и информатика: Сборник научных статей. Вып. 36. — М.: Русские словари, 1998. — С. 274–323.
160. *Рахилина, Е.В.* Корпус как творческий проект [Текст] / Е.В. Рахилина // Национальный корпус русского языка: 2006–2009. Новые результаты и перспективы / Отв. ред. В. А. Плунгян. — СПб.: Нестор-История, 2009. — С. 7–24.
161. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: Кол. мон. [Текст] / Отв.ред. Б.А. Серебренников. — М.: Наука, 1988. — 216 с.
162. *Рудакова, А.В.* Когнитология и когнитивная лингвистика [Текст] / А.В. Рудакова; Под. ред. И.А. Стернина. — Изд. 2-е, испр. — Воронеж: Истоки, 2004. — 80 с.
163. *Руденко, Д.И.* Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры [Текст] / Д.И. Руденко // Вопросы языкознания. — 1992. — № 6. — С. 19—35.
164. *Рузин, И.Г.* Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов [Текст] / И.Г. Рузин // Вопросы языкознания. — 1996. — № 5.

— С. 39-50.

165. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Кол. мон. [Текст] / Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н., Жданова Е.А. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. — 325 с.
166. Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений [Текст]. — СПб.: Политехника, 2003. — 242 с.
167. Ручина, Л.И. Место лингвокультурологии в ряду лингвистических дисциплин [Текст] / Л.И. Ручина // Вестник ННГУ. — 2000. — № 1. — С. 183-186.
168. Ручина, Л.И. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления когнитивных признаков концепта [Текст] / Л.И. Ручина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2012. — № 5-3. — С. 102-106.
169. Ручина, Л.И., Горшкова, Т.М. Изучение концептов в русской народной сказке (лингвистический аспект) [Текст] / Л.И. Ручина, Т.М. Горшкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. — 2003. — № 1. — С. 124-130.
170. Ручина, Л.И., Горшкова, Т.М. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки [Текст] / Л.И. Ручина, Т.М. Горшкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 6-2. — С. 130-135.
171. Ручкин, Б.А. Российское общество: патриотизм XXI века [Текст] / Б.А. Ручкин // Знание. Понимание. Умение. — 2015. — № 1. — С. 52-70.
172. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / Л.Б. Савенкова. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. — 240 с.
173. Сайгин, В.В. Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры: опыт комплексного лингвокогнитивного описания: Монография

[Текст] / В.В. Сайгин. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. — 258 с.

174. Сафонова, А.Н. Современное понимание патриотизма в молодежной среде [Текст] / А.Н. Сафонова // Вопросы социологии, политологии, философии и истории: Мат-лы межд. заочн. науч.-практ. конф. (14 ноября 2012 г.). — Новосибирск: СибАК, 2012. — С. 20–28.
175. Светонослова, Т.А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия [Текст] / Т.А. Светонослова // Филологические науки в МГИМО: Сб. научн. трудов / МГИМО (У) МИД России; отв. ред. Г.И. Гладков. — М.: МГИМО-Университет, 2007. — № 27 (42). — 203 с. — С.39–46.
176. Селиверстова, Н.А., Курганская, М.Я. Патриотизм [Текст] / Н.А.Селиверстова, М.Я. Курганская // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 1. — С. 232-239.
177. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир; Пер. с англ.; Под ред. А.Е. Кибрика — М.: Наука, 1993. — 656 с.
178. Сидорова, Т.А. Концептуализация языковой картины мира поморов в номинациях объектов природы [Текст] / Т.А. Сидорова // Языковая картина мира поморов: коллективная монография / сост. и отв. ред. Т.А. Сидорова. — Архангельск: Изд-во САФУ, 2010. — С.139-153.
179. Слышкин, Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) [Текст] / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. — Волгоград: ВГУ, 2000. — С. 38-45.
180. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты (Монография) [Текст] / Г.Г. Слышкин. — Волгоград: Перемена, 2004. — 340 с.
181. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию: Пер. с фр.; Под ред. А.А. Холодовича. — М.: Прогресс, 1998. — С. 31-285.

182. *Степанов, Ю.С.* В трёхмерном пространстве языка [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Наука, 1985. — 335 с.
183. *Степанов, Ю.С.* Язык и метод в современной философии языка [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 674 с.
184. *Стернин, И.А.* Типы и концепты [Текст] / И.А. Стернин // Концептуальное пространство языка: Сб. научн. трудов, посвященных юбилею Н.Н. Болдырева / под ред. Е.С. Кубряковой. — Тамбов: ТГУ, 2005. — С. 257–282.
185. *Стефаненко, Т.Г.* Этнопсихология: учебное пособие [Текст] / Т.Г. Стефаненко. — М.: Институт психологии РАН; Академический проект, 1999. — 320 с.
186. *Телия, В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
187. *Телия, В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры [Текст] / В.Н. Телия. // Фразеология в контексте культуры: Сб. научн. трудов. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 13–24.
188. *Токарев, Г.В.* Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность» [Текст] / Г.В. Токарев. — Тула: ТГПУ, 2000. — 92 с.
189. *Токарев, Г.В.* Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке) [Текст] / Г.В. Токарев. — Волгоград: «Перемена», 2003. — 314 с.
190. *Толстой, Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н.И. Толстой. — М.: Индрик, 1995. — 509 с.
191. *Томилина, С.Н., Манецкая, С.В.* Современный патриотизм: сущность и проблемы [Электронный ресурс] / С.Н. Томилина, С.В. Манецкая // Научный журнал КубГАУ. — 2015. — №110 (06). — URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyu-patriotizm-suschnost-i-problemy>

192. *Трубачев, О.Н.* В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси [Текст] / О.Н. Трубачев. — М.: Наука, 2005. — 286 с.
193. *Уорф, Б.Л.* Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление [Текст] / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. I / Пер. с англ.; Под ред. В.А. Звегинцева. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960а — С. 169-182.
194. *Уорф, Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. I / Пер. с англ.; Под ред. В.А. Звегинцева. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960б. — С. 135-168.
195. *Успенский, Б.А.* Избранные труды, том I. Семиотика истории. Семиотика культуры. — 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / Б.А. Успенский. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 608 с.
196. *Успенский, Б.А.* Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство [Текст] / Б.А. Успенский. — М.: РГГУ, 2007. — 320с.
197. *Уфимцева, Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян [Текст] / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей. — М.: Институт языкознания РАН, 2000. — С. 207-219.
198. *Фан, И.Б.* Дискурс патриотизма: от многообразия к монополии [Текст] / И.Б. Фан // Дискурс-Пи. — 2013. — Вып. 1–2 (Т. 10). — С. 147–154.
199. *Филлмор, Ч.* Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1988. — С. 52-92.
200. *Фрумкина, Р.М.* Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога [Текст] / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация. — 1991. — Серия 2. — № 3. — С. 3-29.

201. *Фрумкина, Р.М.* Концепт, категория, прототип [Текст] / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сборник обзоров. — № 4. — М.: ИНИОН РАН, 1992. — С. 2-7.
202. *Хроленко, А.Т.* Основы лингвокультурологии: учеб. пособие [Текст] / А.Т. Хроленко; Под ред. В.Д. Бондалетова. — 2-е изд. — М.: Флинта; Наука, 2008. — 184 с.
203. *Цивьян, Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. — Изд. 3-е, испр. [Текст] / Т.В. Цивьян. — М.: КомКнига, 2006. — 280с.
204. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис: Кол. мон. [Текст] — М.: Наука, 1992. — 281 с.
205. *Чернейко, Л.О.* Гештальтная структура абстрактного имени [Текст] / Л.О. Чернейко // НДВШ. Филологические науки. — 1995. — №4. — С. 73-83.
206. *Чернейко, О.Л.* Логико-философский анализ абстрактного имени [Текст] / О.Л. Чернейко. — М.: Изд-во МГУ, 1997. — 320 с.
207. *Шмелев, А.Д.* Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры?: Вступительная статья [Текст] / А.Д. Шмелев // Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — С. 7-11.
208. *Шмелев, А.Д.* Русская языковая модель мира [Текст] / А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 224 с.
209. *Шмелёв, А.Д.* Языковые факты и корпусные данные [Текст] / А.Д. Шмелев // Русский язык в научном освещении. — 2010. — № 19 (1). — С. 236–265.
210. *Ягунова, Е.В.* Эксперимент в психолингвистике: Конспекты лекций и методические рекомендации. Учебное пособие для вузов [Текст] / Е.В. Ягунова. — СПб.: Изд-во «Остров», 2005 — 51 с.
211. Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Сб. ст. под ред. Н.В. Уфимцевой [Текст]. — М.: Институт языкознания РАН, 2000. — 318 с.

212. *Яковлева, Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е.С. Яковлева. — М.: Гнозис, 1994. — 327 с.
213. *Jackendoff, R.* Foundations of Language: Brain, Meanings, Grammar Evolution [Text] / R. Jackendoff. — Oxford: Oxford University Press, 2002. — 477 p.
214. *Langacker, R.W.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol.1: Theoretical Prerequisites. [Text] / R.W. Langacker. — Stanford: Stanford University Press, 1987. — 540 p.

Словари и энциклопедические источники

215. *Абрамов, Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений (СРСА) [Текст] / Н. Абрамов. — М.: Русские словари, 1999. — 431 с.
216. *Александрова, З.Е.* Словарь синонимов русского языка: Практический справочник (ССРЯА) [Текст] / З.Е. Александрова. — 8-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1991. — 144 с.
217. *Бирих, А.К.* Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник (СРФИЭС) [Текст] / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. — СПб.: Фолио-пресс, 1998. — 700 с.
218. Большая советская энциклопедия: В 30 т. (БСЭ) [Текст] / Гл. ред. А.М. Прохоров. — М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. — Т. 19: Отоми — Пластырь. — 1975. — 648 с.
219. Большой толковый словарь русских существительных (БТСРС) [Текст] / Авт.-сост. Л.Г.Бабенко, Н.А.Дьячкова, Ю.В.Казарин и др.; Под общ. ред. Л.Г.Бабенко. — М.: АСТ-Пресс, 2005. — 863 с.
220. Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ) [Текст] / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.

221. Большой универсальный словарь русского языка (БУСРЯ) [Текст] / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. — М.: «Словари XXI века», 2017. — 1456 с.
222. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий (БФСРЯ) [Текст] / Отв. ред. В.Н. Телия. — 2-е изд., стер. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. — 784 с.
223. Большой энциклопедический словарь (БЭС) [Текст] / Гл. ред. А.М. Прохоров. — М.; СПб.: Большая Российская энциклопедия, 2000. — 1456 с.
224. *Василенко, Л.И.* Краткий религиозно-философский словарь (КРФС) [Текст] / Л.И. Василенко. — М.: Истина и жизнь, 1996. — 256 с.
225. *Вишнякова, О.В.* Словарь паронимов русского языка [Текст] / О.В. Вишнякова. — М.: Русский язык, 1984. — 352 с.
226. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. (СД-II) [Текст] / В.И. Даль. — М.: Рипол-Классик, 1999. — Т. 2. — 782 с.
227. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. (СД-IV) [Текст] / В.И. Даль. — М.: Рипол-Классик, 1999. — Т. 4. — 576 с.
228. *Ефремова, Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 3-х т. (СЕ-I) [Текст] / Т.Ф. Ефремова. — М.: Русский язык, 2000. — Т. I. — 1168 с.
229. *Ефремова, Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 3-х т. (СЕ-II) [Текст] / Т.Ф. Ефремова. — М.: Русский язык, 2000. — Т. II. — 1088 с.
230. *Ефремова, Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 3-х т. (СЕ-III) [Текст] / Т.Ф. Ефремова. — М.: Русский язык, 2000. — Т. III. — 1042 с.
231. *Караулов, Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь: В 2 т. (РАС) [Текст] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др.; Рос. акад. наук. — М.: АСТ : Астрель, 2002. — Т. II. — 781 с.
232. *Комлев, Н.Г.* Словарь иностранных слов (СИС) [Текст] / Н.Г. Комлев. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 1308 с.

233. Краткий словарь философских терминов (КСФТ) [Электронный ресурс] // Сайт НЭС: Национальная философская энциклопедия. — URL: <http://terme.ru/dictionary/171>.
234. *Крысин, Л. П.* Современный словарь иностранных слов (ССИС) [Текст] / Л. П. Крысин ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. — М. : АСТ-ПРЕСС, 2014. — 410 с.
235. *Кубрякова, Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ) [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, П. Г. Лузина; Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. — М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — 245 с.
236. *Курилова, А. Д.* Новый фразеологический словарь русского языка: более 8000 фразеологизмов (НФСРЯ) [Текст] / А. Д. Курилова, — М.: Русский язык — Медиа; Дрофа, 2009. — 777 с.
237. *Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г.* Большой словарь русских поговорок (БСРП) [Текст] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — М.: ОлмаМедиаГрупп / Просвещение, 2008. — 784 с.
238. Новейший большой толковый словарь русского языка (НБТСРЯ) [Текст] / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., М.: Норинт; Рипол классик, 2008. — 1534 с.
239. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (НОССРЯ) [Текст] / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Вып. 1. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 1488 с.
240. *Львов, М. Р.* Словарь антонимов русского языка (САРЯ) [Текст] / М. Р. Львов. — М.: Русский язык, 1985. — 384 с.
241. Новая философская энциклопедия: в 4 т. (НФЭ)/ Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин. — М.: Мысль, 2000–2001. — Т. 3. — 692 с.
242. *Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений— 14-е изд., дополненное (СОШ) /

- [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 1993. — 944 с.
243. Опыт словаря нового мышления (ОСНМ) [Текст] / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. — М.: Прогресс, 1989. — 560 с.
244. Саяхова, Л.Г. и др. Тематический словарь русского языка (ТСРЯ) [Текст] / Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин; под ред. В.В. Морковкина. — М.: Русский язык, 2000. — 560 с.
245. Словарь ассоциативных норм русского языка (САН) [Текст] / Под ред. А.А. Леонтьева. — М.: МГУ, 1977. — 190 с.
246. Словарь образных выражений русского языка (СОВРЯ) [Текст] / под ред. В.Н. Телия. — М.: Отечество, 1995. — 368 с.
247. Словарь русских синонимов 1 (online - онлайн версия) (СРС 1). Русский язык. Classes.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms.htm>
248. Словарь русских синонимов 4 (online - онлайн версия) (СРС 4). Русский язык. Classes.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-synonyms4.htm>
249. Словарь русского языка: В 4-х т. (МАС-III) [Текст] / Под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985–1988. — Т. III. — 750 с.
250. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. (ССРЯ-II) [Текст] / Под ред. А.П. Евгеньевой. — Л.: АН СССР, Институт русского языка, 1970–1971. — Т.2: О-Я. — 1971. — 856 с.
251. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС-VIII) [Текст]. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. — Т. VIII. — 1959. — 1842 стлб.
252. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС-IX) [Текст]. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. — Т. IX. — 1959. — 1482 стлб.

253. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС-ХП) [Текст]. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. — Т. XII. — 1961. — 1676 стлб.
254. Социологическая энциклопедия: В 2 т. (СЭ) [Текст] / Рук. авт. кол-ва Г.Ю. Семигин. — М.: Мысль, 2003. — Т. 2. — 863 с.
255. *Степанов, Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования (КСРК) [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Академпроект, 1997. — 989 с.
256. *Тихонов, А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка в двух томах: Ок 145000 слов: В 2-х т. (СТ) [Текст] / А.Н. Тихонов. — М.: Русский язык, 1985. — Т. 2. — 885 с.
257. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения (ТСРЯ-XXв) [Текст] / ИЛИ РАН; Под ред. Г.Н. Складчиковой. — М.: Астрель, 2005. — 894 с.
258. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. (СУ-III) [Текст] / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: «Терра», 1996. — Т. 3. — 1424 стлб.
259. *Фелицына, В.П., Прохоров, Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь (РППКВ) [Текст] / В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров. — М., Русский язык, 1979. — 256 с.
260. Философский энциклопедический словарь (ФЭС 1983) [Текст] / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. — М.: Советская энциклопедия. 1983. — 840 с.
261. Философский энциклопедический словарь (ФЭС 2003) [Текст] / Ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 576 с.
262. Фразеологический словарь русского языка (ФСРЯ) [Текст] / Составители: Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров / Под ред. А.И. Молоткова. — М.: «Советская Энциклопедия», 1968. — 543 с.
263. Этнопсихологический словарь (ЭПС) [Текст] / Сост. В.Г. Крысько. — М.: МПСИ. 1999. — 343 с.

264. Языкознание. Большой энциклопедический словарь (ЯБЭС) [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая российская энциклопедия, 1998. — 685 с.

АНКЕТА ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НЕНАПРАВЛЕННОГО АССОЦИАТИВНОГО ЦЕПОЧЕЧНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Уважаемый респондент!

Спасибо, что согласились принять участие в нашем исследовании!

Пожалуйста, напишите по 5 слов любой части речи, которые первыми приходят Вам на ум, когда Вы слышите или видите слово «патриотизм».

Не нужно долго размышлять – напротив, важны самые первые ассоциации.

ПАТРИОТИЗМ

1

2

3

4

5

БОЛЬШОЕ СПАСИБО ЗА ВАШИ ОТВЕТЫ!!!